

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 года в современной историографии

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
1812 ГОДА
В СОВРЕМЕННОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ**

**СБОРНИК
ОБЗОРОВ И РЕФЕРАТОВ**

**МОСКВА
2012**

ББК 63.3(2)47
О 82

Серия
«История России»

**Центр социальных научно-информационных
исследований**

Отдел истории

Ответственный редактор –
канд. ист. наук *О.В. Большакова*

Ответственный за выпуск –
канд. ист. наук *М.М. Минц*

О 82 Отечественная война 1812 года в современной исто-
ториографии: Сб. обзоров и реф. / РАН. ИНИОН. Центр
социал. науч.-информ. исслед. Отд. истории; Отв. ред.
Большакова О.В. – М., 2012. – 172 с. – (Сер.: История
России).
ISBN 978-5-248-00634-2

Анализируются работы отечественных и зарубежных историков, посвященные Отечественной войне 1812 г., ее предпосылкам и последствиям. Особое внимание уделяется формированию образа войны 1812 года в художественной литературе и исторической памяти.

Для научных работников, преподавателей вузов, аспирантов и студентов.

ББК 63.3(2)47

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>Эсдейл Ч.</i> Наполеоновские войны: Международная история. (Реферат)	9
<i>Ливен Д.</i> Россия против Наполеона: Подлинная история кампаний «Войны и мира». (Реферат)	15
<i>Кастело А.</i> Русская кампания. (Реферат)	31
Русская кампания Наполеона I в польской историографии. (Сводный реферат)	39
<i>Троицкий Н.А.</i> Александр I против Наполеона. (Реферат)	54
<i>Безотосный В.М.</i> Разведка и планы сторон в 1812 году. (Реферат)	61
<i>Попов А.И.</i> Великая армия в России. Погоня за миражом. (Реферат)	71
Отечественная война 1812 года в трудах Л.Л. Ивченко. (Сводный реферат)	80
<i>Латина И.Ю.</i> Земское ополчение России 1812–1814 годов. (Реферат)	93
<i>Белоусов С.В.</i> Провинциальное общество и Отечественная война 1812 года (по материалам Среднего Поволжья). (Реферат)	98
<i>Эшби Р.</i> Наполеон против превосходящих сил Коалиции: Император и защитники Франции в 1814 г. (Реферат)	107
<i>Робертс Э.</i> Ватерлоо 18 июня 1815: Битва за современную Европу. (Реферат)	112
<i>Кинг Д.</i> Битва дипломатов, или Вена, 1814. (Реферат)	120
<i>Майер К.Й.</i> Солдаты Наполеона: Повседневность Великой армии. (Реферат)	128
Женские лица наполеоновских битв. (Сводный реферат)	136

<i>О.В. Большакова. 1812 год и русское национальное самосознание: Англоязычная историография. (Научно-аналитический обзор).....</i>	144
Наполеоновские войны на ментальных картах Европы: Историческое сознание и литературные мифы. (Реферат)	161
<i>Стайтс Р. Декабристы с испанским акцентом. (Реферат)</i>	168

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию читателей сборник, подготовленный силами сотрудников Отдела истории ИНИОН РАН, приурочен к 200-летию юбилею Отечественной войны 1812 года. В нем предпринята попытка дать срез современной историографии, отечественной и зарубежной, причем преследуется двоякая цель. С одной стороны, сборник призван помочь читателю составить представление о темах и направлениях современных исследований этого важного исторического события, с другой – содержащийся в нем богатый фактический материал должен оказаться полезным для всех, кто интересуется историей.

Отечественная война 1812 года оставила яркий след в истории и культуре России. За два столетия ей были посвящены многие тома исторических и литературных произведений, многочисленные живописные полотна, музейные экспозиции, кинофильмы и даже компьютерные игры. При всей насыщенности русской истории всевозможными войнами, «гроза двенадцатого года» выделяется в первую очередь тем, что ее образы, знакомые каждому по роману Л.Н. Толстого «Война и мир», вновь и вновь возникают в общественном сознании в годы потрясений. Они воплощают в себе примеры и образцы русского патриотизма, которые находят отклик во всех слоях населения.

Именно поэтому юбилеи Отечественной войны 1812 года всегда отмечались всей страной: празднование ее столетия в 1912 г. превратилось в важное общественное событие, а к 150-летию было приурочено открытие таких значимых памятников культуры, как Бородинская панорама в Москве. Стимулировалось юбилеями и развитие исторических исследований. В 1912 г. вышло в свет семитомное издание «Война 1812 г. и русское общество», в котором приняли участие многие крупнейшие историки того времени. Через

50 лет, в 1962 г., советская историография обогатилась рядом интересных исследований и публикаций документов, подготовленных к всенародному юбилею. Однако именно тогда в советской исторической науке была закреплена модель изучения Отечественной войны 1812 года, основанная на идеологии «холодной войны». «Железный занавес» к тому времени не только отделил советскую науку от международной, но разделил и самих советских исследователей; в результате изучением войны 1812 года занимались специалисты по истории СССР, а такие темы, как войны Третьей коалиции, заграничные походы русской армии 1813–1814 гг., Венский конгресс, стали прерогативой специалистов по всеобщей истории.

Этот перекосяк начинает постепенно преодолеваться, особенно в западной историографии, которая более не склонна рассматривать Россию изолированно, как нечто уникальное и опасное. Для западных исследователей, занимающихся изучением «революционной эпохи» в Европе и Америке 1780–1820-х годов, Русская кампания является важным, хотя и относительно слабо изученным эпизодом. Тем не менее после окончания «холодной войны» в трактовках западных историков наблюдались перемены в сторону более взвешенных и объективных оценок, признания значимости Русской кампании для всего хода Наполеоновских войн.

В новом тысячелетии значительно активизировалось изучение истории Европы наполеоновской эпохи. Пожалуй, можно говорить о начале нового этапа исследований этой темы, который характеризуется высоким уровнем международного сотрудничества. В частности, в рамках совместного проекта британских и немецких историков, посвященного эпохе 1780–1820-х годов, уже выпущено несколько монографий и запланирована публикация еще целого ряда изданий¹. Уделяется в них место и России, как, например, в монографии британского историка Чарльза Эсдейла, посвященной истории Наполеоновских войн (см. реферат, подготовлен-

¹ См. об этом: <http://www.unc.edu/nbi/project.html>; Soldiers, citizens and civilians: Experiences and perceptions of the Revolutionary and Napoleonic Wars, 1780–1820 / Ed. by Forrest A., Hagemann K., Rendall J. – Basingstoke; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2009; The bee and the eagle: Napoleonic France and the end of the Holy Roman empire, 1806 / Ed. by Broers M., Guimera A., Hicks P. – Basingstoke; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2009; War, empire, and slavery, 1770–1830 / Ed. by Bessel R., Guyatt N., Rendall J. – Houndmills, Basingstoke, Hampshire; N. Y.: Palgrave Macmillan, 2010; Gender, war and politics: Transatlantic perspectives, 1775–1830 / Ed. by Hagemann K., Mettele G., Rendall J. – Basingstoke; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2010.

ный О.В. Большаковой). Этот материал открывает сборник и помещает Отечественную войну 1812 года в общеевропейский контекст.

Представленный в сборнике обширный реферат книги Доминика Ливена, профессора Лондонской школы экономики (автор реферата – М.М. Минц), целиком посвящен России и ее борьбе с Наполеоном. Война 1812 года предстает в этом тексте как составная часть длительного исторического процесса, как кульминация Наполеоновских войн.

Французская историография кампании 1812 г. была известна своей антирусской позицией, однако в 1990-е годы в ней появились тенденции к пересмотру односторонних взглядов. Пример такой переоценки представлен в реферате на книгу известного французского журналиста, историка и писателя Андре Кастело, написанном Т.М. Фадеевой. Польская историография кампании 1812 г., до сих пор не во всем свободная от вековых предубеждений против России, нашла свое отражение в сводном реферате, написанном О.В. Бабенко.

Важные эпизоды Наполеоновских войн, недостаточно известные нашему читателю, освещаются в рефератах, написанных С.В. Беспаловым и В.М. Шевыриным, в которых рассматривается заключительный этап сражений в Европе в 1814–1815 гг. Целый ряд внешнеполитических аспектов нашел отражение в рефератах, посвященных русской разведке, сравнительным биографиям двух императоров, Наполеона и Александра, наконец, завершающему событию эпохи Наполеоновских войн – Венскому конгрессу и созданию Священного союза (рефераты В.С. Коновалова, Ю.В. Дунаевой).

Немалое место уделяется в отечественной и зарубежной историографии повседневности, быту как русской армии, так и наполеоновской (рефераты О.В. Бабенко и М.М. Минца). «Женское лицо» наполеоновских войн – тема сводного реферата, написанного Ю.В. Дунаевой.

Новый для постсоветской историографии аспект в изучении Отечественной войны 1812 года и Наполеоновских войн в целом – особое внимание к памяти и мифологии. Первой ласточкой в этом отношении стала международная конференция, проведенная в РГГУ в 2011 г. (реферат ее материалов представлен И.Е. Эман). Еще одним важным для развития международного сотрудничества в исследовании этой темы событием является конференция «После грозы. 1812 год в коллективной памяти России и Европы», организованная Германским историческим институтом в Москве (май 2012 г.). Роль войны 1812 г. в формировании русского националь-

ного самосознания – тема обзора англоязычной литературы, представленного О.В. Большаковой.

Завершает сборник материал, посвященный движению декабристов, которое рассматривается в опубликованной посмертно статье американского историка Р. Стайтса в общеевропейском контексте, как наследие Наполеоновских войн.

О.В. Большакова

Эсдейл Ч.
НАПОЛЕОНОВСКИЕ ВОЙНЫ:
МЕЖДУНАРОДНАЯ ИСТОРИЯ
(Реферат)

Esdaile Ch.

Napoleon's wars: An international history, 1803–1815. – L.;
N.Y.: Allen Lane, 2007. – XVII, 621 p.

В монографии Чарльза Эсдейла, профессора истории Ливерпульского университета, предпринята попытка дать обобщенную историю Наполеоновских войн в панъевропейском измерении. Книга состоит из введения и 11 глав, в которых последовательно представлены события военно-политической истории Европы 1792–1815 гг., начиная с революционных войн Франции и прихода Наполеона к власти и заканчивая Венским конгрессом.

Рассматривая предысторию Наполеоновских войн, начавшихся в 1803 г., автор указывает, что бытующая в историографии интерпретация международного конфликта как идеологического столкновения принципов Французской революции и «старого режима» слишком упрощает реальное положение дел. Несмотря на то что неприязнь и отвращение к якобинству, так же как и пропаганда революции со стороны Франции, имели место, тем не менее ни одна из держав не ставила своей задачей восстановить «старый порядок» во Франции, и целью создания европейских коалиций не являлся «крестовый поход против революции» (с. 45). Участвуя в так называемых «революционных войнах», начавшихся в 1792 г. и завершившихся Амьенским миром 1802 г., многие правительства продолжали проводить традиционную внешнюю политику, учитывая вполне прагматические и тоже традиционные интересы. Россия, например, в 1794 г. сражалась не с французами, а с поля-

ками, а во время Наполеоновских войн Александр I принимал также участие в конфликтах на Балканах, на Балтике, в Средней Азии. Аналогичным образом и шведы в 1814 г. не столько боролись с Наполеоном, сколько стремились завоевать Норвегию (с. 6).

Во Франции идея идеологической войны была сильнее: в 1791–1792 гг. там действительно боялись контрреволюционной интервенции, однако, вступив в военный конфликт с Австрией, французы всячески старались избежать столкновения с Пруссией. И если первоначально радикалы искренне стремились осуществить своего рода «экспорт революции», то после 1793 г., Термидора и с установлением в 1795 г. режима Директории идея «освобождения» Европы девальвировалась. Это уже были просто слова, маскировавшие вполне прагматические интересы по аннексии Бельгии или же эксплуатации Голландии (с. 47).

Когда Франция оказалась в руках одного человека – Наполеона, в международные отношения вошел новый элемент: личные амбиции такого масштаба, что для них оказались тесны границы европейской системы, пишет автор (с. 70). Начался новый этап общеевропейских конфликтов. Подчеркивая преемственность между революционными и Наполеоновскими войнами, Ч. Эсдейл утверждает, что в основе конфликтов, раздиравших Европу в 1792–1815 гг., лежали не столько агрессивность Наполеона и его жажда власти, сколько структурные факторы системного характера. Первым из них, относящимся к балансу международных сил, автор считает проблему с Восточной Европой, точнее, необходимость заполнения вакуума, возникшего в результате упадка Швеции, Польши и Османской империи. Вторым фактором являлся колониальный и торговый конфликт между Великобританией и Францией, который длился в течение всего XVIII в. Таким образом, по мнению автора, войны революционной Франции являлись частью более широкого кризиса, который начался в Восточной Европе в 1787 г., и во многих отношениях ничем не отличались от династических войн, которые велись в Европе в раннее Новое время (с. 6).

Принято считать, что эпоха Наполеоновских войн началась 18 мая 1803 г., когда Англия объявила войну Франции и ее новому правителю, первому консулу империи Наполеону Бонапарту. В течение первых двух лет две державы вели войну на море; позже, летом 1805 г., возникла мощная антифранцузская коалиция, в которую наряду с Англией вошли Австрия, Россия, Швеция и Неаполь. На море франко-испанский флот потерпел поражение в битве при Трафальгаре, но на суше французам удалось разгромить австрий-

ские войска при Ульме, а затем – объединенную русско-австрийскую армию при Аустерлице. Австрия заключила мир, к миру были готовы и Англия, и Россия. Но даже если бы это произошло, пишет автор, вряд ли Европа была бы способна сохранить мир. После восстания в Сербии в 1804 г. Османская империя быстро сползала к войне с Россией, конфликт между ними разразился осенью 1806 г. Тогда же Пруссия напала на Наполеона, но потерпела поражение в двойной битве при Иене и Ауэрштедте. Вторжение французских войск в Польшу привело к «ужасному кровопролитию на заснеженном поле Эйлау» в феврале 1807 г. Еще один триумф французов при Фридланде убедил российского императора Александра заключить мир с Францией.

Это был поворотный для Наполеона момент, пишет автор. Коронованный в декабре 1804 г., он оказался во главе обширной империи. В течение следующих нескольких лет на месте республик-сателлитов, унаследованных от 1790-х годов, возникло достаточно пестрое объединение многочисленных монархий, которыми управляли братья и сестры Наполеона. Они включали в себя Голландию, немецкие государства Вестфалию и Берг, Итальянское королевство и Неаполь. Многие другие области – Бельгия, Рейнские земли, Пьемонт – были аннексированы Францией, а в Германии Священная Римская империя была заменена новой Рейнской конфедерацией, попавшей под контроль Франции, так же как и часть Польши, в которой было создано Великое герцогство Варшавское. Притом что Испания стала преданным союзником, а Россия фактически склонилась присоединиться к Наполеону в его войне с Англией, путь к окончательной победе был открыт. Для этого император инициировал блокаду британской торговли, получившую название «континентальной системы» (с. 2).

Однако Наполеону не удалось использовать эту возможность, и часто говорят, что в 1808 г. он совершил самую большую свою ошибку, свергнув испанских Бурбонов в пользу своего брата Жозефа (в Испании началась освободительная война против французов. – *Реф.*). Автор считает, что главной ошибкой Наполеона была его неверная оценка ситуации на континенте. Кроме того, созданная им империя фактически была организована для эксплуатации других стран с целью выжимания людских и материальных ресурсов.

Осознав это, Австрия, вслед за Пруссией, предприняла последнюю попытку защитить свою независимость, но была разгромлена при Ваграме. Однако этой победы, которая явилась последним триумфом Наполеона, было недостаточно для восстановления

власти Франции. Отношения с Россией, «выказывавшей все больше своенравия», в 1810 г. стали открыто враждебными, стороны начали готовиться к войне. Наполеон с гигантской армией вторгся в Россию в июне 1812 г. Это оказалось для него катастрофой: «В Европе его хватка ослабла из-за необходимости направить как можно больше сил в Россию, в то время как армия, первоначально направлявшаяся в Литву и закончившая свой путь в Москве, была полностью уничтожена соединенными усилиями русских и тяжелыми условиями русского климата» (с. 3).

За этим последовала «ужасная завершающая фаза войны». Александр I принял ключевое решение не останавливаться на русской границе, а следовать в Германию и Великое герцогство Варшавское с целью нанести Наполеону решающий удар. Как следствие, Пруссия «поднялась на борьбу с захватчиками» (Пруссия, а затем и Австрия перешли на сторону Шестой коалиции. – *Реф.*). После нескольких месяцев ожесточенной борьбы новая армия, собранная Наполеоном после русского разгрома, была уничтожена при Лейпциге, что не оставило императору иной возможности, кроме как отступить за Рейн. Он отверг несколько предложений о мире (которые оставляли за ним французский трон) и решил сражаться дальше в надежде, что созданный против него союз распадется. Но его положение, пишет автор, к этому времени стало безнадежным. Не только Франция восстала против постоянных мобилизаций, но и в Испании произошел разгром французов англо-португальскими силами в битве при Витории в июне 1813 г. После того как в марте 1814 г. войска союзников вошли в Париж, Наполеон был вынужден под давлением своих маршалов отречься от престола и отправиться на остров Эльбу.

Возвращение Наполеона и его знаменитые «Сто дней» не помешали ведению миротворческого процесса в Вене, пишет автор. Конгресс начал свою работу в сентябре 1814 г., и к моменту, когда состоялась битва при Ватерлоо (18 июня 1815 г. – *Реф.*), окончательное соглашение было уже подписано. Наполеон был сослан на остров Св. Елены, а возведенный к этому времени на французский престол Луи XVIII был вынужден принять условия достаточно тяжелого для Франции мирного договора. Что касается великих держав, то 20 ноября 1815 г. Англия, Россия, Пруссия и Австрия вступили в союз, направленный против Франции, целью которого являлось сохранение мира в Европе. Перед этим Россия, Пруссия и Австрия подписали соглашение, получившее название Священного союза, который, по мнению Эсдейла, долгое время неверно истол-

ковывался историками. Автор солидаризируется в данном вопросе с Меттернихом, который считал, что Священный союз, инспирированный «пиетизмом императора Александра», представлял собой всего лишь применение христианских принципов в политике, а вовсе не «орган контрреволюции», призванный поддерживать абсолютизм или иной вид тирании во всей Европе. Девизом Венского конгресса, пишет автор, являлась не реакция, но мир, что можно оценивать только положительно, учитывая, что потери составили, по разным данным, от 5 000 000 до 7 000 000 человек (с. 558–560).

Наполеоновские войны открыли новую эпоху в истории Европы. Их отличало прежде всего то, что борьба велась силами «вооруженного народа». Впервые это понятие было изобретено французами в 1793 г., но затем его использовали и противники Франции: всеобщая воинская повинность была введена в Испании в 1808 г., в Швеции в 1812 и в Пруссии в 1813 г. В Англии в отсутствие воинского призыва законодательно было установлено, что каждый обязан в той или иной форме нести военную службу. В России, где не было проведено военной реформы, посредством рекрутского набора мобилизовали столько людей, сколько, по мнению автора, вряд ли удалось бы поставить под ружье при использовании французской системы всеобщей воинской повинности.

В результате значительно возросла численность воюющих армий. Если в шести крупнейших битвах эпохи революционных войн участвовало в среднем 87 000 человек, то в период 1805–1809 гг. – уже 162 000, а в пяти сражениях 1812–1813 гг. – при Бородино, Лютцене, Бауцене, Дрездене и Лейпциге – 309 400 человек (с. 8).

Параллельно совершенствовалась организационная структура войск. Как отмечается в книге, создание в наполеоновской армии корпусного звена и распространение этой системы к 1812 г. на все армии европейских стран привели к трансформации и самих сражений. Теперь, пишет автор, решающая победа в сражении не достигалась в один день, как прежде. Борьба шла в течение нескольких дней, и победа являлась результатом стратегических действий командующих, находящихся на отдалении в тылу (исключение составляет битва при Ватерлоо). Таким образом, делает вывод Ч. Эсдейл, начиналась новая эпоха в ведении войны (с. 10). Ее отличал отказ от принципа «ограниченной войны», который соблюдался даже в войнах периода Директории. По мнению автора, переход к *тотальной* войне был инициирован самим Наполеоном, который в силу своего характера не шел на компромиссы, любил «демонстрировать мускулы при любой возможности и всегда доводил дело до край-

ности» (с. 13). Именно поэтому, а не из-за позиции Англии и других держав, Наполеон вступил на путь борьбы за мировое господство.

Еще одной важной особенностью Наполеоновских войн считается участие в них гражданского населения. Именно тогда появилось слово *герилья*, или «партизанская война», которая шла в Испании, Италии, Тироле и в России. Однако степень участия населения не следует преувеличивать, пишет автор. Как показали современные исследования, испанские партизаны были достаточно тесно связаны с регулярными войсками, а основу нерегулярного сопротивления в России составляли всё же не крестьяне, а казаки. Тем не менее именно Наполеоновские войны «формализовали концепт асимметричной войны» (с. 11).

Именно в наполеоновскую эпоху важной составной частью войны стала пропаганда, пишет Ч. Эсдейл. Впервые правительства всех враждующих стран целенаправленно возбуждали ненависть к врагу среди своих подданных. Непосредственно связанными с новым пониманием ведения войны силами всего народа оказались политические и социальные реформы, проведенные в ряде стран (Испании, Пруссии). Войны дали толчок развитию государства: во многих странах вводились новые методы управления, которые требовали создания современной (модерной) бюрократии, а это был «еще один гвоздь в гроб старого режима» (с. 11–12).

Подводя итоги, автор останавливается на политических и экономических последствиях Наполеоновских войн. Он придерживается мнения, что общеевропейский конфликт ускорил развитие либерализма и национализма, хотя статус политической силы они приобрели гораздо позже. Войны привели к тому, что основные центры торговли и производства вынужденно переместились с побережья во внутренние области Саксонии и Рура. Более того, благодаря блокаде портов англичанами, считает Эсдейл, континентальная Европа совершила поворот от торговли к промышленности, а последовавший затем продолжительный период относительного мира позволил в полной мере использовать новые экономические преимущества.

Ситуация, в которой оказалась Европа в 1914 и 1939 гг., была точно такой же, как в 1803 г., пишет Эсдейл, указывая на главную причину последовавших в XX в. мировых войн – стремление создать колониальную империю. И ответ на него был точно таким же, как и в наполеоновскую эпоху: создание «великого альянса» (*grand alliance*), который использовал для своего вооружения и финансирования ресурсы всего мира (с. 565).

О.В. Большакова

Ливен Д.

**РОССИЯ ПРОТИВ НАПОЛЕОНА: ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ
КАМПАНИЙ «ВОЙНЫ И МИРА»
(Реферат)**

Lieven D.

Russia against Napoleon: the true story of the campaigns of War and peace. – N.Y.: Viking, 2010. – XVII, 617 p.

Доминик Ливен, профессор истории Лондонской школы экономики, в своей фундаментальной монографии попытался провести всесторонний анализ русско-французского противоборства в 1812–1814 гг., показать его подлинное значение в общеевропейском контексте того времени. Обосновывая во введении такую постановку вопроса, автор обращает внимание прежде всего на то обстоятельство, что в историографии Восточного похода Наполеона и заграничного похода русской армии до сих пор сохраняются серьезные пробелы и продолжают существовать многочисленные стереотипы и мифы, имеющие весьма отдаленное отношение к исторической реальности рассматриваемой эпохи. Любопытно, что между такого рода мифами, существующими в разных странах, порой обнаруживаются весьма неожиданные связи. К примеру, одно из важнейших оснований российского национального мифа об Отечественной войне 1812 года составляет роман Л.Н. Толстого «Война и мир», в котором борьба с французским нашествием показана как процесс по преимуществу стихийный, а роль правительства и военного командования, т.е. рационального начала, сводится, в сущности, к минимуму. Парадоксальным образом эти идеи перекликаются с попытками французских мемуаристов объяснить провал Русского похода главным образом объективными факторами, прежде всего географическим и климатическим. Между

тем французские источники оказали значительное влияние не только на французский национальный миф о событиях 1812–1814 гг., но и на западную историографию в целом, включая современную.

Автор выделяет несколько основных проблем, до сих пор почти не привлекавших внимания историков несмотря на то, что без их внимательного изучения по-настоящему глубокое понимание описываемых событий не представляется возможным. Так, почти не исследованы вопросы логистики в войне 1812–1814 гг., хотя именно слабый тыл Великой армии стал одной из основных причин катастрофы 1812 года; тыловые службы русской армии, напротив, действовали весьма эффективно как в 1812, так и в 1813–1814 гг., что сделало возможным беспрецедентное в мировой истории войн наступление русских от Москвы до Парижа. Еще одним фактором, который способствовал победам русских войск, стало превосходство русской легкой кавалерии. Это обстоятельство, в свою очередь, подводит нас к другому немаловажному вопросу – о превосходстве русского коневодства и коннозаводства, а также о способности правительства Александра I мобилизовать ресурсы данной отрасли на нужды войны. В 1812 г. падеж лошадей из-за недостатка фуража фактически лишил Великую армию кавалерии и резко ухудшил и без того непростую ситуацию со снабжением, а в 1813 г. обеспечить армию необходимым количеством лошадей оказалось для Наполеона гораздо более сложной задачей, нежели набрать новых солдат. Материальная подготовка России к войне, ее промышленность и транспорт, роль этих факторов в успехе русской армии, по мнению Ливена, вообще до сих пор изучены довольно поверхностно.

Любопытная особенность российской историографии состоит в том, что она по существу обошла стороной боевые действия 1813–1814 гг. Как результат, представления россиян о минувшей войне с французами до сих пор остаются неполными и довольно однобокими. Между тем, отмечает автор, Россия с самого начала готовилась именно к длительной, многолетней войне с Францией, которая, по расчетам русских военных специалистов, должна была включать в себя не только оборонительную фазу, но и последующее контрнаступление, в том числе и к западу от российской границы, с целью нанести решительное поражение наполеоновской империи (российские прогнозы, таким образом, оказались более адекватными, нежели планы Наполеона, предполагавшего добиться своих целей в ходе скоротечной кампании). Действия русских войск сыграли ключевую роль в операциях 1813 и 1814 гг.; к тому

же в этот период русская армия, имея за плечами опыт 1812 г., действовала гораздо более слаженно и эффективно.

Описанные соображения обусловили тематику реферируемой монографии. Исследование Ливена охватывает период с заключения Тильзитского мира 1807 г. до вступления русских войск в Париж в 1814 г. Автор в основном придерживается хронологического стиля изложения, поскольку военное строительство и войны, дипломатическая борьба, экономические процессы, в отдельных случаях даже внутренняя политика были настолько тесно переплетены, что действие всех этих факторов необходимо рассматривать в комплексе. В приложении к книге приводится структура русской армии по состоянию на июнь 1812 и к началу осенней кампании 1813 г., до полкового звена включительно.

Предвоенный период (1807 – первая половина 1812 г.)

Описывая в начале книги общее положение России на рубеже XVIII–XIX вв., автор отмечает, что обороноспособность государства в то время определяли четыре основных фактора: людские ресурсы, поголовье лошадей, военная промышленность и финансы. Людские ресурсы России в период Наполеоновских войн были весьма значительны, в 1797 г. ее население насчитывало около 40 000 000 человек, тогда как во Франции накануне революции проживало лишь 29 000 000. Однако к 1812 г. территория Французской империи существенно расширилась, а население достигло 43 700 000 человек; кроме того, Наполеон был также королем Италии (6 500 000 человек), а под протекторатом Франции находились Рейнский союз (14 000 000 человек) и Варшавское герцогство (3 800 000 человек). Немаловажным обстоятельством была и разница в методах комплектования армии, поскольку в России еще сохранялась система рекрутских наборов, тогда как во Франции и Пруссии уже была введена всеобщая воинская повинность. Отказ Александра I ее заимствовать, по мнению Ливена, был обусловлен опасениями, что в условиях крепостной России обучение огромной массы крестьян военному делу может стать источником внутренней нестабильности.

По уровню развития коневодства Россия занимала лидирующие позиции в Европе; определенные сложности возникали только с поставками лошадей для тяжелой кавалерии, чем, по-видимому, объясняется ограниченное применение кирасирских частей во время заграничных походов. Военно-экономическое положение

страны также было довольно прочным. Россия зависела от импорта селитры и шерсти, но в наиболее важных по тем временам видах стратегического сырья – железе, меди, древесине – недостатка не испытывала. Особенно эффективно работала артиллерийская промышленность; значительные успехи в этой отрасли были достигнуты после Тильзитского мира усилиями А.А. Аракчеева. В производстве ружей ситуация была менее обнадеживающей, но возникавшие в 1812–1814 гг. проблемы удалось так или иначе преодолеть. Русские ружья по своим тактико-техническим данным несколько уступали западноевропейским, что, в свою очередь, обусловило определенные различия в тактике, но отставание в качестве вооружения еще не было столь существенным, как во времена Крымской войны.

Что касается финансов, то государственный бюджет России по европейским меркам был небогатым: по состоянию на 1796 г. автор оценивает его доходную часть примерно в 9–12 млн. фунтов стерлингов, что соответствует бюджетам Австрии и Пруссии. Доходы Франции даже в 1789 г., в период тяжелейшего финансового кризиса, составили 19 млн. фунтов, а в Великобритании налоговая реформа 1797–1799 гг. повысила доходы государства с 23 до 35 млн. фунтов в год. Необходимо, однако, учитывать, что и расходы российской казны были существенно ниже, чем в европейских странах: на многих заводах, к примеру, работали приписные крестьяне, которых кормили их семьи, продолжавшие заниматься сельским хозяйством, а пошивом военной формы и во времена Александра обычно занимались сами солдаты.

По условиям Тильзитского мира 1807 г. Россия вынуждена была присоединиться к континентальной блокаде Англии. Она обязалась принудить к участию в ней также и Швецию. В результате Русско-шведской войны 1808–1809 гг. Швеция присоединилась к континентальной системе, а в состав России вошла Финляндия. На протяжении 1807–1809 гг. русско-французские отношения оставались в целом вполне дружественными, несмотря на недовольство части российской элиты. Обострение отношений началось на рубеже 1809–1810 гг. Главная цель континентальной блокады – вызвать экономический кризис в Великобритании – так и не была достигнута, тем более что после оккупации Наполеоном Португалии и Испании их колонии возобновили торговлю с англичанами. В этих условиях дальнейшее участие России в континентальной системе становилось не только бесполезным, но и крайне опасным для ее собственной экономики. Кроме того, в этот же период само французское правительство начало выдавать французским пред-

принимателям лицензии на торговлю с Англией; в Петербурге такие действия Парижа не без оснований были восприняты как знак того, что блокада из инструмента давления на британцев превращается в средство экономического ослабления стран континентальной Европы. В 1810 г. Россия, не отменяя формально блокаду, по существу возобновила в завуалированном виде торговлю с Британской империей на нейтральных судах, главным образом американских. В этом же году Наполеон развернул подготовку к войне.

Значительных успехов в предвоенный период добилась русская разведка во Франции, возглавлявшаяся К.В. Нессельроде (политическая разведка) и А.И. Чернышёвым (военная). Усилиями Нессельроде были, в частности, раскрыты внешнеполитические планы Наполеона, благодаря чему уже в 1810 г. неизбежность войны стала для Александра I очевидной. Чернышёву удалось наладить сбор сведений о военных приготовлениях французов, так что в распоряжении русского командования оказалась исчерпывающая информация о сосредоточении сил Великой армии на российских границах. Основываясь на поступавших сведениях и собственных расчетах, Чернышёв предполагал, что в предстоящей войне Наполеон будет стремиться разгромить русскую армию в ходе скоротечной кампании, и рекомендовал военному министру М.Б. Барклаю де Толли принять оборонительную стратегию, нацеленную на затягивание войны и истощение противника.

Основной целью русской дипломатии в 1810 – первой половине 1812 г. стало обеспечение наиболее благоприятных условий для войны с Францией. Попытки Александра I привлечь на свою сторону Австрию и Пруссию потерпели неудачу. Была достигнута лишь договоренность о том, что Австрия ограничит свое участие в Русском походе 30-тысячным корпусом фельдмаршала К.Ф. цу Шварценберга и не будет проводить никаких операций с территории Галиции. Важное значение имели заключение соглашения о нейтралитете Швеции (апрель 1812 г.) и особенно завершение войны с Турцией: Бухарестский мирный договор был подписан в мае 1812 г., всего за месяц до начала Отечественной войны.

На протяжении 1807 – первой половины 1812 г. в России были предприняты большие усилия по подготовке к будущей войне. В 1808 г. военным министром был назначен Аракчеев, до этого занимавший должность генерал-инспектора артиллерии. На новом посту он продолжил начатую еще раньше работу по модернизации артиллерийского вооружения и артиллерийской промышленности. Кроме того, ему удалось навести порядок в центральном аппарате

военного ведомства, оптимизировать работу армейской администрации. Для начальной боевой подготовки вновь призванных рекрутов были учреждены запасные рекрутские депо; до этого новобранцев сразу отправляли в те полки, где им предстояло служить, что заметно осложняло их адаптацию к непривычным условиям армейской жизни. В 1810 г. администратора Аракчеева на посту министра сменил боевой генерал Барклай де Толли. По его инициативе были, в частности, основательно переработаны военное законодательство и уставы, что позволило упорядочить функционирование армейской машины в мирный период и на поле боя, повысить эффективность управления. Значительные усилия были направлены на повышение квалификации офицеров.

Возможные планы войны с Наполеоном обсуждались в военных кругах еще с 1810 г. В марте этого года Барклай направил Александру I меморандум, в котором рассматривались перспективы боевых действий на Западном театре. Он предлагал императору принять оборонительный план, допускающий возможность глубокого отступления на начальном этапе войны. Такое решение мотивировалось тем, что оборона западной границы была крайне затруднена из-за ее большой протяженности и недостаточного количества крепостей; кроме того, польское население Литвы и Белоруссии, которые еще не так давно были частью Речи Посполитой, могло выступить в поддержку Наполеона. Тем не менее в последующие месяцы обсуждались и различные варианты наступательного плана. Идея глубокого отступления вызывала негативную реакцию у многих офицеров и генералов. Россия уже добрую сотню лет не вела оборонительной войны на своей территории; военнотруженики русской армии обучались и воспитывались в наступательном духе. Кроме того, высказывались опасения, что отступление в глубь страны, а тем более уничтожение запасов на оставляемых территориях могут вызвать недовольство местного населения. Как следствие, появилась идея упреждающего удара с оккупацией Пруссии и Варшавского герцогства; предполагалось, что это позволит захватить сосредоточенные на их территории запасы Великой армии до подхода ее основных сил и сорвать ее вторжение в Россию или хотя бы отодвинуть на запад тот рубеж, с которого затем придется отступать. Этим идеям не был чужд и Барклай де Толли, равно как и командующий 2-й Западной армией П.И. Багратион. Однако подавляющее численное превосходство противника и провал попыток привлечь на сторону России Пруссию и Австрию сделали упреждающий удар практически невоз-

можным. К тому же Александр I предпочитал, чтобы инициатива начала войны исходила от Наполеона.

Кампания 1812 года: вторжение Наполеона в Россию

В июне 1812 г. русское командование фактически руководствовалось планом перешедшего на русскую службу прусского генерала Карла Л.А.Ф. фон Пфуля. Согласно его замыслу, 1-я Западная армия Барклая с началом войны должна была отступить в укрепленный Дрисский лагерь на Западной Двине, после чего 2-я армия Багратиона должна была действовать во фланг и тыл главным силам французов, противостоящим 1-й армии. На деле этот план, однако, оказался неосуществимым. Численное превосходство Великой армии было настолько большим, что у Наполеона имелись достаточные силы для одновременного наступления против 1-й и 2-й армий, а также для того, чтобы отсечь их друг от друга и уничтожить по отдельности. Дрисский лагерь, вопреки первоначальным расчетам, оказался неудачной позицией, французы легко обошли его. Между тем предпринятая Багратионом попытка нанести удар на север во фланг главным силам противника в соответствии с первоначальным планом привела к тому, что время для отступления на соединение с 1-й армией было упущено, и французский 1-й корпус маршала Л.Н. Даву, действовавший в пространстве между двумя русскими армиями, успешно перехватил пути к отступлению на север через Минск, а затем и через Могилёв. Как следствие, армии Барклая и Багратиона сумели соединиться только в Смоленске. Но сорвался и план Наполеона, предполагавшего уничтожить русские войска западнее Днепра. Не удалось ему разгромить русских и в Смоленском сражении. Вопреки возражениям Багратиона и многих других генералов, Барклай принял решение оставить полуразрушенный город и отступать дальше на восток. В свою очередь, Наполеон решил продолжить наступление, будучи уверенным, что русские не решатся сдать ему без боя еще и Москву и, следовательно, не смогут дольше уклоняться от генерального сражения, на свою победу в котором он по-прежнему надеялся. Автор отмечает, что этот шаг, хотя и весьма рискованный, имел под собой основания, поскольку альтернативный вариант – зимовка в Смоленске и новое наступление в 1813 г., т.е. затягивание войны, – также был бы довольно опасным для Наполеона: в небогатых западных губерниях России могло не хватить продовольствия и фуража для снабжения французской армии, а затяжная война

и длительное отсутствие императора в Париже могли дестабилизировать обстановку в самой Франции.

После успешного соединения двух русских армий под Смоленском остро встал вопрос о едином командовании. Хотя Барклай де Толли и занимал пост военного министра, а не только командующего 1-й армией, главнокомандующим официально был Александр I как император, и 2-я армия Багратиона оставалась по существу самостоятельным объединением, что сильно затрудняло координацию действий войск. Кроме того, Барклай, продолжавший обоснованно настаивать на дальнейшем отступлении, стремительно терял авторитет; Багратион и многие другие генералы обвиняли его в нерешительности и даже в измене. 29 августа в должность главнокомандующего вступил 65-летний фельдмаршал М.И. Кутузов. Хотя он и был в натянутых отношениях с Александром, императору пришлось признать, что в сложившихся обстоятельствах Кутузов является наиболее подходящим кандидатом на этот пост. В то же время Александр отказался расформировать 1-ю и 2-ю армии, опасаясь, что это может быть воспринято как понижение в должности Барклая и Багратиона; управления обеих армий продолжали функционировать, хотя в новых условиях они фактически дублировали функции штаба Кутузова, что только затрудняло руководство войсками.

Анализируя подготовку и ход Бородинской битвы, автор отмечает, что тактический замысел Кутузова – обескровить противника упорной обороной занятых позиций – по существу был продолжением принятой в тот период русскими оборонительной стратегии. С этой точки зрения результаты сражения можно рассматривать как успешные для русской армии, поскольку поставленные перед нею задачи были в общем выполнены, хотя русским и пришлось покинуть Бородинское поле, а затем оставить Москву. Как показано в книге, решение сдать столицу противнику без боя созрело у Кутузова не сразу; вступая в должность главнокомандующего, он еще надеялся, что город удастся удержать. Однако к тому моменту, когда русские войска подошли к столице, было уже очевидно, что попытка защищать ее не только не имеет шансов на успех, но и с большой вероятностью может привести к полному разгрому русской армии. Покинув Москву, Кутузов занял хорошо защищенную и стратегически выгодную позицию у села Тарутино, что позволило ему прикрыть Тулу с ее оружейными заводами (их эвакуация могла привести к фатальным последствиям), нала-

дить снабжение армии продовольствием из южных губерний и развернуть партизанскую войну на коммуникациях противника.

Поскольку Наполеон продолжал рассматривать противоборство с Россией как «кабинетную» войну против Александра I с целью заставить последнего присоединиться к континентальной блокаде, он отказался от освобождения крестьян в великорусских губерниях (аналогичное решение не освобождать крестьян в Литве и Белоруссии было обусловлено желанием привлечь на свою сторону местных литовских и польских помещиков). Это позволило Александру сохранить лояльность всех сословий, в том числе и в наиболее кризисные недели после Бородина и потери Москвы. Важное значение имела и твердая решимость русского императора продолжать войну до победного конца, не вступая в мирные переговоры с Наполеоном. По всей России был организован сбор средств на нужды армии. При Тарутине войска Кутузова получили долгожданный отдых и не испытывали недостатка ни в продовольствии, ни в фураже; пошатнувшуюся было дисциплину удалось быстро восстановить. Для пополнения армии был объявлен новый рекрутский набор на 150 000 человек, но чтобы экипировать и обучить их, требовались месяцы, поэтому Александр вынужден был прибегнуть к созданию народного ополчения. Формировалось оно главным образом в принудительном порядке из помещичьих крестьян, но только на период войны. В массе своей ополченцы были вооружены лишь холодным оружием и плохо обучены, поэтому они выполняли в основном вспомогательные задачи (кордоны для защиты территорий, прилегающих к театру военных действий, борьба с неприятельскими фуражирами и мародерами, поддержание порядка в освобожденных областях). Непосредственное участие в боях принимали Петербургское и Новгородское ополчения, получившие огнестрельное оружие, – они действовали совместно с 1-м пехотным корпусом генерала П.Х. Витгенштейна. Тем не менее Ливен отмечает, что вклад народного ополчения в победу над Наполеоном не стоит недооценивать, поскольку его создание позволило русскому командованию высвободить значительное количество солдат для пополнения главных сил армии Кутузова.

Описывая последующее отступление французской армии, автор показывает, что главной причиной катастрофы были не столько морозы, на которые часто ссылались французские мемуаристы, сколько голод. Сильные (причем аномально сильные) морозы наступили только в декабре. Между тем Наполеон, имея достаточные запасы продовольствия в Смоленске, не сумел наладить

снабжение отступающих войск, так как падеж лошадей из-за недостатка фуража резко снизил возможности его тыловых служб. Голодные и истощенные, не имевшие теплого обмундирования солдаты плохо переносили и начавшиеся холода. В результате императору не удалось накормить свою армию даже в Смоленске — на этот раз из-за начавшейся неразберихи и хаоса, поскольку к этому моменту его войска уже окончательно разложились. В дальнейшем ситуация осложнилась еще больше из-за того, что две другие крупные тыловые базы в Минске и Могилёве были захвачены русскими. Кутузов в этой ситуации выбрал стратегию параллельного преследования, уклоняясь по возможности от крупных столкновений с неприятелем, чтобы избежать лишних потерь. Кроме того, еще с конца августа российское военно-политическое руководство вынашивало план окружения французских войск в районе Борисова силами армии Кутузова, корпуса Витгенштейна и подошедшей с юга Дунайской армии адмирала П.В. Чичагова. На деле, однако, наладить эффективное взаимодействие этих трех группировок при существовавшем уровне коммуникаций так и не удалось; как следствие, центральная группировка Великой армии, несмотря на тяжелые потери, всё же форсировала Березину и отступила в сторону Вильно. К концу 1812 г. французов окончательно изгнали из России, однако силы русской армии также были на исходе. Восстановить ее боевую мощь удалось лишь к лету 1813 г.

Кампания 1813 года: заграничный поход русской армии

Если в 1812 г. исход войны решался на поле сражения, то в первой половине 1813 г. боевые действия носили ограниченный характер и сопровождались интенсивными дипломатическими переговорами между Россией, Пруссией, Австрией и Францией. Опыт войн 1805–1807 гг. показывал, что для успешного противодействия Наполеону в Европе России потребуется помощь Австрии и Пруссии. Но Австрия и Пруссия находились в союзе с Францией, и для того чтобы привлечь их на свою сторону, Александру I было необходимо гарантировать их безопасность — иными словами, как можно скорее выдвинуть свои войска в Центральную Европу, поскольку в противном случае австрийская и прусская армии могли быть разбиты Наполеоном поодиночке еще до того, как подоспеет помощь из России. 30 декабря 1812 г. прусский генерал-лейтенант Иоганн Д.Л. Йорк фон Вартенбург согласился на подписание так называемой Таурогенской конвенции о «нейтралитете» его 20-тысячного корпуса.

Это резко осложнило положение на левом фланге французов и вынудило их покинуть Восточную Пруссию. Поскольку французская конница была по существу уничтожена, русские кавалеристы получили фактическую свободу действий и развернули настолько активную партизанскую войну в тылу противника, что французы отвели свои войска за Эльбу. 28 февраля Пруссия официально заключила союз с Россией. Развивая наступление, русские 4 марта вошли в Берлин. 25-тысячный австрийский корпус Шварценберга в январе отступил на территорию Австрийской империи; пользуясь этим, войска Кутузова к концу февраля оккупировали почти всю территорию Варшавского герцогства, за исключением ряда крепостей. В апреле союзники заняли Саксонию. Умершего 28 апреля Кутузова на посту главнокомандующего сменил Витгенштейн.

Тем временем Наполеону к маю 1813 г. удалось сформировать новую армию численностью около 200 000 человек против 110 000 у союзников. Главной проблемой была нехватка лошадей: в самой Франции коневодство было развито слабо, Польшу и северо-восточную часть Германии уже заняли войска противника, в северо-западной части Германии продолжались боевые действия, а попытка закупить лошадей в Австрии закончилась неудачей. Французская кавалерия оставалась крайне слабой. Пользуясь тем, что Австрия по-прежнему была не готова присоединиться к формирующейся Шестой коалиции, французы в мае перешли в наступление и вытеснили русских и пруссаков из Саксонии, но так и не смогли нанести им решительного поражения. Чтобы дать своим войскам отдых и принять необходимые меры на случай вступления Австрии в войну, Наполеон согласился на перемирие (подписано 4 июня). Для русских это оказалось большой удачей, позволив успешно завершить восстановление армии после кампании 1812 года.

Снабжению и пополнению русской армии в первой половине 1813 г. посвящена отдельная глава монографии. Автор подробно описывает работу русских тыловых служб в Европе, а также деятельность военного ведомства в самой России по подготовке новых рекрутов и доставке пополнений к театру военных действий. Несмотря на многочисленные трудности, эта работа была проделана в целом успешно. В предельно сжатые сроки удалось набрать, экипировать и обучить огромное количество новых солдат – не только пехотинцев, но и, что было гораздо труднее, кавалеристов. Кроме того, к лету 1813 г. из госпиталей вернулось значительное число солдат, заболевших или получивших ранения в кампанию 1812 года; армия, таким образом, пополнилась не только ново-

бранцами, но и опытными ветеранами. Многие пополнения поступили в полевую армию во время перемирия; это позволило организовать дополнительное обучение новобранцев под руководством боевых офицеров и унтер-офицеров, а также старослужащих солдат. Всего с августа 1812 по август 1813 г. в ходе 83-го, 84-го и 85-го рекрутских наборов было мобилизовано свыше 650 000 человек. Это позволило не только восстановить силы полевой армии, но и подготовить огромную, 325-тысячную резервную армию, которая при необходимости могла быть использована для дальнейшего пополнения полевой армии в случае продолжения боевых действий в 1814–1815 гг.

Срок перемирия, заключенного 4 июня 1813 г., истек 20 июля, однако впоследствии был продлен до 10 августа. В Праге начались мирные переговоры, на которых Австрия выступила в качестве посредника между Францией и странами Шестой коалиции. Наполеон, однако, по-видимому, не придавал этим переговорам большого значения, что было серьезной ошибкой, поскольку тем самым император упустил возможность воспользоваться разногласиями между союзниками и предотвратить вступление Австрии в войну. После срыва переговоров Австрия присоединилась к антифранцузскому блоку.

К началу осенней кампании 1813 г. в распоряжении Наполеона в Центральной Европе имелось до 400 000 солдат и офицеров против примерно 500 000 у союзников. Стратегический план коалиции, принятый в июле в Трахенберге (совр. Жмигруд, Польша), предусматривал согласованные наступательные действия русско-пруско-шведской Северной армии шведского кронпринца Ж. Б. Ж. Бернадота (бывший французский маршал) из района Берлина, русско-пруской Силезской армии прусского генерала Г.Л. фон Блюхера (с 16 октября фельдмаршал) и русско-пруско-австрийской Богемской армии Шварценберга. Последний номинально считался верховным главнокомандующим союзными силами, хотя на деле Северная и Силезская армии вплоть до битвы при Лейпциге действовали автономно, как и входившая в состав Богемской армии русско-прусская армия Барклая де Толли.

Войска Блюхера перешли в наступление 13 августа и к началу сентября нанесли сокрушительное поражение противостоявшей им армии маршала Э.-Ж.-Ж.-А. Макдональда. Их продвижение в направлении Дрездена, который в то время являлся главной базой Наполеона, резко осложнило действия французов и лишило их возможности эффективно противодействовать армии Бернадота.

Армия Шварценберга вторглась в Саксонию с юга. Сражение при Дрездене 26–27 августа было проиграно союзниками, которые оказались в довольно опасном положении. Тем не менее целый ряд серьезных ошибок, допущенных Наполеоном и его генералами, не позволил французам развить достигнутый успех. Вместо этого последовавшее 29–30 августа сражение под Кульмом завершилось блестящей победой Богемской армии, которой удалось окружить и полностью уничтожить французский 1-й пехотный корпус генерала Ж.Д.Р. Вандама, несмотря на крайне сложную и неэффективную систему управления войсками. Два наступления французов на Берлин в августе и начале сентября были успешно отбиты Северной армией союзников. В общей сложности за первый месяц осенней кампании Наполеон потерял около 100 000 человек и свыше 200 орудий, войска коалиции – не более 85 000 человек и около 50 орудий. При этом как русские, так и австрийцы имели в резерве достаточное количество обученных рекрутов, чтобы уже к началу октября в целом восстановить численность своих полевых армий.

В середине сентября стало ясно, что французские войска утратили стратегическую инициативу. В этих условиях Наполеон принял решение занять оборону вокруг Лейпцига и, встретив там войска союзников, попытаться воспользоваться их ошибками и нанести им поражение. Армии Шестой коалиции начали наступление на Лейпциг в начале октября. Сражение у стен города, названное впоследствии «Битвой народов», продолжалось четыре дня – с 16 по 19 октября. Первоначальный план Шварценберга действительно оказался ошибочным: фельдмаршал считал своей главной задачей предотвратить отступление противника из Лейпцига в западном направлении, тогда как на самом деле Наполеон планировал не отступать, а атаковать войска коалиции. Тем не менее попытки французов разбить Богемскую армию 16 октября закончились неудачей, главным образом благодаря упорству и храбрости австрийских, прусских и российских солдат. Свой вклад в победу внес и Александр I: накануне сражения ему удалось убедить Шварценберга скорректировать свой план. В последующие дни у Наполеона уже не было шансов на успех. День 17 октября прошел в основном спокойно, но к 18 октября армии союзников завершили сосредоточение под Лейпцигом, плотно охватив город с севера, востока и юга; численное превосходство было теперь на их стороне. 18 октября им не удалось нанести решительного поражения Наполеону, но его армия оказалась под угрозой окружения, и император принял решение покинуть Лейпциг. Для этого, однако, требо-

валась достаточно тщательная подготовка, поскольку огромной массе войск предстояло отступать через город, а затем по единственному мосту через реку Вайсе-Эльстер. Можно было навести параллельно понтонные мосты, но Наполеон не отдал вовремя соответствующего распоряжения, что оказалось фатальной ошибкой: начавшееся утром 19 октября отступление затянулось, под ударами союзников порядок быстро нарушился, а мост через Вайсе-Эльстер французские саперы по ошибке взорвали раньше времени, так что тысячи солдат остались в городе и попали в плен. Уже 2 ноября остатки разгромленной армии Наполеона перешли Рейн и отступили на территорию Франции.

Кампания 1814 года: поражение Наполеона

В кампанию 1814 года, так же как и в первой половине 1813 г., боевые действия сочетались с интенсивной дипломатической борьбой. Завершив освобождение Германии, войска Шестой коалиции в начале ноября 1813 г. сосредоточились во Франкфурте. Союзники склонялись к немедленному вторжению во Францию, чтобы не позволить противнику оправиться от разгрома под Лейпцигом. Но и их собственные войска нуждались в отдыхе и пополнении. Требовалось также организовать их снабжение и выработать план кампании. Наконец, нужно было определиться с политическими целями войны. Уставшая от многолетнего кровопролития Европа нуждалась в прочном и долговечном мире, а для этого было необходимо восстановить баланс сил в регионе и привести к власти во Франции такое правительство, которое не только приняло бы предложенные ему условия мира, но и пользовалось бы поддержкой населения, чтобы оккупация не затянулась на неопределенный срок. Под давлением союзников Александр I согласился на реставрацию Бурбонов, хотя и считал эту идею ошибочной, будучи невысокого мнения о Луи XVIII. В ноябре 1813 г. страны коалиции направили Наполеону свои мирные предложения, предполагавшие, в частности, возвращение Франции к «естественным» границам, т.е. сохранение в ее составе всех земель к западу от Рейна и Альп, захваченных в ходе революционных войн и при Наполеоне. После ожидаемого отказа Наполеона принять эти условия союзники возобновили боевые действия, а их пропаганда, надеясь внести раскол во французское общество, объявила, что войска коалиции ведут войну именно с Наполеоном, а не с Францией и французами.

Поскольку направление от Франкфурта на Париж было хорошо прикрыто системой мощных крепостей, армия Шварценберга переместилась на территорию Швейцарии и нанесла удар оттуда. Из района Франкфурта наступала армия Блюхера. Заняв в январе 1814 г. довольно обширную территорию на востоке Франции, союзники попытались в феврале с двух сторон – силами Богемской армии вдоль Сены и Силезской вдоль Марны – прорваться к Парижу, но Наполеону удалось остановить их наступление, нанеся поражение обеим армиям по очереди. Кроме того, у союзников начались перебои со снабжением.

Тем не менее возможности наполеоновской империи были уже исчерпаны. В последующие дни русскому командованию удалось вновь наладить снабжение своих войск, подтянув во Францию значительные запасы продовольствия из России. 1 марта союзники подписали в Шомоне договор об условиях прекращения войны, предусматривавший возвращение Франции к ее «историческим» границам (т.е. существовавшим до 1792 г.), создание на ее границах государств-барьеров на случай попыток реванша и формирование Германского союза во главе с Пруссией и Австрией. Договор положил конец опасным разногласиям между странами коалиции. В состав Силезской армии влились соединения бывшей Северной армии Бернадота, подошедшие из освобожденной ими Голландии. Теперь в распоряжении Блюхера имелось свыше 100 000 человек, армия Шварценберга насчитывала 122 000. Наполеон мог противопоставить этим огромным силам не более 50–60 тыс. человек. 31 марта войска коалиции вступили в Париж.

* * *

Итоги франко-русского противоборства Ливен оценивает как неоднозначные. С одной стороны, основные политические цели войны были Александром I достигнуты: восстановлен баланс сил в Европе, ликвидирован наполеоновский режим – главный источник нестабильности и военной угрозы, «германский» и «польский» вопросы разрешены в благоприятном для России ключе. С другой стороны, мало кто в то время мог предполагать, что «польский вопрос» будет будоражить Россию на протяжении всего последующего столетия, или что слабый Германский союз, созданный по решениям Венского конгресса, сменится кайзеровским Рейхом с мощной армией и современной индустриальной экономикой. Победоносное завершение войны с Наполеоном в известном

смысле способствовало консервации российского самодержавия, а потеря Францией лидирующих позиций в Европе – усилению Великобритании, а значит, и либерально-демократических идей, столь нелюбимых в России. Впрочем, отмечает автор, такого рода факторы не стоит переоценивать: в конце концов, английский фельдмаршал А.У. Веллингтон отнюдь не был сторонником демократии, а для масштабных реформ, сравнимых с преобразованиями эпохи Александра II, в России начала XIX в. просто не было необходимых кадров.

Важнейшей причиной поражения Наполеона в войне 1812–1814 гг. Ливен считает превосходство русского военного прогнозирования, разведки и планирования. В Санкт-Петербурге к лету 1812 г. адекватнее представляли себе характер будущей войны и лучше знали сильные и слабые стороны противника, нежели в Париже, что имело определяющее значение для исхода боевых действий на территории России. В ходе кампании 1812 года значительная часть французской армии была по существу уничтожена, вследствие чего в 1813 г. Наполеону пришлось воевать молодыми, вновь сформированными частями против полнокровной русской армии, только что получившей бесценный боевой опыт. Проведенное исследование показывает, что снабжение русских войск в 1813–1814 гг. было организовано чрезвычайно эффективно, гораздо лучше, чем снабжение французской армии в 1812 г. и русской армии в войну 1806–1807 гг. Что касается моральных качеств русских солдат и офицеров, то во время заграничного похода боевой дух армии, вопреки распространенному заблуждению, был ничуть не менее высоким, нежели в сражениях при Смоленске, Бородине или Малоярославце.

В то же время Ливен подчеркивает, что известный нам исход событий 1812–1814 гг. не стоит рассматривать как заведомо предопределенный и неотвратимый. Русская армия к началу 1813 г. и сама была серьезно ослаблена предшествующей кампанией. Начиная заграничный поход, русские шли на большой риск, поскольку Австрию и Пруссию еще только предстояло вовлечь в антифранцузскую коалицию, да и армии их находились не в лучшем состоянии. Осенью 1813 г. у Наполеона имелись вполне реальные шансы остановить наступление союзников. Успешный для России исход войны был, таким образом, обусловлен стечением самых разных факторов, включая человеческий. Важное значение автор придает и трезвой, взвешенной политике Александра I, его уверенности в своих силах, твердости и смелости в сложных ситуациях.

М.М. Минц

Кастело А.
РУССКАЯ КАМПАНИЯ
(Реферат)

Castelot A.

La campagne russe. – P.: Perrin, 2002. – 339 p.

Андре Кастело (23.01.1911–18.06.2004) – французский историк и писатель, один из наиболее популярных и читаемых авторов XX века¹. Активно писал для журналов и газет (например, *Le Figaro*), готовил передачи для радио и телевидения. Гран-при Французской академии (1984). Кавалер ордена Почетного легиона. В книге «Русская кампания 1812 года» автор шаг за шагом подводит читателя «к развязке этой трагедии, завершившейся катастрофой, драматизм которой превосходит самое разгоряченное воображение в области ужасного. Поэтому я как можно чаще буду давать слово действующим лицам и свидетелям этой драмы» (с. 1).

В сдержанно-ироническом тоне Кастело повествует о завязке драмы – встрече Наполеона и Александра в Тильзите на разукрашенном плоту посреди реки Неман и дружеских объятиях после проигранной царем битвы. Однако Александр неверно понимает мотивы, по которым Наполеон не обращается с ним как с побежденным. Он видит в его сдержанности и великодушии лишь самолюбие дворянчика-выскочки по имени Буонапарте, который смеет говорить на равных с царем всея Руси. Наполеон, в свою очередь,

¹ В переводе на русский язык изданы: «Жозефина» (Северо-Запад, 1994); «Сын Наполеона» (М.: Захаров, 2007); «Королева Марго» в серии «Жизнь замечательных людей» (М.: Молодая гвардия, 1999; 2-е изд. – 2009) и, наконец, дилогия «Бонапарт» и «Наполеон», посвященная восхождению, царствованию и падению Наполеона Бонапарта.

благосклонно отзываясь об Александре – «красивом молодом человеке, похожем на героя романа». Оба императора, полные растущей взаимной симпатии, обсуждают планы раздела Европы (тогда это был весь мир). Проекты множатся... Россия будет владеть Востоком, Франция – Западом! Предметом обсуждения становится также союз между обеими империями. Условия мирного договора предусматривают в числе прочего обязательство царя быть посредником между Францией и Англией, а если роль арбитра окажется безрезультатной, Россия объявит войну Англии и присоединится к континентальной блокаде. Единственный камень преткновения: находясь в тот момент в состоянии войны с турками, царь хотел бы овладеть Константинополем, но Наполеон против: «Древняя Византия – это ключ ко всемирной империи». Взамен он предлагает России прирастить свою территорию на севере за счет Швеции.

По возвращении в Петербург Александр, невзирая на торжественную встречу, понял, что переговоры в Тильзите произвели неблагоприятное впечатление во всех слоях общества, начиная от высших сановников. Как можно было царю-батюшке обниматься с Антихристом? Присоединение к континентальной блокаде разорит страну! За пять лет русский экспорт в Англию принес 75 млн. рублей в казну, и бюджет государства вырос на треть. Автор приводит слова Труайя: «Для элиты Петербурга врагом была не Франция, а император французов». Жива была память о казни герцога Энгиенского; военные неудачи в Испании и Португалии свидетельствовали, что наполеоновская империя не была застрахована от поражений... И вскоре Наполеон почувствовал, что союз с Россией зашатался. Чтобы иметь свободу действий в Испании, единодушно поднявшейся против завоевателя, императору надлежало вернуть дружбу царя, «красивого и славного молодого человека», каким он был в Тильзите. В сентябре 1808 г. в Эрфурте со всяческой пышностью организуется встреча двух императоров. Вновь обсуждаются головокружительные проекты – раздел Турции, покорение Индии.

Талейрану поручено выработать принципы, которым надо следовать при разделе Европы: «Принципы – это хорошо, это ни к чему не обязывает». Для России они состояли в том, чтобы поддерживать блокаду Англии. Взамен дается согласие на присоединение к России Молдавии, Валахии и Финляндии. Наполеон надеялся ослепить Александра роскошью приема, чтобы облегчить переговоры, и намеренно затягивал их. Увеселения, театр, охота и, наконец, разговор с Талейраном о разводе с Жозефиной, о новой женитьбе и желании иметь наследника: «Я должен положить осно-

вание династии. Это возможно лишь благодаря союзу с принцессой из великого царствующего дома Европы. У императора Александра есть сестры, одна из них подходит мне по возрасту». Речь шла об Анне Павловне. Александр, услышав это предложение от посланца, взволнованно отвечал: «Если бы речь шла только обо мне, я охотно дал бы свое согласие, но этого недостаточно; моя матушка сохраняет над дочерьми власть, которую я не вправе оспаривать. Я могу лишь попытаться убедить ее» (с. 52). Далее дело не пошло, и развод с Жозефиной состоялся лишь годом позднее. Наконец договор подписан; Россия может завладеть Финляндией и Дунайскими провинциями, Франция – занять в Германии области, захваченные после Иены, и завоевать Испанию. Императоры расстаются, и, по словам Кастело, Наполеон сознает, что Александр изменился, его уже нельзя подчинить своему влиянию, как в Тильзите.

Александр, слышущий мастером двойной игры, заявляет Коленкуру: «Если император Н. подойдет к моим границам, если он хочет войны, он ее получит, но без малейшего повода со стороны России» (с. 55). Коленкур, посол, пожалуй, слишком наивный, во власти «славянского шарма» Александра, верит честному слову суверена, при котором аккредитован, тогда как в этот самый момент Россия сближается с Англией и начинает с ней переговоры. Здесь царь, несомненно, более ответствен за новый конфликт, нежели Наполеон: он умело готовит разрыв и ищет союзников, протягивая руку Австрии. Наполеон тем временем требует ускорить подготовку к войне. Как мы знаем сегодня, до конца 1810 г. Россия держала на берегу Немана до 300 000 солдат, тогда как французский император в тот момент располагал лишь 50 000, рассредоточенными между Рейном и Вислой.

Прощаясь с Коленкуром, который отозван в Париж, царь говорит ему пророческие слова: «Если император Наполеон объявит мне войну, то возможно, даже вполне вероятно, что он разобьет нас, если мы примем битву, но это не принесет ему мира. Испанцы нередко бывали разбиты, но они ни побеждены, ни покорены. Однако они отстоят не столь далеко, как мы, от Парижа; они не располагают ни нашим климатом, ни нашими ресурсами... Мы обладаем пространством, хорошо организованной армией... Я не выну шпагу первым, но вложу ее в ножны только последним... Если на поле боя мне не повезет, я удалюсь на Камчатку – скорее уж это, но не уступка моих провинций и не подписание в моей столице договоров, которые явятся лишь временной передышкой. Француз храбр, но долгие лишения и дурной климат

надоедают ему. Этот климат, наша зима, будет вести свою войну вместо нас...». Трудно предвидеть будущее более провидческим образом, добавляет Кастело (с. 242).

Русская кампания была задумана Бонапартом как наказание строптивого Александра I, уклонявшегося от договоренностей, достигнутых в Тильзите. Российский император не желал участвовать в блокаде Англии, это наносило тяжелый урон русской экономике. Газеты сообщают, что Наполеон отправляется делать смотр войскам на Висле. Автор описывает триумфальное шествие его по Европе, воинственное настроение, уверенность в победе, которая передавалась окружающим. Однако не всё так легко и просто. Гигантские размеры армии, сущего Вавилона в походе, чрезвычайно усложняют движение. Интендантство действует плохо, хуже, чем в предыдущих кампаниях. Не надеясь на склады, солдаты перегружают, что утомляет их и замедляет продвижение. Дороги чем дальше, тем всё хуже, артиллерия вязнет в грязи.

23 июня 1812 г. огромная армия подошла к Неману в районе Ковно. Наполеон не отдает себе отчета в том, что уже разгар лета, тогда как нападение следует совершать весной. Он осознает это поздно... слишком поздно! Помнит ли он еще, что сказал в Государственном совете, перед тем как оставить Париж? «Я отправляюсь в Варшаву, проведу там зиму, занимаясь организацией и подходом запасных частей. Моя позиция будет достаточно внушительной, чтобы рассчитывать на заключение мира. Если последний не будет заключен весной, я произведу осаду и захвачу Ригу, затем нанесу удар по Санкт-Петербургу ... ибо не следует допускать мысли о том, чтобы оставаться в России» (с. 106).

Сегодня, когда он готов переправиться через Неман, каков план нападения? Фронт растянулся на 200 км, Наполеон в центре в сопровождении своей гвардии, состоящей из 21 000 пехотинцев, 7000 кавалеристов, 7000 артиллеристов, всего 35 000 человек. Они образуют ядро французской армии, общей численностью 230 000 человек, которую возглавляют маршалы Ней, Даву, Удино. Переправившись через Неман близ Ковно, они направляются к Вильне.

Им противостоит основная русская армия под командованием Барклая де Толли. Однако противника не видно, и это раздражает Наполеона. Императору представляется невозможным, чтобы русские сдали столицу Литвы без борьбы: «Сдать Вильно – значит потерять Польшу!» (с. 117). Однако оптимизм не покидает его: «Через два месяца, – сообщает он Коленкуру, – Россия запросит у меня мира. Крупные собственники будут напуганы и даже

разорены. Император Александр окажется в затруднительном положении» (с. 118). Помолчав, Коленкур напоминает, что сказал ему царь: «Я отдаю должное великому военному таланту императора, но лучше избегать равняться с ним. Если мы будем разбиты, то будем брать пример с испанцев». Выйдя на русский берег, ожидая, что их встретят залпами, французские солдаты останавливаются в недоумении. По словам одного из них, «казалось, что мы на кладбище; ни одного живого существа, ни одного жителя в деревнях! Вдали клубы черного дыма – горят литовские деревни». Наполеон в ярости. Он надеялся дать сражение на литовской территории, но Барклай де Толли отступил. Русские применяют тактику выжженной земли. Об этом императора предупреждает и посланец Александра Балашов: «Это будет война всего народа, огромной и опасной массы. Русский солдат храбр, и народ предан родине» (с. 111).

Описывая «величайший беспорядок», нарастающий в Великой армии по мере ее продвижения по опустошенной земле, автор замечает: «Не лучше ли было бы остановить продвижение к Москве, или даже открыто отступить?» (с. 133). Но Наполеон, жертва своей склонности к гигантизму, ничего не хочет слышать... Наконец он обращается к Дарю, возглавляющему интендантство, желая узнать его мнение о войне. «Она не является национальной, – осмеливается ответить министр. – Ввоз некоторого количества английских товаров в Россию и даже создание царства Польского – недостаточные причины для столь отдаленной войны... Если провизии не хватает в Витебске, что же будет дальше? Офицеры, которых Ваше Величество посылает добыть ее, возвращаются с пустыми руками. Немного муки или мяса, которые удастся достать, тут же поглощается гвардией; в других корпусах говорят, что она требует и поглощает всё, что она составляет привилегированный класс. Медицинская помощь, фургоны, стада скота – всё отстает. Госпитали недостаточны для больных, в них не хватает провизии, мест, медикаментов» (с. 155). И вновь, как лейтмотив, два слова: что делать? «Все советуют остановиться, – пишет граф де Сегюр, – но, более того, после Витебска не приходится рассчитывать на доброе расположение жителей... Как поднять их за свободу, если они даже слова этого не понимают?» Наполеон бросает фразу о возможности отмены крепостничества в России. «Однако, – утверждает Кастело, – отмена рабства в “освобожденных” провинциях ничуть не входила в намерения императора. Единственная цель занимала все его мысли: добиться подписания мира царем, а для этого продолжать форсированный марш и дать решающее сражение» (с. 167).

Автор рисует удручающую картину того, как марш на Москву в погоне за русской армией привел к расстройству войск, лишенных необходимых припасов из-за отставания обоза, и к столкновениям характеров и темпераментов среди французского генералитета, например, между маршалами Л.Н. Даву и Й. Мюратом. Наступление на Москву неизбежно «приняло характер варварского вторжения», когда местность совершенно разорялась передовыми частями французской армии, обрекая всех остальных на голод и болезни. Переключка 2 сентября 1812 г. в Гжатске, накануне генерального сражения, показала, что у Наполеона могло быть в строю не более 133 819 человек. В это число входили и те, кто должен был присоединиться к главным силам в течение последующих пяти дней.

Исход Бородинской битвы обе стороны восприняли как свою победу. На самом же деле уже тогда ее результат был оценен как «недостаточно полный» успех французской армии. В числе причин назывались простуда Наполеона и его отказ бросить в бой гвардию, чтобы добиться полной победы. Сам император утверждал, что должен был сохранить гвардию, «чтобы нанести решающий удар в большой битве, которую нам даст противник перед Москвой. На сегодня успех обеспечен. Я должен подумать об успехе кампании, и поэтому сохраняю резервы» (с. 287). Но сражения не будет, Москва покинута жителями...

После боя прошел проливной дождь. К мукам голода и жажды добавился холод. 13 000 раненых с русской стороны и 7000 с французской обречены на смерть, поскольку помочь им нечем. Измученные солдаты, греясь у костров, жарят конину, забивая собственных лошадей. «Можно ли назвать подобную бойню победой?» – вопрошает Кастело (с. 295).

Кутузов, у которого из 103 000 солдат осталось 45 000, не мог и думать об обороне Москвы. Он отступает. За русским арьергардом под командованием генерала Милорадовича по пятам следует авангард Мюрата. Русский генерал посылает ему парламентаря с предложением заключить перемирие на несколько часов, а также уточняет, что 9000 раненых и больных остаются в Москве и доверены великодушным заботам французской армии. Полковник, посланный Милорадовичем, передает ответ Мюрата: «Излишне доверять больных и раненых великодушию французской армии: для французов их пленники более не враги». Но это не всё. «Генерал Милорадович, – продолжает полковник, – убежден, что неаполитанский король предпочел бы занять столицу своих противников в нетронутom состоянии, и потому просит не беспокоить наш арьер-

гард. Он хотел бы, чтобы нам позволили пройти, в противном случае он будет биться до последнего человека и не оставит камня на камне» (с. 310).

Другими словами, король должен был отдать приказ остановить французскую колонну, готовую вступить в Москву... Мюрат ответил вначале, что не может ничего решить без своего кузена Наполеона, но потом передумал: «Я готов принять предложение генерала Милорадовича. Я буду двигаться так медленно, как вы того желаете, при условии, что Москва может быть занята именно сегодня» (с. 312).

Это мимолетное возвращение к галантному поведению на войне вскоре станет невозможным. Наполеон не желал понять, что война стала отечественной, народной и что переговоры о мире в этих условиях были исключены. Пожар Москвы, считает автор, всецело входил в стратегический замысел русских: «Ростопчин велел выпустить из тюрем 800 заключенных, обещая им амнистию за поджог Москвы» (с. 324).

В конце своего пребывания в захваченной столице, вернувшись из Петровского замка в Кремль, Наполеон, по-видимому, уже понял, что потерпел поражение, но не мог в этом признаться. Кастело приводит слова графа де Сегюра: «Он проводил долгие часы полулежа, с книгой в руке, как бы в оцепенении, ожидая развязки своей ужасной истории», и продолжает: «Это была книга о Карле XII, совершившем поход на Москву и потерпевшем поражение. Точно так же 130-ю годами позднее Гитлер в Бергхофе, а затем в Вольфшанце будет читать и перечитывать перевод книги графа Сегюра о Русской кампании...» (с. 394).

Автор приводит рассуждения Наполеона по возвращении из России: «Русские – это бич всех народов, война против России – это война всецело в интересах старой Европы и цивилизации... У Европы есть только один враг – русский колосс». Коленкур осмеливается сказать императору, что он в бесконечно большей степени является «предметом общего беспокойства», нежели «русский колосс». Но тот снова и снова размышляет о причинах своего поражения: «Мы стали жертвой климата: хорошая погода ввела меня в заблуждение. Если бы я выступил двумя неделями раньше (из Москвы. – *Реф.*), моя армия была бы в Витебске. Дела пошли плохо, потому что я слишком долго оставался в Москве. Если бы я, вступив в нее, уехал через четыре дня, как и собирался, увидев пожар, Россия бы пала. Император Александр был бы счастлив заключить мир, который я великодушно предложил бы ему в Ви-

тебске». Игнорируя тот факт, что в этот самый момент его армия полностью развалилась, император, казалось, готов был начать всё сначала: «Я всегда бил русских... Я соберу триста тысяч солдат... Я дам им два-три сражения на Одере, и через шесть месяцев снова буду на берегу Немана... То, что произошло, ничего не значит. Это несчастье. Винават климат, враг здесь не при чем, я бил их повсюду» (с. 577).

Император не сознает причин своего поражения, констатирует автор. Но достаточно вспомнить цифру в 4–5 сотен выживших солдат когда-то 35-тысячной гвардии, чтобы убедиться, что отступление из России было самым ужасным из испытаний, выпавших на долю воюющих во все времена. Число уцелевших не превышало 20 000 – всё, что осталось от армии в 400 000 человек, перешедших Неман несколько месяцев тому назад! (с. 594).

Так складывалась «наполеоновская легенда», которая легла в основу французской национальной традиции изучения войны 1812 года. Историческая память французов об этой войне в своей основе оставалась до последнего времени фактически неизменной. Ее основополагающими элементами были убежденность в превосходстве французской армии, высоких морально-волевых и профессиональных качествах ее солдат, одержавших в 1812 г. ряд побед (под Витебском, Смоленском, при Бородине, Малоярославце, Красном, на Березине), но не выдержавших нечеловеческих условий похода и давления «стихий». Лишь на рубеже нового тысячелетия французская историография начинает выходить из тени «наполеоновской легенды». Одним из свидетельств этого является книга Кастело, которая, сохраняя объективно-нейтральный тон повествования, вскрывает всю непродуманность и авантюризм Русской кампании 1812 года и неизбежность ее трагических последствий.

Т.М. Фадеева

РУССКАЯ КАМПАНИЯ НАПОЛЕОНА I В ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (Сводный реферат)

1. Замойский А. 1812: Роковой поход Наполеона на Москву.

Zamoyski A. 1812: Napoleon's fatal march on Moscow. – L.: Harper Collins, 2004. – XXVI, 644 p.

2. Ковальчик Р. Катастрофа Великой армии Наполеона в России в 1812 году.

Kowalczyk R. Katastrofa Wielkiej Armii Napoleona w Rosji w 1812 roku. – Łódź: Wydaw. Uniw. Łódzkiego, 2007. – 495 s.

В данном реферате представлены монографии польского исследователя Р. Ковальчика и проживающего в Великобритании польского историка А. Замойского, в которых рассматриваются различные аспекты Русской кампании Наполеона Бонапарта. В этих работах особое внимание уделяется участию поляков в войне Франции с Россией, польскому вопросу в целом, а также итогам войны.

Книга известного польского историка-эмигранта, председателя Фонда князей Чарторыйских А. Замойского (1) посвящена подробному анализу Русской кампании Наполеона I, которую он считает «одним из самых драматических эпизодов европейской истории» (1, с. XV). Источниковая база монографии включает в себя опубликованные документы и материалы, мемуары, дневники и письма участников войны 1812 года. Книга состоит из введения, 25 глав и библиографического списка.

В первой главе рассказывается о личности Наполеона Бонапарта. Замойский пишет, что императором двигало стремление «к власти и господству над другими» (1, с. 7). Его политические, культурные и психологические мотивы сформировались под воздействием политики «французских правителей прошлого, таких

как Франциск I и Людовик XIV, которые распространили французскую гегемонию на Европу, чтобы достичь продолжительного периода стабильности» (1, с. 8). Создававшийся Францией баланс сил в Европе позволил бы предотвратить германскую агрессию против нее. Более того, с XVIII в. политические и военные классы Франции считали себя «Великой нацией», призванной «донести свои достижения до других народов» (там же). Но сам Наполеон претендовал на большее – регалии имперского Рима, чего он, казалось, достиг в 1810 г., женившись на Марии-Луизе, дочери последнего императора Священной Римской империи Франциска II. При Наполеоне французы распространили свое влияние на значительные территории в Европе, и только две державы – Великобритания и Россия – могли противодействовать этой экспансии.

Во второй главе рассматривается личность Александра I. К его качествам А. Замойский относит «тщеславие, слабость и ленность» (1, с. 22). Александр вступил на трон в 23 года «с желанием улучшить мир», но в нем сочеталась «масса противоречивых черт» (1, с. 22–23). Он был увлечен внутренними реформами, но уделял мало внимания внешней политике. Когда Наполеон стал императором, это возмутило Александра. Он говорил, что столь высокий титул получил «корсиканский выскочка» (1, с. 24). В 1805–1806 гг. Александр I участвовал в Третьей и Четвертой коалициях против Франции, а в 1807 г. в Тильзите подписал мирный, а затем союзный договоры с Наполеоном. Замойский полагает, что «Тильзит был триумфом Александра: ему удалось сделать так, чтобы его не считали проигравшей стороной» (1, с. 30).

Третья глава посвящена Европе до Наполеоновских войн и в первые годы французской агрессии. Автор полагает, что Александр I считал себя «противовесом или даже альтернативой Наполеону на международной арене» (1, с. 40). Однако именно французы, а не русские долгое время оказывали преобладающее интеллектуальное и культурное воздействие на европейские государства. Даже революционную Францию представители многих стран рассматривали как гаранта стабильности в Европе. Изменение границ в XVIII в. было «осуществлением средневековых стремлений к созданию пан-европейской империи» (1, с. 41). Этническая Германия была раздроблена; Бельгия принадлежала Габсбургам; Италия была поделена на 11 территориальных единиц, которыми управляли в основном те же Габсбурги и испанские Бурбоны; Священная Римская империя включила в себя различные европейские исторические земли; Польша была разделена между Пруссией, Австрией и

Россией. Когда с началом Наполеоновских войн французы вторгались на какую-нибудь территорию, они смещали там старых правителей и насаждали свои порядки. Несмотря на то что немцы были смущены стремлением Наполеона получить корону Священной Римской империи, многие интеллектуалы рассматривали его как фигуру уровня Александра Македонского. Некоторые надеялись, что он «возродит прежнюю Германскую империю...» (1, с. 43).

В четвертой главе анализируется путь России и Франции к войне. К 1809 г. наметилась трещина в русско-французском военнополитическом союзе. Тогда Наполеон заговорил о возможном династическом союзе с Россией. Но создание французами Княжества Варшавского стало угрозой для России, которая могла потерять в случае восстановления независимого польского государства в прежних границах «территорию площадью 463 000 кв. км. с населением около 7 млн. человек» (1, с. 58). Отношения с Францией ухудшились, а слова «Польша» и «поляки» исчезли из официальной российской корреспонденции. Александр I попытался получить от Наполеона заверения в том, что он никогда не воссоздаст независимую Польшу. Но французский император ответил, что если его оппозиция примет подобное решение, он «не сможет ничего предпринять для того, чтобы воспрепятствовать этому» (1, с. 60).

Пятая глава посвящена Великой армии Наполеона. Она создавалась по частям. Так, весной 1811 г., «опасаясь вторжения России в Княжество Варшавское, Наполеон приказал полякам мобилизовать 50 000 человек» (1, с. 80). Своему пасынку, вице-королю Италии Эжену де Богарне, он поручил сформировать части из итальянцев. В планы императора входило создание полумиллионной армии для войны с Россией. Ее костяк составили французские войска. Особое место среди них занимала Императорская гвардия.

В шестой главе анализируется начало конфронтации между Россией и Францией накануне войны 1812 года. Наполеон разрабатывал план нападения на Россию, когда воевал в Испании и Германии. Его союзниками были Швеция, Турция – традиционная союзница Франции, уже воевавшая против России, Австрия, Пруссия, а также поляки, заинтересованные в воссоздании собственного государства при помощи французов. Александр I сделал всё для того, чтобы подготовить свою армию к сражению с Наполеоном. Расходы на оборону выросли с 23 млн. руб. в начале его правления до 70 млн. к 1814 г. От 100 000 до 120 000 человек ежегодно призывались на воинскую службу. В 1811 г. 60 000 солдат, вышедших на пенсию, но еще годных к службе, вернули в строй. Если в 1807 г.

в сухопутных войсках России было 487 000 человек, то к сентябрю 1812 г. это число увеличилось до 904 000. Более того, Александр I хотел, чтобы его рассматривали «как жертву, а не как агрессора» (1, с. 128).

Седьмая глава посвящена событиям, предшествовавшим вторжению Наполеона в Россию. В частности, речь идет о переговорах адъютанта Наполеона Л. Нарбонна с Александром I в Вильно, на которых последний заверял французов в своих мирных намерениях и говорил о том, что если Наполеон перейдет Неман, «мирный договор, навязанный на российской территории, никогда не будет подписан» (1, с. 130). Российский император не желал вести переговоры до тех пор, пока войска Наполеона не уйдут из Княжества Варшавского и Пруссии. Замойский считает, что у Наполеона было два пути: выполнить требования Александра, т.е. оставить Польшу и Германию, или напасть на Россию. Бонапарт выбрал второй путь, «война с Россией его не пугала» (1, с. 130).

Восьмая глава посвящена событиям в г. Вильно, где российская армия находилась накануне Отечественной войны 1812 года. В июне офицеры устроили там бал в честь Александра I, на котором присутствовала виленская знать. Со времени прибытия императора в апреле балы в городе устраивались регулярно. К войне русские не были готовы, а в Вильно проводили время «в погоне за удовольствиями» (1, с. 151). Поэтому 25 июня 1812 г., получив известия о форсировании французами Немана, Александр I оказался в неловком положении и «не знал, что делать дальше» (1, с. 152).

В девятой главе рассматривается начало войны между Францией и Россией, рассказывается о тактике Александра I и Наполеона. Если российский император присутствовал в штаб-квартире своей армии, то Наполеон позволил себе быть подальше от линии фронта и две недели провел в г. Вильно. Автор рассказывает об изменениях в планах Наполеона на начальном этапе войны. Когда в середине июля 1812 г. французский император узнал, что Барклай де Толли расположился на Дриссе, он решил обойти левое крыло его войск и пройти в Полоцк. Когда же ему сообщили, что русские покинули Дриссу, он изменил свою цель, которой сделался Витебск. Барклай де Толли, в свою очередь, решил дать бой на пути французов к Витебску. В результате русские «были отброшены назад...» (1, с. 177).

В десятой главе показана ситуация в оккупированных французами губерниях. К июлю 1812 г. наполеоновским войскам удалось занять часть европейской территории России, которая, впрочем, входила в ее состав всего около 17 лет. Это были бывшие

земли Речи Посполитой, и польская шляхта предпочла Наполеона Александру I «из принципа, хотя большинство сделало это без особого энтузиазма и многие заняли выжидательную позицию» (1, с. 199). Александр не мог разыграть здесь даже религиозную карту: на 1 300 000 католиков приходилось только 80 000 православных. Серьезные трудности создавали старообрядцы, протестовавшие против царских реформ и «считавшие антихристом Александра, а не Наполеона» (1, с. 200).

В одиннадцатой главе анализируются боевые действия в районе Смоленска. Французы рассчитывали выбить русских из города, после чего «занять квартиры в Витебске, вооружить Польшу и позднее выбрать между Петербургом и Москвой» (1, с. 227). Генерал Клаузевиц видел «в битве за Смоленск стратегическую победу русских: они потеряли огромное количество людей, но французские потери были более тяжелыми, и если у русских была возможность отступить и получить подкрепление, то у французов ее не было» (1, с. 235–236).

Двенадцатая глава посвящена личности М.И. Кутузова. Он был единственным человеком, способным возглавить объединенные армии Барклая де Толли и Багратиона. Правда, Александр I «ненавидел Кутузова за его безнравственность, неряшливость и склад ума, так же как и воспоминания об Аустерлице и убийстве его отца» (1, с. 246). Тем не менее он пожаловал Кутузова титулом князя за заключение быстрого мира с Турцией, но должность, на которую он его назначил, была второстепенной. Однако в начале войны с Францией император был вынужден прислушаться к общественному мнению и сделать Кутузова главнокомандующим.

Тринадцатая глава посвящена Бородинской битве. Когда французские войска разместились вблизи Шевардина, Наполеон осмотрел занятые ими позиции, почувствовал прекрасное настроение солдат и заключил: «Это энтузиазм Аустерлица!» (1, с. 265). В шесть утра 26 августа французы первыми открыли огонь, и началось Бородинское сражение. Потери обеих сторон были огромны. Вечером по окончании сражения ощущалось, что в русском лагере боевой дух выше, чем во французском, и господствует «ощущение триумфа» в связи с тем, что русские солдаты «выстояли перед Наполеоном» (1, с. 284). Французы, со своей стороны, были убеждены в том, что война с Россией окончена и Александр I предложит Наполеону мир. В это верили и русские солдаты и офицеры; некоторые из них «говорили о поездке в Испанию, чтобы воевать против французов вместе с англичанами» (1, с. 295).

В четырнадцатой главе описывается вступление Наполеона I в Москву. Когда Великая армия 14 сентября достигла Поклонной горы и солдаты увидели панораму столицы, их захватило ощущение триумфа. Около 2 часов того же дня французская армия во главе с эскадронам польских гусар вошла в город. Они быстро достигли Кремля. Небольшая группа его защитников произвела несколько выстрелов в сторону неприятеля, после чего была разбита французской артиллерией. Но ликование французов продолжалось недолго. Первой неожиданностью для Наполеона было отсутствие какой-либо делегации со стороны московских властей, которая, по его убеждению, должна была приветствовать его и вручить ему ключи от города. Второй – пожар, который «позволял читать по ночам и ощущать жару...» (1, с. 300–301).

В пятнадцатой главе рассматривается морально-нравственная ситуация в российской армии. В конце сентября 1812 г. русские военачальники отмечали беспорядки в войсках, писали о том, что мародеры и казаки «грабят и убивают людей» (1, с. 316). И только в письме князя С.Г. Волконского Александру I содержались противоположные сведения и было сказано, что все «от командира до последнего солдата готовы положить свои жизни за Отчизну и Ваше Императорское Величество» (там же).

В шестнадцатой главе рассказывается о решении Наполеона покинуть Москву. Он рассчитывал создать подконтрольные себе городские власти, но люди, способные к административной работе, шли на всё для того, чтобы избежать сотрудничества с французами. Императора не покидало ощущение беспокойства за собственную жизнь и пугала приближавшаяся зима. Подобные чувства испытывали и солдаты Великой армии. Поэтому Наполеоном было принято решение оставить захваченную столицу. В целом его солдаты не были готовы к зиме, за исключением польских подразделений, которые начали активно готовиться к холодам еще в октябре, приготовив, в частности, специальные «зимние» подковы для лошадей (1, с. 357).

В семнадцатой главе автор называет войну Франции с Россией «Второй польской войной» Наполеона¹ (1, с. 358). Но полякам

¹ «Первой польской войной» Наполеона считается война Франции с Австрией и Пруссией, завершившаяся в 1807 г. подписанием Тильзитского мирного договора, позволившего создать Княжество Варшавское. Его жители получили от французского императора ограниченную независимость в области административного управления, просвещения, науки и военного дела. – *Прим. реф.*

не всегда улыбалась удача, и после пребывания в Москве 5-й корпус Ю. Понятовского сократился до 4000 человек, которым пришлось отступить вместе с французскими войсками к границам Польши.

Восемнадцатая глава посвящена пребыванию Наполеона в Москве. Изначально его солдаты чувствовали себя там довольно комфортно. Но уже в начале октября И. Мюрат проинформировал Наполеона о критическом положении кавалерии. Однако император проигнорировал это сообщение, решив, что «русские слишком слабы для того, чтобы атаковать» (1, с. 351). Он не понимал, что его стратегия неверна. Единственно правильный в той ситуации шаг – уход из Москвы – ему подсказали маршалы. 14 октября, когда начался первый снегопад, французский император отдал приказ «не посылать больше войск в Москву, вернуться в Смоленск и немедленно эвакуировать оставшихся в Москве раненых, а также тех, кто находился по дороге от Можайска до Колоцкого, до 20 октября и из Гжатска двумя днями позднее» (1, с. 354).

В девятнадцатой главе описываются переход отступавшей Великой армии в Смоленск и ее пребывание в городе. Уже 4 ноября Наполеон приказал маршалу Даву занять позиции недалеко от Смоленска, в Ельне. Тем временем погода испортилась. 9 ноября было -15°C с северным ветром. Но французам всё же удалось разместиться на квартирах в Смоленске. Здесь у Наполеона возникли проблемы с получением еды, фуража и одежды, которые ценились на вес золота. Кроме того, пришла плохая новость из Белой Руси – пал Полоцк, и русские, потеснив французов, направились вниз по Двине. Другая новость заключалась в том, что одна из бригад генерала Л. Багарэ д'Илье, посланная в Ельню для встречи Наполеона, столкнулась с основными силами Кутузова и была вынуждена сдаться. Более того, 12 ноября погодные условия ухудшились и температура опустилась до $-23,75^{\circ}\text{C}$. Кавалеристы были обеспокоены из-за того, что постоянно погибали лошади. Из Смоленска французам пришлось уйти, и 19 ноября Наполеон, сразившись с русскими под Красным, достиг Орши, где планировал разместить остатки своей армии. Последним из Смоленска уходил маршал Ней – 17 ноября. Он получил приказ от Наполеона «взрывать фортификационные сооружения города...» (1, с. 426).

В двадцатой главе описываются последние дни существования Великой армии и настроения в столице России. Несмотря на разговоры о победе в среде российского военного руководства, жители Санкт-Петербурга опасались, что Наполеон дойдет и до их города. Когда сержант В. Марченко прибыл в Петербург в начале

ноября 1812 г., его встретили пустые улицы и тишина. Люди держали наготове лошадей и лодки, чтобы в случае нападения французов покинуть город. Однако русским удалось одержать ряд побед, а длительный поход «разрушил Великую армию» (1, с. 433).

Двадцать первая глава посвящена битве на Березине. 22 ноября Наполеон достиг Толочина, но пробыл в нем недолго. Вскоре он получил известие о том, что Минск сдался Чичагову, и принял решение об отходе. На пути отступления французов была река Березина, единственный мост через которую уже сожгли русские. К началу битвы Чичагов и Чаплиц имели в своем распоряжении 30 000 отдохнувших бойцов, а маршал Ней мог выставить против них от 12 000 до 14 000 «полуобмороженных» солдат (1, с. 471). Половину последних составляли поляки, другая половина состояла в основном из швейцарцев, хорватов, итальянцев, голландцев и португальцев. Французов осталось очень мало. Несмотря на численный перевес русских, наполеоновским войскам, которые «дрались, как львы», удалось добиться некоторых успехов, переправившись через Березину (1, с. 480). Тем не менее Великая армия потеряла 25 000 солдат и офицеров, а русская – около 15 000. Но эта битва была «триумфом для наполеоновской Франции», ведь Наполеон сумел выйти из трудной ситуации, когда, казалось, всё было потеряно (там же).

В двадцать второй главе рассказывается о начале катастрофы армии Наполеона. После битвы на Березине Великая армия отступала в условиях сильных морозов, и ее крах уже был очевиден. Некоторые солдаты, будучи не в состоянии вынести такие условия, покончили жизнь самоубийством. Многие получили серьезные обморожения. Наполеоновские военные забыли о долге, чести и элементарной взаимовыручке. Так, офицер Карл фон Суков рассказывает случай, когда во время отступления ему удалось достать и приготовить дюжину полумороженных картофелин, которыми он не поделился с голодающим товарищем (1, с. 483–484).

Двадцать третья глава посвящена окончательному краху французской армии. Когда в начале декабря 1812 г. Наполеон попытался оставить за собой город Вильно, температура опустилась до $-37,5^{\circ}\text{C}$. Имперский конвой составили тогда исключительно поляки. Солдаты других национальностей не были готовы к таким морозам, поэтому армия понесла серьезные потери. Войска разместились в частных домах, магазинах, кафе и воспользовались возможностью достать новую одежду и провиант. Однако в середине декабря русские войска заняли город. Тогда французы дви-

нулись в направлении Ковно, но погода не благоприятствовала им, морозы держались на уровне -35°C . В связи с этим Мюрат решил не останавливаться в Ковно, а двигаться дальше, на Кёнигсберг. Солдаты пытались согреться алкоголем, но это не помогало, и сотни из них замерзли. Части маршала Нея подвергались вдобавок набегам казаков и бомбардировкам российской артиллерии. Он пытался сдержать атаки русских, но «его войска таяли на глазах» (1, с. 518).

В двадцать четвертой главе приводятся рассуждения Наполеона о судьбе Польши. По его словам, он никогда не хотел войны с Россией, а лишь стремился восстановить независимое Польское королевство «в интересах сохранения мира» (1, с. 520). 10 декабря 1812 г. Наполеон прибыл в Варшаву, где в разговорах со своими соратниками обвинил поляков «в отсутствии мужества и решительности» и говорил, что «не видел никаких польских войск в течение всей кампании» (1, с. 521). Однако с появлением польских министров его тон изменился. Он сообщил, что до сих пор имеет 120 000 солдат в Вильно и вернется туда весной с новой армией. А министры должны были найти деньги и людей для защиты Княжества Варшавского (от русских. – *Ред.*). Но в середине декабря Вильно уже был занят российскими войсками, а обещания Наполеона ничего не значили.

В заключительной, двадцать пятой, главе рассматривается легенда о Наполеоне, развенчанная после завершения войны в Европе. Автор пишет, что «катастрофический исход русской кампании решил судьбу Наполеона» (1, с. 544). Он не только потерял сотни тысяч лучших солдат, но и развеял миф о своей непобедимости. Из идола он превратился в обычного человека и был сослан на остров Св. Елены, где скончался 5 мая 1821 г.

Книга Р. Ковальчика (Лодзинский университет) (2) посвящена обстоятельствам и причинам поражения Наполеона I в войне с Россией 1812 года. Автор пишет, что поход французов в Россию «относится к наиболее полно исследованным кампаниям наполеоновского периода» (2, с. 7). Это позволило ему использовать значительный массив опубликованных официальных документов, мемуаров, прессы и разнообразных научных исследований.

Монография состоит из введения, пяти глав и заключения. Первая глава посвящена событиям, предшествующим уходу русской армии из Москвы (8–14 сентября 1812 г.). Автор утверждает, что Бородинская битва завершилась победой Великой армии (2, с. 15). Русские войска потеряли около 50% личного состава. Однако

М.И. Кутузову удалось, тем не менее, сохранить значительные силы, а Великая армия не предприняла своевременного преследования русских войск, что, по мнению Р. Ковальчика, было «результатом как ошибочной оценки ситуации Наполеоном, так и отсутствия соответствующих этой операции частей в наполеоновских вооруженных силах» (2, с. 15). После Бородинской битвы значительная часть кавалерии Наполеона находилась в критическом состоянии. Успешно оторвавшись от преследующих ее французов, армия Кутузова «сохранила реальную силу и представляла опасность для Великой армии» (2, с. 16).

Эвакуация войск Кутузова из Москвы 14 сентября 1812 г. вызвала панику среди москвичей. Началось хаотическое бегство местных жителей, вынужденных оставить свои дома и имущество. Этим воспользовались воры, а также солдаты отступающей российской армии, «дезорганизованные напором толпы» (2, с. 37). Координация действий по эвакуации москвичей оказалась невозможной из-за наступления французов, поэтому генерал-губернатор Ф.В. Ростопчин решил «предоставить жителям Москвы право самим решать свою судьбу и вывести только русские войска» (2, с. 38). С этой целью генерал М. Милорадович должен был задержать Великую армию «у ворот Москвы». Операция удалась, что позволило Кутузову эвакуировать войска за несколько часов до вторжения Наполеона. Более того, Милорадович решил использовать веру французов в желание русских подписать мирный договор и пригрозил Мюрату, что «в случае невозможности свободной реализации маневра по отступлению город будет подожжен» (2, с. 39). В результате французский маршал не воспользовался шансом разбить войска противника в Москве и «позволил их свободно эвакуировать» (там же).

Во второй главе рассматривается пребывание Великой армии в захваченной столице 14 сентября – 23 октября 1812 г. 14 сентября армия Наполеона вступила в город. Во главе ее шел 10-й полк польских гусар, так называемые «золотые гусары», под командованием полковника Я.Н. Уминьского. Французы рассчитывали занять Москву без вооруженной борьбы, целой, не сожженной, чтобы использовать это как козырь в переговорах о мире с Александром I. Наполеон был уверен, что после занятия столицы русские признают его победителем и «начнут с ним мирные переговоры» (2, с. 40).

Тем не менее расчеты французского императора оценивались его соратниками как ошибочные, повсеместно признавалось, что «великолепный предводитель, стратег и политик, каким и был

Наполеон, не должен так действовать...» (2, с. 51). Еще в начале Русской кампании император не использовал всего потенциала Великой армии. Серьезной его ошибкой была «переоценка роли Москвы, чрезмерное продление коммуникационных линий и недооценка фланговых российских армий генерала П. Витгенштейна и адмирала П. Чичагова...» (там же).

Вступив в Москву, французы увидели безлюдные улицы, опустевшие дома с распахнутыми окнами и дверями, из которых их владельцы не успели забрать даже самые ценные вещи, трупы тех, кто был задавлен уходящими войсками и толпами москвичей. Всё это усилило пессимистические настроения среди солдат Великой армии. Более того, Наполеон рассчитывал на торжественный прием со стороны властей Москвы, но граф Ростопчин эвакуировал всех влиятельных москвичей, которые могли бы принять участие в формировании подконтрольных французам городских властей. По данным польской прессы того времени, в Москве в 1812 г. насчитывалось от 198 000 до 300 000 жителей и более 12 500 различных строений (2, с. 48). Многие из последних пострадали во время пожаров, которые начались уже 14 сентября 1812 г. Их виновниками были оставшиеся в городе агенты жандармерии под руководством инспектора Вороненко. Первый пожар случился в непосредственной близости от Кремля, в котором расположился Наполеон. У французов возникли трудности с тушением пожаров, так как Ростопчин приказал вывезти из Москвы все средства для борьбы с огнем. Размеры пожара увеличились из-за «плывшего» по улицам Москвы спирта, бочки с которым были вылиты по приказу генерал-губернатора перед уходом из города. Кроме того, в печах административных зданий и частных домов были оставлены взрывоопасные вещества. Все это «привело к смерти нескольких десятков наполеоновских солдат, однако потери были меньшими, чем ожидал граф Ростопчин» (2, с. 57). Вышеуказанные обстоятельства в совокупности с деревянной застройкой города и направлением ветра способствовали тому, что пожар «невозможно было не только ликвидировать, но и локализовать» (2, с. 58).

Вместе с пожарами начались грабежи московских домов солдатами наполеоновской армии. Им нередко доставались бесценные богатства, накопленные несколькими поколениями семей. Морально разлагавшаяся армия Наполеона начала отступать из Москвы 19 октября 1812 г. Бойцы не имели достаточно конных повозок для вывоза стрелкового оружия, амуниции и артиллерии, поэтому вынуждены были уничтожить всё это в течение несколь-

ких дней. Автор полагает, что уход из города только усугубил «отсутствие дисциплины среди наполеоновских солдат» (2, с. 64). Они оставляли свои войска и вместе с дезертирами российской армии и ворами организовывали грабительские набеги на московские дома. Высоким морально-нравственным состоянием отличались лишь солдаты польского происхождения. А командующий 5-м польско-литовским корпусом князь Ю. Понятовский вывез из Москвы один-единственный трофей – «книгу, подобранную где-то по дороге» (2, с. 66).

В третьей главе анализируется попытка мирного завершения войны 1812 года. Р. Ковальчик пишет, что «огромные потери, которые понесла Москва во время пожара, убедили Наполеона, что русские в состоянии и дальше вести войну, даже ценой уничтожения материальных основ своего государства» (2, с. 90). После пребывания в Москве Наполеон утратил стратегическую инициативу. Он ждал предложения о начале мирных переговоров от Александра I. Но был у него и другой план – поход на Петербург, который должен был принести окончательную победу и желаемые переговоры. Однако маршалы Наполеона выступили против данного плана, и император уступил. Ковальчик считает это следствием того, что у Наполеона «не было твердой концепции действий против русских» (2, с. 99). Кроме того, он хотел «как можно скорее и любой ценой завершить войну с Россией» (там же).

Когда 19 октября 1812 г. Наполеон начал отступать из Москвы, он еще не решил, останется ли зимовать в окрестностях Калуги и Тулы или отойдет за Днепр. В конечном итоге было решено выбрать территорию между Днепром и Двиной, где имелись лучшие возможности для военных операций, чем, например, в Калуге. Там же можно было пополнить запасы продовольствия, пользуясь тем, что имелось в гданьских, ковенских, виленских и минских магазинах. Более того, эти земли считались «всё еще польскими», поскольку ранее входили в состав Речи Посполитой, и Наполеон рассчитывал на то, что «поляки усилят там его войска» (2, с. 107). Но ничего подобного не произошло, а поражение французов в столкновении у села Тарутино убедило Наполеона в том, что российская армия усилилась, превосходит французскую и мир невозможен. Это способствовало тому, что французский император «принял своевременное решение об уходе из Москвы» (2, с. 108).

Четвертая глава посвящена маневру французов в направлении Калуги (19–26 октября 1812 г.). На момент ухода из Москвы армия Наполеона насчитывала более 100 000 солдат. Они были

отдохнувшими и имели провиант, рассчитанный на 20 дней похода. Бойцы Великой армии были уверены в успешном завершении Русской кампании. Этому благоприятствовала и погодная аномалия, которая наблюдалась в средней полосе России осенью 1812 г., – было очень тепло и сухо.

Серьезно пострадала наполеоновская конница. Нехватка лошадей была настолько ощутимой, что император перед уходом из Москвы приказал сформировать из всех кавалеристов, оставшихся без коня, пехотную дивизию. Великая армия вообще была не в состоянии осуществлять какие-либо маневры с применением конницы. На момент ее ухода из Москвы «тяжелая кавалерия... фактически не функционировала» (2, с. 123). Причинами гибели лошадей были длительные и трудные переходы перед вступлением в Москву, а также отсутствие фуража. Французов постоянно тревожили партизаны. Тем не менее им предстояло осуществить сложную операцию – занять район Калуги и Тулы и отсечь армию Кутузова от ее тыловых баз, а затем отойти через южные губернии России. В ходе сражения за Малоярославец французам удалось вытеснить русских из города, большая часть которого была сожжена во время боя. Развивая наступление, солдаты принца Евгения сумели занять высоты, окружавшие Малоярославец. Потери наполеоновской армии, однако, были колоссальными. Русские тоже потеряли значительное количество солдат, но их число в историографии занижено так же, как и количество убитых и раненых французов, поскольку «ни одна сторона не хотела представить реальную картину потерь ввиду решающего значения этого столкновения для всей кампании 1812 г.» (2, с. 151). Однако после битвы под Малоярославцем Кутузов не дал приказа отступать, а распорядился, чтобы русские части сгруппировались дальше к югу, в районе Калуги.

В пятой главе рассматривается путь Великой армии от Можайска до Стахова (28 октября – 28 ноября 1812 г.). Автор пишет, что решение уйти «по Старой Калужской дороге способствовало тому, что Наполеон окончательно утратил оперативную инициативу» (2, с. 185). Одной из его целей был Смоленск. Французский император исходил из того, что там находились значительные запасы еды и обмундирования. Осуществляя маневр в сторону Калуги, наполеоновские солдаты потеряли целую неделю, притом что зима неумолимо приближалась. В результате Великая армия достигла Можайска лишь 30 октября. Более того, после ухода французов из-под Малоярославца погода значительно ухудшилась и возросло количество мародеров. Положение усугублялось тем, что Наполеон

решил забрать раненых из окрестностей Можайска, но его солдаты, главным образом португальцы, которым поручили сопровождать раненых и больных русских пленных, убивали их по дороге. Последнее было вызвано нехваткой продовольствия и теплой одежды. Но автор утверждает, что это был «единственный в период Наполеоновских войн негуманный пример, когда наполеоновские солдаты осуществляли экзекуцию раненых и больных пленных» (2, с. 197). Проблема приобретения теплой одежды решалась путем грабежа москвичей и жителей тех мест, по которым проходили отступавшие наполеоновские войска. Из всей Великой армии в относительно хорошем боевом состоянии находилась только польская конница, которая могла отражать набеги казаков и русской кавалерии. «Решающей причиной поражения» Наполеона Р. Ковальчик называет «суровые морозы» (2, с. 201). Поляки лучше других солдат Великой армии были к ним подготовлены, имели теплую одежду и хорошо натренированных лошадей. В первой половине ноября 1812 г. погибла почти вся линейная кавалерия французов, а те, кто выжил, присоединились к мародерам. Наполеон считал, что единственным шансом французов на выживание были скорейший уход из России и попытка противостоять русским войскам в Литве или на границах Варшавского герцогства.

Отступающая армия понесла серьезные потери в сражении под Красным 17 ноября и при переправе через Березину, и окончательно развалилась спустя несколько дней в Литве, когда наступили особенно сильные морозы. Однако следует помнить, отмечает Р. Ковальчик, что «катастрофа Великой армии была длительным процессом, который в конечном итоге привел к ее гибели в декабре 1812 г.» (2, с. 266).

В заключении Р. Ковальчик пишет, что Русский поход Наполеона в связи с его масштабами и большим количеством участников вызывал интерес даже у современников, а после его окончания наблюдался дальнейший рост заинтересованности данной проблематикой. Это было связано с тем, что указанная кампания «представляла собой поворотный пункт в истории всей Европы» (2, с. 267).

Причины разложения и катастрофы Великой армии, по мнению автора, связаны не только с ее отступлением. Эти процессы начались сразу после Бородинской битвы. На них повлияли стратегия М.И. Кутузова и нерешительные действия Наполеона, утратившего стратегическую инициативу (2, с. 267–268). Московский пожар способствовал моральному разложению французской армии. Тысячи ее солдат приняли участие в грабежах оставленных

москвичами домов. Отступление из Москвы проходило в плохих погодных условиях при наличии немалых трудностей бытового характера и сопровождалось новыми боями. Наполеону удалось добиться серьезного успеха, переправившись через Березину, однако «катастрофа наступила до Березины» (2, с. 271). В результате армии Наполеона удалось просуществовать лишь до декабря 1812 г., когда ее остатки погибли в Литве.

В монографии имеются приложения, в которых представлен состав Великой армии по корпусам, дивизиям и полкам с указанием командиров, а также схема организации российских войск по данным на 6 августа и 9 сентября 1812 г.

О.В. Бабенко

Троицкий Н.А.

**АЛЕКСАНДР I ПРОТИВ НАПОЛЕОНА. –
М.: ЯУЗА: ЭКСМО, 2007. – 415 с.
(Реферат)**

Книга доктора исторических наук, профессора Н.А. Троицкого представляет собой опыт сравнительного жизнеописания двух императоров и полководцев – Александра I и Наполеона. Как пишет в кратком предисловии автор, свою задачу он видит в том, чтобы «по возможности, объективно, на современном уровне знаний и требований к исторической науке сопоставить жизненные пути Александра и Наполеона и оценить не только взгляды, деяния, личные качества двух императоров, но и смысл, возможные альтернативы и, главное, уроки противоборства тех сил (социальных, политических, военных), которые стояли за каждым из них и сделали революционного генерала Бонапарта поработителем Европы, а крепостника-самодержца Александра ее “освободителем”» (с. 7–8). Книга состоит из шести глав, приложений, краткой библиографии, кратких биографических сведений о генералах российской армии и маршалах Франции того периода.

Первая глава «Гражданин Бонапарт» посвящена взрослению и становлению Наполеона Бонапарта. 15 августа 1769 г. в семье корсиканского адвоката Карло Бонапарте и его жены Летиции (дочери шоссейного надзирателя) родился второй ребенок – Наполеон. Всего в семье родилось 13 детей, пятеро из них умерли во младенчестве. В 1779 г. губернатор Корсики, благоволивший к матери Наполеона, бывшей первой красавицей острова, выхлопотал для Наполеона королевскую стипендию в Бриеннскую военную школу. В годы учебы Наполеон проявлял интерес к истории, риторике, географии, был первым учеником по математике и одним из первых по фехтованию. В 1784 г. с похвальным аттестатом Наполеон

был переведен как королевский стипендиат в Парижскую военную школу по специальности «артиллерия». К этому времени благодаря активному самообразованию Наполеон был так хорошо подготовлен, что отучился в ней только год вместо положенных трех. В сентябре 1785 г., сдав экзамены за полный курс школы в чине младшего лейтенанта, Наполеон отправился в захолустный гарнизон в город Валанса, недалеко от Лиона.

Наполеон сразу принял начавшуюся революцию 1789 г. и вступил в Якобинский клуб. В 1793 г. он отличился в осаде Тулона и в 24 года был произведен революционным Конвентом в генералы. В то время, пишет Н.А. Троицкий, Наполеон был «закоренелым республиканцем» (с. 16). После Термидора Наполеон впал в немилость, его арестовали, но потом выпустили и отправили работать в топографическое бюро в Париже. Второй шанс возвыситься молодой генерал получил, подавив восстание роялистов 13 вандемьера 1795 г. За эту заслугу Конвент назначил «генерала Вандемьера» главнокомандующим гарнизоном столицы и ее окрестностей. В стране утвердился режим Директории, на смену Конвенту пришел двухпалатный парламент – Совет старейшин и Совет пятисот.

Генерал Бонапарт одержал ряд убедительных побед в войнах против так называемых коалиций. Вслед за другими историками Н.А. Троицкий особо отмечает Итальянскую кампанию 1796–1797 гг., которая поставила Наполеона в ряд великих военных гениев. Именно в Итальянском походе «впервые во всю мощь проявился его полководческий дар: умение превратить “скопище оборванцев” в первоклассную армию, глубина замыслов, точность расчета, непредсказуемость и ошеломляющая быстрота маневра, позволяющая ему неожиданно для противника возникать и наносить решающий удар в решающий момент на решающем участке любой операции...» (с. 31).

В 1798 г. последовал Египетский поход, в котором были и неудачная осада крепости Сен-Жан-Д’Акр, и взятие Абукира. К августу 1799 г. сложилась вторая антифранцузская коалиция. Бонапарт срочно возвращается из Египта. К моменту его возвращения угроза со стороны коалиции ослабла, и Наполеон замыслил государственный переворот, намереваясь взять власть в свои руки. 18 брюмера 1799 г. – за два дня, без единого выстрела, без единой жертвы – во Франции сменилась власть. Теперь страну возглавили три консула: Наполеон Бонапарт, Жан Жак Камбасерес, Шарль Франсуа Лебрен. Законодательная власть перешла к Сенату, Трибуналу и Законодательному корпусу. Первый консул Бонапарт в

сфере внутренней политики «использовал захваченную власть в первую очередь для того, чтобы обеспечить стабильность, порядок, социальные и правовые гарантии – всё, в чём особенно нуждалась нация и что должно было, по мысли Наполеона, объединить “низы” и “верхи” вопреки партийным распрям» (с. 58).

В сфере внешней политики, по словам Н.А. Троицкого, Наполеон, предлагая мир, готовился к войне. Битва при Маренго и мирный договор в Люневиле (1801) положили конец Второй коалиции. Наполеон стал искать сближения с Россией.

Вторая глава «Цесаревич Александр» рассказывает о первых годах жизни русского императора. 12 декабря 1777 г. в семье цесаревича Павла и великой княгини Марии Федоровны родился будущий император Александр I. Его бабка – императрица Екатерина Великая – обожала своего внука и занималась его обучением и воспитанием. К 13 годам он владел четырьмя языками, интересовался историей. Его воспитателем был швейцарец Ф. Лагарп, познакомивший своего ученика с идеями свободы, равенства и братства; словесность и русскую историю преподавал гвардейский офицер, эрудит и полиглот М.Н. Муравьев; естествознание – академик Петр Симон Паллес и др.

Автор подчеркивает сложности жизни при дворе, оказавшие влияние на характер будущего императора: «Еще ребенком, а затем и отроком Александр привык с помощью Салтыкова (еще одного его воспитателя. – *Ред.*) выражать не то, что он сам чувствовал, а то, что нравилось Екатерине и Павлу, “кавалерам” и вельможам» (с. 71). К тому же, по мнению автора, у Александра был врожденный талант нравиться.

12 марта 1801 г. цесаревич Александр Павлович стал императором. Но всю радость от этого, пишет Н.А. Троицкий, отравляла ему неизлечимая рана совести, жуткая доля сознавать, что после двух сыноубийц (Ивана Грозного и Петра Великого) и мужеубийцы Екатерины Великой на российском троне оказался именно в его лице еще и отцеубийца. «Шок, который он претерпел в ту минуту, когда мать поздравила его с воцарением возле тела отца, сказался на всем его существо» (с. 107).

Третья глава рассказывает о внутренней и внешней политике императора России и первого консула Франции в начале 1800-х годов. Молодой император Александр первые три года, по словам автора, был сосредоточен на внутренних делах, учредив Негласный комитет, заменив прежние департаменты министерствами, издав указ о правах Сената. На международной арене Россия за-

нимала прочное положение, имелись выходы к Балтийскому и Черному морям, в результате разделов Польши Россия укрепилась в Восточной Европе. Но вместе с тем, продолжает Н.А. Троицкий, после 40 лет почти непрерывных войн страна нуждалась в мире. «Он (император. – *Ред.*) лавировал между Англией и Францией и “кокетничал” с ними, используя их противоречия и общую заинтересованность в русском содействии» (с. 121). Несмотря на подписанные в 1801–1802 гг. мирные договоры с Англией и Францией император Александр понимал, что война с Францией неизбежна.

В 1804 г. арест и убийство члена королевской семьи Бурбонов герцога Энгиенского вызвало сильнейшее негодование в Англии, России и монархической Европе. В декабре 1804 г., по результатам плебисцита, Наполеон был провозглашен императором. Европейские монархи, пишет Н.А. Троицкий, восприняли коронацию Наполеона как личное оскорбление, ибо теперь «разбойник» с дикого острова вставал как бы вровень с ними, августейшими государями, помазанниками божьими... Была создана Третья коалиция, разгромленная Наполеоном под Аустерлицем. Но летом 1807 г. новая война между Францией и Россией разразилась на территории Восточной Пруссии. Ее окончательным результатом стало подписание Тильзитского мира. Союз между Россией и Францией был необходим обоим императорам. Александру (автор приводит слова императора, сказанные князю А.Б. Куракину) для «самосохранения», Наполеону – для возвеличивания себя и своей империи. Но если Наполеон был встречен французами как триумфатор, то Александр встретился с недовольством и со стороны дворянства, и со стороны духовенства. При этом, подчеркивает Н.А. Троицкий, во главе оппозиции стояла мать императора – вдовствующая императрица Мария Федоровна. В письме к ней император Александр объяснил свое решение, видимо, надеясь, что его прочтут еще и другие оппозиционеры. «Пока Франция обладает военным превосходством, – разъяснял император, – Россия должна поддерживать “хорошие отношения с этим страшным колоссом, с этим врагом”, должна “примкнуть на некоторое время” к нему в качестве союзника и под прикрытием союзного договора “увеличивать свои средства и силы”, готовиться “среди глубочайшей тишины” к новой борьбе при более выгодном для России соотношении сил» (цит. по: с. 174). Уверенный в правильности выбранного курса император Александр произвел кадровые перестановки в правительстве и даже частично изменил собственное

окружение. В период с 1809 по весну 1812 г. он провел вторую серию либеральных реформ.

Император Франции Наполеон после Тильзитского мира расширял границы империи и наращивал ее могущество. В ряде стран королевские троны заняли члены его семьи – «наполеониды». Была проведена унификация государственного аппарата теперь уже не «Французской республики», а «Французской империи». Наполеон заботился об увеличении производства в промышленности и сельском хозяйстве. Особое внимание, конечно, император уделял комплектованию и боевому духу армии: «Боевая подготовка “Великой армии” и для своего времени, и для последующего считалась образцовой» (с. 207). Обе страны одновременно начали наращивать вооружение и увеличивать численность армий: к 1812 г. российская армия насчитывала 975 000 человек, а французская – 986 500.

После разгрома Наполеоном Пруссии и Австрии российский император стал готовиться к оборонительной войне. По данным французского военного министерства, с 12 по 19 июня 1812 г. русскую границу перешли войска численностью 448 083 человека. Россия могла противопоставить им 317 000 человек в трех армиях и трех отдельных корпусах. Русский император, бывший тогда в армии, в июле отправился в Москву, где встретился с представителями московского купечества и дворянства, а затем вернулся в столицу. Помимо внутреннего ополчения, он занялся формированием очередной антинаполеоновской коалиции: были подписаны договоры с Англией, Испанией, Швецией, а затем с Данией, Пруссией, Австрией.

5 августа 1812 г. главнокомандующим русской армией был назначен М.И. Кутузов. К этому времени войска неприятеля были уже под Москвой. «Бородинская битва 26 августа 1812 г. – единственный в истории войн пример генерального сражения, исход которого и та и другая сторона сразу же объявили и донныне празднуют как свою победу, имея на то основания. Поэтому многие вопросы его истории, начиная с соотношения сил и кончая потерями, остаются спорными. Новый анализ старых данных показывает, что Наполеон имел при Бородине 133 800 человек и 587 орудий, Кутузов – 154 800 человек и 640 орудий. Правда, регулярных войск у Кутузова было лишь 115 300 человек плюс 11 000 казаков и 28 500 ополченцев; но зато у Наполеона вся гвардия (19 000 лучших, отборных солдат) простояла весь день битвы в резерве,

тогда как русские резервы были израсходованы полностью» (с. 269–270).

На край гибели, по выражению Н.А. Троицкого, Наполеона поставила битва при Березине. Его «Великая армия» была обескровлена, император срочно отправился в Париж формировать новую армию. Русская армия двинулась освобождать Европу. Между тем Наполеон чрезвычайно быстро собрал новую армию, мобилизовав призывников 1814 и даже 1815 г. После битвы при Ватерлоо Наполеон «вообще потерял интерес к борьбе за власть и, видимо, счел свою роль оконченной» (с. 332).

Заключительная шестая глава рассказывает о последних годах жизни императоров. После поражения Наполеона его судьбу решали англичане. Наполеон Бонапарт был сослан на остров Св. Елены, с собой он мог взять трех офицеров, секретаря, врача и десять слуг. Остров охраняли почти 3000 солдат, вокруг острова ходили 11 военных кораблей. Гулять ссыльный мог только в присутствии английского офицера, дозорные оповещали друг друга обо всех его перемещениях. С наступлением темноты солдаты окружали дом так, что никто не мог войти или выйти из него. Вся переписка Наполеона перлюстрировалась губернатором острова Лоу. Умер Наполеон Бонапарт 5 мая 1821 г. от рака желудка. Н.А. Троицкий подчеркивает, что это было его наследственным заболеванием, в 39 лет от рака скончался его отец.

После победы над Наполеоном российский император «занял его место на континенте» (с. 344). Он создал и возглавил Священный союз, созывал конгрессы союза, предлагал повестки дня, во многом определял его решения. На всех конгрессах Священного союза, пишет автор, главным был один вопрос – о борьбе с революционным движением народов Европы. В последние годы жизни император много путешествовал, он объездил почти всю Европу от Вены до Парижа, много ездил по России. Он мало занимался внутренними делами, фактически передоверив управление страной А.А. Аракчееву. «Александр I и Аракчеев душили Россию с полным единодушием: царь – в глобальных интересах Священного союза, временщик – в целях охраны царя и личного самосохранения» (с. 359).

Последние годы жизни императора Александра омрачены тяжелым душевным состоянием, которому биографы дают разные объяснения: он потратил все силы, духовные и физические, в борьбе с Наполеоном; его огорчала ситуация в странах Европы, император ожидал благодарности и покорности за освобождение от На-

полеона, вместо этого начались бунты и революции; бунт Семёновского полка и информация о заговоре декабристов разрушили его доверие к собственной армии. Душевный кризис государственного деятеля усугубляли личные утраты – в 1819 г. умерла горячо любимая им сестра Екатерина Павловна, в 1824 г. умерла его 16-летняя дочь от М.А. Нарышкиной – Софья.

Александр все больше отходил от событий земной жизни и стал тяготеть к религиозной. Он ежедневно читал Библию, подолгу, дважды в день, молился на коленях. Его религиозный настрой поддерживали баронесса Ю. Крюденер и архимандрит Фотий. В этом состоянии душевной подавленности (он даже говорил своим близким о возможном отречении от престола) и религиозного настроения император сблизился с женой. По рекомендации врачей (у Елизаветы Алексеевны начиналась чахотка), супруги поехали в Таганрог, где поселились в одноэтажном особняке и проводили время в уединении.

Александр I отличался и даже бравировал своим богатырским здоровьем. Поэтому когда началось, казалось бы, легкое простудное заболевание, царь не обратил на него внимания. Вскоре его состояние ухудшилось, он согласился принимать лекарства, но они уже не помогали. 19 ноября 1825 г. император Александр I скончался, как полагают историки, от брюшного тифа.

Его внезапная смерть породила множество слухов. Самый стойкий из них – легенда о Федоре Кузьмиче, согласно которой император не умер, вместо него похоронили его двойника, а Александр под именем старца Федора Кузьмича удалился в Сибирь, где умер в 1864 г. Н.А. Троицкий настаивает на официальной версии о смерти царя в Таганроге.

Ю.В. Дунаева

Безотосный В.М.

**РАЗВЕДКА И ПЛАНЫ СТОРОН В 1812 ГОДУ. – М.:
РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ,
2005. – 288 с.
(Реферат)**

В книге, состоящей из введения, трех глав и заключения, исследуется деятельность военных разведок России и Франции перед началом и во время кампании 1812 года, прослеживается влияние полученных разведданных на разработку планов сторон и принятие важнейших решений командованием противоборствовавших армий, выявляются причины просчетов и успехов французского и русского командования, вытекавших из их стратегических концепций и замыслов. Раскрывая сложный мир военной разведки (методы вербовки, агентурную сеть и т.д.), автор напоминает, что общественное мнение в Европе начала прошлого столетия ставило знак равенства между разведкой и полицией и отождествляло оба рода деятельности. Поэтому современники, как правило, негативно относились к лицам, являвшимся сотрудниками разведывательных служб.

Как отмечает автор, Наполеон, начиная военные действия, никогда не связывал руководство войсками заранее расписанным в мелочах планом. План кампании фактически оформлялся в последний момент и легко менялся в зависимости от обстоятельств. Важную роль в планировании и ведении боевых действий играло оперативное получение разведывательной информации.

На предстоящую войну с Россией, по мнению автора, Наполеон смотрел как на свое самое трудное и крупное предприятие. Подготовку к войне он начал уже с 1810 г. Французское военное министерство стало формировать новые воинские контингенты, войска скрытно концентрировались на подступах к будущему

театру военных действий, организовывался новый комплекс тыловых учреждений, строились и укреплялись крепости за Одером, проводился дипломатический зондаж по сколачиванию будущего антироссийского блока. В период с 1810 по 1812 г. активную деятельность развернули и французские разведывательные службы, которые обладали немалым опытом добывания военно-политической информации. На их счету было большое количество успешных операций в Италии, Германии и Австрии. Вся деятельность разведки находилась под личным контролем Наполеона. В организационном отношении она делилась на три части, которые можно условно охарактеризовать как военно-политическую, военно-оперативную и войсковую разведку.

Самым стабильным органом в системе тайных служб Наполеона, полагает автор, была разведка Министерства иностранных дел (в указанное время – Министерство внешних сношений) Франции. До конца XVIII в. Россия и Франция не имели общей границы, и вероятность прямого военного столкновения между ними была невелика, поэтому основными целями французской дипломатии являлись сбор политической информации и ведение придворных интриг для достижения контроля над внешнеполитическим курсом России. После участия российской армии в антинаполеоновских коалициях и создания в 1807 г. на границе с Россией Герцогства Варшавского, зависимого от наполеоновской империи, ситуация изменилась. Теперь перед действующими в России под прикрытием дипломатических паспортов разведчиками были поставлены задачи по восполнению крайне скудной информации военного и экономического характера. Центром по ведению тайной войны в России и одним из основных поставщиков информации о стране и ее армии являлось французское посольство в Петербурге. Кроме того, через дипломатов переправлялись сведения, собранные наполеоновской агентурой в стране.

Первый посол Наполеона в России, генерал Р. Савари, стал впоследствии министром полиции, сменив на этом посту Ж. Фуше. Двое последующих – А. Коленкур и Ж.-А. Лористон – были не только дипломатами, но и боевыми генералами, и каждый из них в свое время – резидентом номер один французской разведки в русской столице.

Если аристократ Коленкур, «обладавший личным обаянием, светским лоском и репутацией царского друга, презирал в глубине души постыдное ремесло и отказывался поддерживать личные контакты с французскими разведчиками, за что получал порица-

ния от самого Наполеона, то его преемник на посту – Лористон – не считал подобные встречи предосудительными, постоянно принимал у себя информаторов и неизменно докладывал не только о политических событиях в России, но и предоставлял информацию военного характера» (с. 38).

Действуя по многим направлениям, французская разведка главное внимание уделяла агентурной работе. Агенты проникали в Россию под видом артистов, монахов, путешественников, торговцев, отставных русских офицеров, активно использовались французы, живущие в России, и иные иностранцы – гувернеры, врачи, преподаватели и прислуга русской аристократии. Под руководством Парижа действовали и разведки государств, находившихся тогда в орбите французского влияния, из них наибольшую активность проявляла разведка Герцогства Варшавского. Поразительную осведомленность в тогдашних русских обстоятельствах демонстрировал австрийский посол. Посольство Пруссии в Петербурге также имело своих информаторов.

Военную разведку против России непосредственно курировал маршал Л.Н. Даву. Однако, считает автор, в связи со значительной удаленностью от русских границ его ставка не могла играть существенной роли (с. 40). Разведкой занимались также коменданты крепостей в Пруссии, в которых были дислоцированы французские гарнизоны. Основная информация поступала к Даву из Варшавы. Военная разведка герцогства была самым важным звеном в системе наполеоновских секретных служб. Под ее началом находился самый большой агентурный контингент, действующий в России, численность которого автор затрудняется определить точно. Сбор информации осуществлялся через два канала: 1) через постоянных информаторов на территории России (как правило, через представителей польской аристократии и шляхты); 2) через временных агентов, как гражданских, так и военных, проникавших на русскую территорию нелегально, под предлогом частных поездок, встречи с родственниками, отдыха. Учитывая настойчивое стремление правящих кругов герцогства к воссозданию польского королевства, агенты, принимая желаемое за действительное, часто передавали поверхностную и искаженную информацию.

Что касается контрразведки, то она объединяла комплекс различных ведомств в германских государствах и французской армии и находилась также под прямым контролем Даву. К 1812 г. система единой наполеоновской контрразведки так и не сложилась. Разобщенность, слабая связь и отсутствие координации действий

не способствовали преодолению трудностей. Работа контрразведки осложнялась неблагоприятным для Наполеона внутриполитическим положением в Германии. Общее недовольство против Франции и патриотические настроения в разных слоях общества способствовали созданию надежной сети русской агентуры среди чиновников и офицерского корпуса в немецких государствах, особенно в Пруссии, а также появлению добровольных информаторов у русских разведчиков.

Неудачной автор считает деятельность контрразведки и в других странах, подвластных Французской империи, в том числе и в Варшавском герцогстве. Автор объясняет это наличием на его территории чиновников немецкого происхождения, французских эмигрантов, враждебно относившихся к Наполеону, и расколом в обществе на политические группировки, ориентирующиеся на соседние страны (с. 43).

Военно-политическую разведку при Наполеоне возглавлял дипломат-разведчик Лелорнь д'Идевиль. Его организация занималась сбором, хранением, проверкой и анализом поступающей информации. От оперативной деятельности сотрудники д'Идевиля были отстранены. Они работали в основном с бумагами: донесениями из войск и от агентов, статистическими описаниями, опросными листами пленных, перехваченными русскими документами, а также с русской и иностранной прессой. Все сведения стекались к д'Идевилю, помимо прочего у него в архиве хранились данные МИД о всех иностранных армиях Европы. Он был обязан представлять Наполеону информацию о событиях в России, итоговые данные о численности, расположении, организации и передвижении русских армий, в то же время вести активную переписку и поддерживать связь с французскими властями на занятой территории.

Военно-оперативную разведку с первых же дней кампании 1812 года возглавил польский генерал М. Сокольниковский. Он входил в свиту Наполеона и именовался шефом «специальной службы». Ее задачами были: оперативное наблюдение за передвижением русских войск и их расположением; доставление ежедневных сведений о театре военных действий. Для этого собиралась информация у местных жителей, велись допросы пленных и дезертиров, вербовались агенты. Сообщения должны были поступать в течение 24 часов, и император проявлял нервозность, если они не соответствовали обстановке. Всю кампанию Сокольниковский сопровождал Наполеона, находился рядом с ним в поездках в районы боевых действий. Упадок его влияния совпал с усилением отрицательного

отношения самого Наполеона к полякам во время пребывания французской армии в Москве из-за несбывшихся обещаний и прогнозов польской верхушки на 1812 год.

Разуверившись в возможности оперативной разведки добывать информацию во время кампании, французский император рекомендовал корпусным командирам замещать собственными силами «свою неспособную секретную службу». Во время боевых действий все в его армии было подчинено получению как можно более обширных сведений о противнике. «В военную пору лейтмотивом многих приказов Наполеона своим подчиненным, – пишет автор, – была фраза: “Посылайте больше шпионов”» (с. 48). Учитывая требования своего императора, командиры корпусов прикладывали много стараний и практиковали всевозможные способы и средства для получения разведданных.

В начале войны многочисленная кавалерия маршала Й. Мюрата была основным поставщиком сведений. Быстрое наступление больших масс конницы давало возможность перехватывать русскую корреспонденцию, брать «языков», опрашивать местных жителей, проводить рекогносцировки, скрывая в то же время дислокацию частей Великой армии. По мере продвижения наполеоновских войск вперед, в связи с большими потерями и падежом конского состава французы теряли и эти источники информации. Уже в Москве слабые кавалерийские части могли использоваться лишь в качестве охранения и не годились для поисковых целей. По мнению автора, вступление Великой армии на исконно русскую территорию и размах народной войны в значительной степени парализовали сбор сведений. Наполеон, придерживаясь обычной наступательной концепции ведения войны и не получая объективной информации, имел искаженное представление о внутривнутриполитической ситуации в России и недооценивал боеспособность русских войск. Его разведка так и не смогла развеять заблуждений своего императора.

Рассматривая деятельность русской разведки, автор отмечает, что начиная с 1810 г. вероятность военного конфликта с Наполеоном ясно осознавалась российскими правительственными кругами. В предвоенные годы русская армия подверглась значительной реорганизации. Было введено корпусное звено и усовершенствовано дивизионное, упорядочена штабная служба, полевое и стратегическое управление. Пришлось фактически заново заняться организацией и военной разведки, так как до этого официально не существовало никаких разведорганов.

В отличие от Французской империи, считает автор, в России в значительной степени удалось избежать ведомственной разобщенности. По предложению генерала М.Б. Барклая де Толли при Военном министерстве был создан специальный орган, занимавшийся руководством и координацией деятельности разведки как за границей, так и внутри страны. В 1810–1811 гг. он существовал под названием секретной экспедиции (канцелярии) при военном министре.

Большое значение придавалось анализу боевого опыта французской армии и особенно изучению предшествующих кампаний под непосредственным руководством Наполеона, чтобы выявить основные элементы стратегии, применяемой им для достижения быстрой победы. Именно эти два момента – численность Великой армии и французская стратегия – в первую очередь брались в расчет русскими разведчиками при составлении рекомендаций командованию.

Разведывательная деятельность военного ведомства велась в трех направлениях: стратегическая разведка (добывание стратегически важных сведений за границей); тактическая разведка (сбор сведений о войсках противника на территории сопредельных государств); контрразведка (выявление и нейтрализация наполеоновской агентуры).

Уже в августе-сентябре 1810 г. Барклай де Толли направил русским послам в Европе инструкции для сбора и доставки информации, которая требовалась военному ведомству. Позднее в европейские столицы были назначены специальные военные агенты (прообраз современных военных атташе).

Анализируя поступавшую с 1810 по 1812 г. информацию, автор отмечает, что самые ценные данные отправлялись из Парижа А.И. Чернышёвым, который пользовался особым расположением Наполеона, считавшего, что это он использует болтливого графа для получения нужных сведений. Вслед за Наполеоном Чернышёва наперебой зазывали к себе на приемы его высокопоставленные приближенные, маршалы и близкие родственники. Репутация шалопая и светского прожигателя жизни, пишет автор, служила ему прекрасной ширмой и маскировала его основные функции. За короткий срок Чернышёву удалось создать собственную сеть информаторов в интеллектуальных кругах Парижа. В своей работе он не брезговал никакими средствами, но в основном прибегал к денежному подкупу. Рассматривая деятельность других военных агентов в Европе с 1810 по 1812 г., автор считает ее также вполне удовлетворительной.

Полученные перед войной данные позволили трезво оценить силы противника, военно-экономический потенциал наполеоновской империи, что заставило русское командование скорректировать свою стратегию. В противовес обычной французской доктрине стремительного сокрушения вражеской армии посредством нескольких мощных ударов была принята концепция уклонения от генерального сражения, затягивания военных действий по времени и в глубину своей территории с целью растяжения коммуникаций Наполеона, изматывания его сил и создания условий для численного равновесия. В зависимости от поступления разведанных, в действия русских войск как обороняющейся стороны вносились изменения, и планы постоянно корректировались.

Рассматривая деятельность тактической разведки, автор отмечает, что в ее задачи входил сбор информации на сопредельных территориях, как правило, через лиц, имевших возможность пересекать границу. На основании ее донесений делались выводы о сроках начала военных действий и численности передовых сил противника. Этим видом разведки занимались специальные резиденты, военные коменданты пограничных городов и командование частей, расквартированных вблизи границ. Большую помощь им оказывали гражданские и полицейские чиновники, в качестве агентов использовались жители пограничных районов, а также люди из самых разных слоев общества, временно выезжавшие за рубеж. Агентурный контингент состоял в основном из гражданских лиц, часто случайных и некомпетентных в военном отношении. Поэтому, полагает автор, не приходится говорить о большой достоверности собранных ими сведений.

Параллельно с этими обязанностями тактическая разведка занималась и контрразведкой, которая, как считает автор, в России была организована лучше, чем во Франции, и отношение к ней было серьезнее. Через своих корреспондентов в соседних странах русские резиденты на границе и командование воинских частей получали сведения о засылке в Россию эмиссаров Наполеона. Нередко таких агентов русским разведчикам за рубежом удавалось скомпрометировать и добиться их ареста местными властями еще до поездки их в Россию. В книге приводится пример успешной операции русской контрразведки. В мае 1812 г. во время пребывания в Вильно графа Нарбонна за ним и его свитой было установлено тщательное наблюдение. Контрразведка контролировала каждый его шаг и в итоге сумела получить копию секретных инструкций Наполеона Нарбонну. Принимались также меры по дезинформа-

ции противника, проводилась перевербовка его агентов. Тем не менее, пишет автор, «несмотря на заслоны и профилактические мероприятия, значительному количеству наполеоновских эмиссаров удавалось безнаказанно действовать в России, и трудно определить, какую часть из них удалось выявить» (с. 59).

Необходимо учитывать, что из-за ограниченного времени и недостатка квалифицированных кадров организация контрразведки так и не была доведена до конца, и это сказалось на результатах ее работы. Заметную роль она играла лишь на главном театре военных действий, а ее сотрудники не сумели сформировать постоянно функционирующую сеть в тылу противника и регулярно информировать главное командование русской армии. Практиковалась преимущественно посылка разовых агентов, что создавало трудности в сборе необходимых сведений, так как агенты не всегда были знакомы с местностью, отсутствовали надежные явки и источники информации. Помимо прочего возникали сложности с возвращением обратно, что задерживало оперативное поступление донесений. Во время кампании 1812 года очевидной была и нехватка подготовленной агентуры. Сотрудники контрразведки вынуждены были импровизировать и давать поручения случайным лицам, что также сказывалось на качестве полученных данных.

Указывается в книге и на перегибы в работе контрразведки при проведении ряда полицейских мер. С началом военных действий была осуществлена высылка иностранцев и других подозрительных лиц в отдаленные губернии. При этом зачастую допускался произвол, устраивались даже военно-полевые суды, которые без веских доказательств приговаривали подозреваемых к высылке или, больше того, к смертной казни. Это отражалось и на настроениях местного населения. Часто в каждом иноземце простые люди видели шпиона, что приводило не только к курьезным, но и к трагическим случаям. Известно, что многим русским дворянам, плохо владевшим родным языком или предпочитавшим разговаривать между собой по-французски, разыгравшиеся шпионские страсти стоили больших неприятностей, а иногда и жизни.

В целом же, по мнению автора, на деятельности разведслужб в 1810–1812 гг. сказались, с одной стороны, недооценка командованием важности агентурной работы, а с другой – кастовое пренебрежение кадрового офицерства к деятельности разведчика, как к «грязной» и недостойной дворянина.

После взятия французами Москвы каждая из сторон ожидала практического претворения в жизнь своих долгосрочных замы-

слов. В то время как Наполеон тяготился бесплодным ожиданием предложений о мире, Кутузов старался любыми средствами затянуть его пребывание в столице, распуская слухи о бедственном положении русской армии и о всеобщем желании заключить мир с французами. «Русская разведка даже составила подложное письмо Кутузова к царю, где главнокомандующий ратовал за мир, так как войска не способны долго продолжать войну и занимают уязвимую позицию. Наполеону удалось перехватить это послание, после чего он решил подождать и продлить свое пребывание в Москве» (с. 121).

В период военных действий оперативные сведения о передвижениях неприятельских частей и соединений добывались войсковой разведкой. Ее успешная деятельность позволяла русским опережать противника, совершать обходные движения, навязывать бои на марше и т.п. Большую помощь разведчикам оказывали партизанские отряды и ополчение. Добровольная агентура постоянно проникала в Москву и доставляла самые разнообразные данные.

Во время французского отступления события часто опережали поступление сведений, что было чревато ошибками для противоборствующих армий. После Смоленска войсковая разведка Наполеона находилась уже в кризисном состоянии: «Сведения получались только через Вильно. Прямым путем не доходило ничего. Таким образом, император чаще всего не знал, что происходит в двух лье от него» (с. 129).

Подводя итоги деятельности разведок противоборствующих сторон, автор отмечает, что наполеоновская система разведывательных ведомств, хотя и подверглась за два с половиной года изменениям, имела громоздкую структуру со сложной иерархией. Из-за отсутствия четко выраженной подчиненности и разграничения сфер деятельности интересы разных служб постоянно сталкивались, что приводило к параллелизму в работе. Французские разведывательные службы до войны не смогли организовать получение достоверных сведений, так что «авантюризм Наполеона», по словам автора, «объясняется отсутствием объективных данных» (с. 150). Наполеон явно не знал внутривнутриполитическую ситуацию в России и надеялся, что после первых успехов французского оружия русское дворянство заставит царя искать мира. Другая его ошибка заключалась в том, что принимались во внимание только регулярные русские части и не учитывалась способность русского народа подняться на борьбу с иноземным нашествием. Французский император находился в плену иллюзорных представлений об остроте

социальных и национальных противоречий в России, рассчитывая на поддержку определенных сословий и национальных меньшинств.

Напротив, русская разведка в течение 1812 г. набиралась опыта, расширялись возможности сбора информации из многообразных каналов, организационная структура стала более устойчивой и стабильной. Кроме того, сотрудники русской разведки выполняли свои обязанности не только в силу служебного долга, но и вдохновляясь идеей спасения отечества. «Как перед, так и во время войны, — заключает автор, — моральный дух предопределил неудачи разведки Наполеона в России. За исключением малой горстки предателей, французские службы не смогли найти среди населения лиц, готовых на сотрудничество с ними» (с. 151).

В.С. Коновалов

Попов А.И.
ВЕЛИКАЯ АРМИЯ В РОССИИ. ПОГОНЯ ЗА МИРАЖОМ. –
САМАРА: НТЦ, 2002. – 439 с.
(Реферат)

Монография А.И. Попова посвящена устройству и функционированию тыловых учреждений и коммуникаций Великой армии Наполеона в России в 1812 г. В книге также рассматривается национальная и социальная политика оккупационных властей на территории Литвы, Белоруссии и центральных губерний России, анализируются причины катастрофы французской армии, в том числе роль партизанского движения. Конкретизируя изучаемую проблематику во введении, Попов выделяет три важнейших вопроса, имеющих принципиальное значение для понимания истории Отечественной войны 1812 года и причин поражения Наполеона и при этом в отечественной историографии почти не изучавшихся или изучавшихся слишком тенденциозно:

- устройство тыла французской армии и оккупационной администрации;
- отступательная стратегия русской армии, вынуждавшая французов растягивать коммуникации, тактика «выжженной земли»;
- судьба русских военнопленных.

Изучению этих вопросов и посвящена основная часть его книги.

Автор отмечает, что односторонний, тенденциозный характер советской историографии войны 1812 года был обусловлен не только особенностями господствующей идеологии, но и тем, что в советских работах почти не использовались иностранные источники, которые после революции перестали переводиться на русский язык. Ситуация начала заметно меняться только в 1990-е годы. Сам Попов в своей работе опирается на довольно обширный мас-

сив источников, прежде всего относящихся к деятельности французской оккупационной администрации и русских партизанских отрядов и народных дружин. В книге используются как опубликованные российские материалы, так и архивные документы из фондов РГВИА, РГИА, ГАРФ, РГАДА, Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, Государственного архива Калужской области. Автор привлекает также ряд иностранных документальных публикаций на французском и немецком языках, содержащих колоссальный пласт источников, включая переписку Наполеона и его маршалов, генералов и министров. Кроме того, в монографии используются многочисленные источники личного происхождения, русские и иностранные.

Отдельный параграф введения посвящен определению ключевых понятий. Попов, в частности, проводит четкое различие между партизанской и народной войной, которые в советской литературе обычно смешивались, но в действительности представляли собой два совершенно самостоятельных явления. Партизанские отряды в точном смысле слова в 1812 г. формировались военным командованием из солдат регулярной армии, а также казаков, возглавлялись профессиональными офицерами и предназначались для глубоких рейдов по тылам противника с разведывательными и диверсионными целями (само слово *партизан* употреблялось в то время в значении «командир партии», т.е. небольшого подвижного боевого отряда, но сохраняло и свое первоначальное значение – приверженец определенной «партии», т.е. воюющей стороны, политической группировки и т.д.). Что касается народных дружин, или кордонов, то они формировались на незанятой противником территории, прилегающей к театру военных действий, для защиты от фуражиров неприятеля, а также от мародеров (как неприятельских, так и русских), т.е. являлись местными отрядами самообороны и не предназначались для диверсий в тылу противника. Отождествление этих формирований с партизанами в советской историографии Попов объясняет стремлением преувеличить, в соответствии с принятой идеологией, роль простого народа в победе над Наполеоном, а также переносом на события начала XIX в. представлений, рожденных Второй мировой войной.

Автор предпринял также попытку упорядочить транскрипцию иностранных имен и названий, относящихся к истории Отечественной войны, по возможности приблизив их к оригинальному произношению. Это обстоятельство приходится учитывать при чтении книги, поскольку такие варианты написания, как Джоашен

Мюра (Joachim Murat, в традиционной транскрипции – Иоахим Мюрат) или Эжен Боарнэ (Евгений Богарне), для большинства читателей могут оказаться несколько непривычными.

Книга снабжена довольно объемным (90 страниц из 439) приложением, содержащим разнообразный фактологический и другой справочный материал: хронику событий в Белоруссии, Литве и Курляндии (формирование и деятельность оккупационной администрации); перечень литовских военных формирований, действовавших на стороне Наполеона; сведения о перемещениях маршевых пополнений, отдельных частей и соединений Великой армии по территории России; список гарнизонов в тылу Великой армии; хронику действий партизанских отрядов и народных дружин. Значительная часть этой информации еще не была систематизирована в отечественной литературе и может представлять самостоятельный интерес; в основном тексте монографии автор сосредотачивается на анализе выявленного материала. Кроме того, в приложении имеются словарь военных терминов изучаемой эпохи и список военнослужащих Великой армии, чьи мемуары, дневники и исследования были использованы при написании монографии, с краткими сведениями о местах службы и должностях этих людей.

Политическая цель Наполеона в войне 1812 года заключалась в том, чтобы принудить Россию к соблюдению ранее взятых на себя обязательств по участию в борьбе с Великобританией, в том числе в континентальной блокаде. Крупномасштабные территориальные захваты в его планы, по-видимому, не входили и во всяком случае не являлись самоцелью, хотя он и предполагал включить в состав Варшавского герцогства Литву и по крайней мере часть польских территорий, присоединенных в XVIII в. к Российской империи. В Санкт-Петербурге, в свою очередь, испытывали определенные опасения по поводу лояльности польского населения; незадолго до начала войны в приграничных губерниях были даже приняты некоторые превентивные меры, вплоть до высылки на восток нескольких помещиков, признанных особенно неблагонадежными. Что касается стратегических планов, то, судя по сохранившимся свидетельствам, обе стороны допускали различные сценарии развития событий. Русское командование в начале 1812 г. было вынуждено отказаться от наступательных замыслов, однако всё еще надеялось, что конечной точкой будущего отступления станет укрепленный Дрисский лагерь на Западной Двине, хотя не исключалась и возможность отступления за Днепр.

Разрабатывались и планы партизанской войны по испанскому образцу. Тем не менее к началу боевых действий значительное количество войск и запасов было сосредоточено в приграничной полосе, что создавало опасность разгрома этих сил по частям. Наполеон рассчитывал уничтожить русские войска в ходе скоротечной кампании к западу от Днепра, но допускал и возможность затяжной войны, включая зимовку в Литве и Белоруссии. На деле корректировать свои планы пришлось обеим сторонам. В преддверии Русского похода французами и их сателлитами была проделана поистине грандиозная работа по его материальному обеспечению, однако, как показали уже первые недели начавшейся войны, усилия эти были явно недостаточными.

Оккупированные литовские и белорусские губернии Наполеон официально объявил освобожденными польскими землями, надеясь на поддержку их населения. Предполагалось организовать здесь местное самоуправление, подчинив его созданной 28 июня в Варшаве Генеральной конфедерации Королевства Польского. На деле, однако, отношение местных жителей к оккупантам оказалось противоречивым. Если в Литве, особенно в западной ее части, Наполеону удалось заручиться поддержкой всех слоев населения, то в Белоруссии его поддерживали только польские помещики; белорусские крестьяне к французам отнеслись настороженно, хотя до партизанской войны дело не дошло. Меньше всего энтузиазма проявляло население тех мест, где прошли главные силы Великой армии, поскольку из-за перебоев в снабжении грабежи стали массовым явлением уже в первые недели войны. В конце концов самоуправление действительно заработало, но широкое антироссийское повстанческое движение так и не возникло, только в Литве удалось сформировать местные вооруженные силы численностью около 15 000 человек. Большое внимание Наполеон уделял укреплению коммуникаций и созданию новых складов, но в целом к началу наступления на Смоленск состояние тыла оставалось еще весьма ненадежным.

Обстановка резко изменилась на территории Смоленской губернии, к востоку от границ бывшей Речи Посполитой. Здесь преобладало православное великорусское население, на поддержку которого рассчитывать не приходилось. Автор особо отмечает эффективность российской пропаганды, в том числе религиозной, адресованной прежде всего крестьянам и нацеленной на возбуждение среди них ненависти к оккупантам как к слугам Антихриста. Используя лояльность населения, русское командование перешло

к тактике «выжженной земли» и приступило к созданию первых партизанских отрядов и народных кордонов. В этих условиях Наполеон не без колебаний изменил свой первоначальный план и, захватив Смоленск, принял решение о немедленном наступлении дальше на Москву, хотя до начала холодов оставались считанные недели, в войсках не было теплой одежды, а для создания прочной тыловой базы в Смоленске требовалось еще несколько месяцев.

Рассматривая непростой для отечественной историографии вопрос о виновниках московского пожара, автор отмечает, что для французов он был невыгоден со всех точек зрения, включая «грабительско-мародерскую», и к тому же, судя по сохранившимся свидетельствам, начался еще до вступления в город главных сил Великой армии, т.е. до того момента, когда его причиной могли стать действия «распустившейся солдатни». Учитывая эти обстоятельства, а также ряд сохранившихся косвенных доказательств и общий контекст применения русской армией тактики «выжженной земли», Попов приходит к выводу, что Москву подожгли сами русские, вероятно, по распоряжению генерал-губернатора Ф.В. Ростопчина. Пожар оказал довольно сильное деморализующее воздействие на французских солдат, поскольку стало ясно, что конец войны и отдых, на который они надеялись, отодвигаются на неопределенный срок. Серьезной ошибкой Наполеона оказалась длительная остановка в захваченной столице в надежде на заключение мира. Большое значение в этот момент имела и твердость императора Александра I, категорически отказавшегося от переговоров. Несмотря на последствия пожара, московская группировка противника была в целом неплохо обеспечена продовольствием, однако испытывала сильнейший недостаток фуража, довольно быстро лишивший ее значительной части лошадей.

После сражения при Малоярославце Наполеон был вынужден отступать на запад по территориям, уже разоренным войной, его коммуникации подвергались всё более дерзким ударам со стороны партизан. Падеж лошадей не только оставил французов без кавалерии и артиллерии, но и еще больше затруднил подвоз продовольствия, хотя в Смоленске и к западу от него уже были накоплены довольно большие запасы. По-видимому, Наполеон и в начале ноября еще надеялся удержать Смоленск и остаться здесь на зимовку, однако был вынужден отказаться от этих замыслов, поскольку из-за перебоев со снабжением и начавшихся холодов центральная группировка его армии подошла к городу уже практически небоеспособной. Полная дезорганизация войск не позволила рационально

использовать имевшиеся в Смоленске запасы продовольствия; к тому же немалая их часть, сосредоточенная к югу от города, была захвачена партизанами. Русским удалось захватить также тыловые базы в Минске и Могилёве, что сделало окончательное разложение и гибель остатков Великой армии практически неизбежными. Последняя крупная база находилась в Вильно; здесь за период оккупации удалось накопить огромные запасы, которые «открывали такие возможности по части снабжения, каковых прежде в течение всей кампании Великая армия не имела. Беда состояла в том, что теперь не было самой армии» (с. 284).

Результаты кампании 1812 года для наполеоновских войск оказались поистине катастрофическими. Общую численность Великой армии к началу русского похода автор оценивает почти в 675 000 человек, в том числе 620 000 строевых (комбатантов). В начале наступления Неман и Буг пересекли более 430 000 человек. Уже в ходе войны к ним прибавились еще до 115 000 (части и соединения второго эшелона, а также пополнения), т.е. всего, вместе с литовскими частями, сформированными на оккупированной территории, в боевых действиях на стороне Наполеона приняли непосредственное участие примерно 560 000 человек. Потери сторон, особенно французов и их союзников, оценить довольно сложно, поскольку их систематический учет не производился. В советской историографии считалось, что обратно в конце декабря 1812 – начале января 1813 г. вернулись около 30 000 человек. В действительности такова лишь численность уцелевших из состава центральной группировки, к которым следует прибавить 64 000 человек из фланговых соединений, а также тех, кто был эвакуирован с театра военных действий еще до окончания кампании. По мнению Попова, Русский поход пережили в общей сложности не более 100–110 тыс. человек, многие из которых были тяжело ранены или обморожены. В плен попали, по разным оценкам, 100–150 тыс. человек. Из пленных французов на родину в 1814 г. возвратились около 30 000; число военнотружущих союзных армий, вернувшихся из плена, точно не известно, но, вероятно, было больше, поскольку союзники сдавались в плен охотнее, чем французы или поляки, и отношение к ним русских было более терпимым. Число погибших, таким образом, составило, по-видимому, свыше 300 000 человек. Русская армия потеряла до 300 000 человек из 580 000 принимавших участие в войне; 40 000 раненых вернулись в действующую армию в следующем году. По официальным данным, на всей территории от Москвы до западной границы России было захоронено

в общей сложности 430 707 человеческих трупов; с учетом тех, кого хоронили солдаты непосредственно в ходе боевых действий, а также местные жители, автор приходит к выводу, что всего «погребено было свыше полумиллиона человек, в том числе около половины приходится на русские войска и гражданское население» (с. 309).

Важнейшими причинами катастрофы Великой армии автор считает стратегические просчеты Наполеона и грамотные действия русского командования. Свою первую серьезную ошибку французский император допустил еще на стадии подготовки к войне: огромная армия вторжения, которой к тому же предстояло воевать на бескрайних русских просторах, не была в должной мере обеспечена продовольствием, фуражом и транспортом; Наполеон, по-видимому, осознавал опасность подобного положения, но рассчитывал решить эту проблему путем реквизиции запасов и транспорта на оккупированных территориях. Что касается русского командования, то оно в условиях подавляющего превосходства противника в начале войны выбрало единственно возможную в тех условиях отступательную стратегию с эвакуацией или уничтожением всех запасов на оставляемых территориях.

Все это, в свою очередь, привело в действие ряд других факторов, крайне неблагоприятных для французов и их сателлитов. Следствием попыток догнать отступающую русскую армию стали бесконечные изнуряющие форсированные марши, количество оставших многократно превышало боевые потери, войска отрывались от тылов. Центральная группировка Великой армии довольно быстро начала голодать, а наступление от Смоленска на Москву привело к еще большему растяжению коммуникаций. К тому же на данном этапе русское командование перешло к тактике «выжженной земли» и стало наращивать активность партизанских действий, благо оккупации на этом участке подверглась лишь довольно узкая полоса вдоль Смоленской дороги. Кульминацией тактики «выжженной земли» стал пожар Москвы. Проблемы с продовольствием резко обострились в период отступления, к начавшемуся голоду вскоре прибавились и наступившие холода. Попов отмечает, что вклад «генерала Мороза» в победу русской армии не следует недооценивать, поскольку французские солдаты не были обеспечены зимним обмундированием и к тому же были сильно истощены; это признавали и русские аналитики того времени.

Говоря о цене победы, автор воздерживается от окончательных оценок, которые, по его мнению, относятся скорее к эмоцио-

нальным суждениям, нежели к строго научным, но отмечает, что вопрос этот весьма неоднозначный, с чем соглашались и современники описываемых событий. С одной стороны, нельзя не признать эффективность избранной русскими «скифской тактики», следствием которой стало быстрое истощение неприятельской армии. Трудно спорить и с тем, что у России просто не было иного выхода, поскольку в первые месяцы войны французы и их сателлиты обладали подавляющим численным превосходством. В то же время очевидно, что, применяя подобную стратегию, правительство Александра I сознательно приносило в жертву тысячи собственных подданных, обрекая их на невероятные страдания, а многих и на гибель. Следствием русской тактики «выжженной земли» стало не только истощение французских солдат, но и голодная смерть большинства русских пленных, которых Кутузов отказался обменивать. «Как видим, – пишет автор, – известный принцип “мы за ценой не постоим” был характерен для российского менталитета с давних времен. Общая сумма материальных потерь России от войны составила более 1 млрд. руб. При этом нужно отдавать себе отчет в том, что добрая половина материальных богатств была уничтожена самими же русскими» (с. 313).

Касаясь в заключительном параграфе вопроса о характере войны 1812 года, Попов приходит к выводу, что наименование «отечественная война» в целом вполне правомерно, поскольку боевые действия охватили значительную часть Европейской России, а Александру I удалось посредством умело организованной пропаганды получить поддержку не только армии и дворянства, но и других слоев населения великорусских губерний. В то же время автор отмечает, что такой характер война со стороны России приняла только после вступления неприятеля на территорию Смоленской губернии. В предшествующий период происходило по сути обычное межимперское противоборство за передел владений в Восточной Европе, поскольку боевые действия велись в землях, незадолго до того отторгнутых Россией у Польши, значительная часть населения которых по-прежнему относилась к русским как к захватчикам и связывала с французским вторжением надежду на возрождение национальной независимости. Термин «народная война» Попов призывает использовать с осторожностью, поскольку словом «народ» в русском языке традиционно обозначается главным образом крестьянство, так что злоупотребление понятием «народная война», характерное для советской историографии, вело к принижению роли других сословий, а также армии. «Нужно под-

черкнуть, — отмечает автор, — что солдат — это бывший крестьянин, навсегда порывавший со своим сословием и вступавший в другое, имевшее свои корпоративные интересы и права, отличные от крестьянских» (с. 329, прим. 40).

М.М. Минц

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА
В ТРУДАХ Л.Л. ИВЧЕНКО
(Сводный реферат)**

1. Ивченко Л.Л. Бородинское сражение. История русской версии событий. – М.: Квадрига, 2009. – 384 с.

2. Ивченко Л.Л. Повседневная жизнь русского офицера эпохи 1812 года. – М.: Молодая гвардия, 2008. – 695 с.

В реферате представлены исследования зав. отделом изофонов Государственного музея им. А.С. Пушкина, главного хранителя музея «Кутузовская изба», канд. ист. наук Л.Л. Ивченко, посвященные различным проблемам Отечественной войны 1812 года, – от русской, советской и российской историографии Бородинской битвы до образа русского офицера, сложенного из его судьбы, характера, образа мыслей, поступков, образования, службы и быта.

В монографии «Бородинское сражение. История русской версии событий» (1) исследуется формирование комплекса знаний о Бородинской битве, определяется его источниковая база. Бородинское сражение 1812 г. – героическая страница русской истории, «символ отечественной истории», который «был и остается достоянием национальной культуры, идеологии, науки, обыденного исторического сознания» (1, с. 5). Поэтому одной из своих задач автор видит развенчание мифов, препятствующих научной реконструкции хода сражения. Картина битвы воссоздана на основании широкого круга источников, в том числе и первичной документации. Были использованы неопубликованные материалы из Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и Российского государственного исторического архива (РГИА). Автор задался целью представить «русскую версию» Бородинского сражения и ее изменения в отечественной историографии со второго десятилетия XIX в. до наших дней.

Монография состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографии. В главе I рассказывается об эволюции «русской версии» Бородинского сражения. Официальная концепция событий отличалась от трактовок военачальников М.Б. Барклая де Толли и Л.Л. Беннигсена (авторы «антикутузовских» версий) прежде всего потому, что одним из главных ее создателей был М.И. Кутузов. Рассматривая источники, Л.Л. Ивченко ставит под сомнение атрибутирование документа, известного как «Рапорт Кутузова о Бородинском сражении». Она предполагает, что это один из вариантов сочинения участника Бородинской битвы К.Ф. Толя «Описание битвы при селе Бородине» (1, с. 63).

Версия Толя, идеализирующая Кутузова, получила развитие в трудах русских военных историков XIX в. Д.И. Ахшарумова, Д.П. Бутурлина, А.И. Михайловского-Данилевского, Ф.Н. Глинки, Н.Д. Неелова. Она была критически оценена М.И. Богдановичем и И.П. Липранди, в частности, было раскритиковано утверждение о твердом намерении Кутузова защитить Москву и приведены аргументы в пользу осознания фельдмаршалом невозможности отстоять город. Липранди в целом «скептически относился к перспективам отечественной историографии, полагая, что историю кампании 1812 года и Бородинского сражения сможет достоверно описать лишь очевидец и участник события, опираясь на помощь целого коллектива авторов» (1, с. 126).

В сочинениях русских историков начала XX в. дано иное освещение Бородинской битвы. Это обусловлено введением в научный оборот архивных материалов, в том числе публикацией значительной части документов из Лефортовского архива. Серьезным исследователем обстоятельств Бородинского сражения был профессор Николаевской академии Генерального штаба генерал-лейтенант Б.М. Колюбакин. Он полагал, что общее стремление к генеральному сражению пытался реализовать Барклай де Толли, «начиная от Смоленска и кончая Царевым Займищем», поэтому Кутузов «не мог сдать Москву, избежав генеральной битвы» (1, с. 151).

В начале XX столетия был расширен спектр изучаемых аспектов Бородинского сражения, что позволило критически подойти к версии К.Ф. Толя. Однако в новой трактовке была и отрицательная сторона – Кутузов и Толь существовали в ней нераздельно. Это обстоятельство учитывал только один историк того времени – А.В. Геруа. Л.Л. Ивченко называет в числе особо значимых трудов рассматриваемого периода его работу «Бородино (по новым данным)» 1912 г. издания. В ней Наполеон был представлен как аг-

рессор, а события Отечественной войны воспринимались «как крестовый поход Запада против России» (1, с. 152). За это Геруа подвергался критике в советское время и в наши дни. В целом в историографии начала XX в. закрепилось «ошибочное представление о левом фланге русской позиции как о трех флешах» (1, с. 159). Что касается описания самой Бородинской битвы, то здесь по-прежнему господствовала версия Толя, несмотря на негативные отзывы о ее авторе. Ивченко добавляет, что «описание боя за деревню Семеновское почти исчезло со страниц исторических трудов; происходившим там событиям не придавалось особого значения, хотя по документам именно там и решалась судьба битвы» (там же).

Советская и современная российская историография также создали свои концепции Бородинского сражения. Советская версия отличалась идеологизированностью. В первые два десятилетия советской власти достоверность источников вообще не была важна. Битва при Бородине освещалась с точки зрения теории общественно-экономических формаций и классовой борьбы (труды М.Н. Покровского и др.). Поэтому историки были уверены в том, что «помещики-крепостники» с их классовой ограниченностью не могли избрать достойную позицию на поле боя и добиться успеха, а Кутузов при Бородине «достиг только того, что не был разбит наголову» (1, с. 160). В годы Великой Отечественной войны под воздействием серьезной опасности для страны появились статьи, идеализировавшие стратегию и тактику Кутузова. В послевоенные годы также сыграли свою роль партийно-правительственные решения по возвеличиванию заслуг русского полководца. Жесткие идеологические установки сделали наиболее приемлемой версией битвы при Бородине первое сочинение К.Ф. Толя, написанное им от лица Кутузова. В исследовании отдельных проблем, отвечающих особенностям советской историографии, успехов достигли А.Г. Тартаковский, Ю.М. Лотман, А.П. Ларионов, Л.П. Богданов, А.Н. Кочетков, С.В. Шведов, Б.С. Абалихин, В.А. Дунаевский. В целом, как отмечает Ивченко, советская историография Бородинского сражения «претерпела непростую судьбу – от полного отрицания значимости этого события как “наследия проклятого прошлого”¹ до ревностного стремления историков во что бы то ни

¹ Слова «наследие проклятого прошлого» были выбиты в начале 1930-х годов на стене Спасо-Бородинского монастыря, возведенного на Семеновских флешах. В то же время был взорван главный монумент на батарее Раевского и осквернена могила П.И. Багратиона (1, с. 160).

стало “приукрасить боевую славу русского оружия, даже если она и без того сияет достаточно ярко”» (1, с. 173).

История Бородинской битвы как тема исследования не утратила актуальности. Первостепенной задачей историографии 1990–2000-х годов стало корректное осмысление того, что уже было сделано. В этот период выходят фундаментальные справочные издания: «Русские соединенные армии при Бородине 24–26 августа 1812 года. Состав войск и их численность» А.А. Васильева и А.А. Елисеева (М., 1997); «Великая армия. Состав армии при Бородино» А.А. Васильева и А.И. Попова (М., 2002) и др. За последние десять лет появились научные труды, позволившие по-новому осветить различные аспекты битвы, ее обстоятельства. Современные историки заявили о наличии предвзятых суждений в трудах своих предшественников, расхождений в хронометрии битвы, определении последовательности двух важных событий Бородинского сражения: ранения князя Багратиона и первой атаки французов на батарею Раевского. Два наиболее заметных фактора в современной историографии – «ослабление воздействия идеологической составляющей и в буквальном смысле слова прорыв в изучении действий неприятельских войск в Бородинском сражении» (1, с. 194).

Глава II посвящена историческим источникам и спорным вопросам историографических версий обстановки в русской армии накануне Бородинской битвы. Рассматриваются планы Кутузова. Большое внимание уделяется причинам, приведшим к сражению при Бородине. Несмотря на расхождения во мнениях историков, источники говорят о том, что Кутузов решился на сражение в первую очередь из патриотических побуждений.

В последнее время особую актуальность приобрел вопрос о том, достоин ли был Кутузов своей высокой должности и справился ли он с ролью главнокомандующего русской армией при Бородине. Серьезный тон этой полемике задала критическая монография Н.А. Троицкого «Фельдмаршал Кутузов. Мифы и факты» (М., 2002). Личность Кутузова неоднозначно воспринималась современниками, что и повлияло на всю последующую историографию. В результате мифотворчества советских историков биографии Кутузова не отличались ни исторической достоверностью, ни объективностью. Они представляют собой послужной список фельдмаршала, дополнявшийся допустимыми с точки зрения идеологии бытовыми деталями. А в наши дни факты из жизни Кутузова оцениваются с точки зрения их соответствия современным понятиям, а не нормам и правилам XVIII в. Реальный Кутузов, пишет Л.Л. Ивченко, бу-

дучи человеком двуличным и чрезвычайно противоречивым, не вписывался в схемы, создаваемые историками. В историографии же преобладают крайние позиции – от безоговорочной идеализации до резкой критики фельдмаршала. Однако, несмотря на наличие в армии большого числа генералов, имевших право претендовать на должность главнокомандующего, именно Кутузов «был самой авторитетной фигурой среди военных александровского времени» (1, с. 210). По мнению автора, Александр I, назначив Кутузова на такую высокую должность, «сделал удачный и своевременный выбор» (там же).

Работы по истории Бородинского сражения не содержат точного описания планов обеих сторон, в том числе и замыслов русского командования. Проанализировав источники, автор приходит к выводу, что Кутузов сомневался в возможности «решить судьбу кампании в генеральном сражении у стен Москвы» (1, с. 231). Он готовился вступить в должность главнокомандующего под Смоленском, который в день его приезда к войскам находился в руках французов. Расчеты Кутузова были основаны на том, что у него и у неприятеля различные цели: «Наполеон полагал, что сражением он отворит ворота Москвы, принудив Россию к заключению мира; Кутузов же допускал, что город он сдаст неприятелю, сберегая армию до прибытия резервов и помощи с флангов» (1, с. 232).

В главе III рассказывается о подготовке генерального сражения, решениях и действиях Кутузова и его окружения. Автор подробно рассматривает данные источников о выборе позиции русской армии, назначении ее правого фланга, оборонительных возможностях левого, роли батареи Раевского, «адском деле при Шевардине». Сравниваются боевые документы и свидетельства участников сражений.

Дискуссионным остается вопрос об укреплении правого фланга. Выводы специалистов, как правило, носят характер теоретических рассуждений. Много неясного представляют собой планы и расчеты Кутузова, а источники, проливающие свет на эту проблему, привлекаются в ограниченном количестве. Если довериться мнению его оппонентов, можно признать действия главнокомандующего ошибочными. Автор же, анализируя источники, ищет логику в размышлениях фельдмаршала. По мнению Л.Л. Ивченко, она могла быть следующей: «Усиление войск на Старой Смоленской дороге привлечет внимание Наполеона именно к этой дороге; сильная группировка войск в районе Новой Смоленской дороги привлечет внимание французского полководца к этому направле-

нию, заставив искать объяснение замыслам противника» (1, с. 242). По свидетельствам французских генералов Ж.Ж. Пеле и Ф. Сегюра, Наполеон не знал о назначении русских войск в районе Старой и Новой Смоленских дорог и не стал «отрывать» свой левый фланг от Новой Смоленской дороги. Поэтому, с точки зрения Ивченко, «решение Кутузова об усилении правого крыла позиции нельзя истолковывать вслед за Барклаем и Беннигсеном только как явную оплошность» (там же).

Историки спорят и о том, какую роль сыграла в Бородинском сражении батарея Раевского — «ключа позиции» или опорного пункта? Значимость Курганной высоты, где находилась батарея, была осознана русским командованием не сразу, а по ходу событий. Эта высота, по мнению автора, приобрела статус «ключа позиции» не ранее изменения в расположении войск левого крыла. До тех пор пока Семеновское находилось в руках русских, она имела значение «тактического ключа» позиции, усиливающего оборону деревни (1, с. 252).

В главе IV анализируются противоречия между боевыми документами, версиями участников сражения и трудами историков о ходе Бородинской битвы. Это делается на следующих примерах: перемещение войск перед сражением; место начала сражения (Бородино или Семеновское?); хронометрия боевых действий; итоги сражения.

Первому нападению, согласно распоряжению Наполеона, должно было подвергнуться левое крыло русской армии. В соответствии с этим планом корпус Понятовского 26 августа в 4:00 начал обходное движение по Старой Смоленской дороге, а войска Даву в 5:30 получили приказ атаковать флешу. Русское командование приняло меры для усиления обороны Семеновского: в 5:30 гвардейская бригада Храповицкого, сводная гренадерская бригада Кантакузена, кавалерийская бригада Бороздина-второго и две батарейные роты лейб-гвардии артиллерийской бригады получили приказ выдвинуться для занятия позиции «в первой линии». Л.Л. Ивченко пишет, что «если эти войска выступили, как показывают рапорты начальников, в 6:00, то не позднее 7:00 они должны были прибыть к Семеновскому», а высказывания исследователей о том, что «около полудня гвардейские полки уже (!) стояли за Семеновским оврагом, звучат несколько курьезно» (1, с. 269).

Определение времени и последовательности отдельных этапов сражения до сих пор является поводом для дискуссий. Вопрос о том, когда началось сражение, вызывал большой разброс мнений

у участников Бородинской битвы. По их свидетельствам, сражение началось 26 августа между 4:00 и 7:00. У большинства же исследователей время указывается одинаково – около 6:00 утра.

Остается открытым и вопрос о том, где началось сражение – в Бородино или Семеновском. В русской историографической традиции, начало которой положено К.Ф. Толем, принято считать, что на момент нападения французов на село Бородино в Семеновском уже шли боевые действия. Тем не менее первая попытка неприятеля завладеть Семеновскими флешами закончилась провалом, а сделавшиеся возможными на основе источников хронологические сопоставления событий в Семеновском и Бородино не дают четкого представления о том, где боевые действия начались раньше.

Одним из самых спорных в отечественной историографии является вопрос о том, кто победил в Бородинской битве – русские или французы? Ведь ни одна из противоборствующих сторон не признала своего поражения. А в первых официальных документах каждая сторона красочно описывает свою победу над неприятелем. Проанализировав различные источники, Л.Л. Ивченко приходит к выводу о том, что Кутузову удалось реализовать свой замысел: «Русская армия удержалась на оборонительном рубеже Горки–Псарев–Утицкий лес и, главное, – не была разбита» (1, с. 343). Бои за Семеновские флеши, деревню Семеновское и батарею Раевского остановили наступление французов. Диспозиция Наполеона не повлекла за собой разгрома и уничтожения русских войск. «Более того, – пишет Ивченко, – потери, понесенные Великой армией при Бородине, дали возможность Кутузову беспрепятственно покинуть поле битвы, что являлось главной составляющей его замысла» (там же).

В заключение автор приходит к выводу о том, что на всю отечественную историографию «дня Бородина» оказало влияние соперничество двух основных версий – «прокутузовской», начало которой положил К.Ф. Толь, и «антикутузовской», основы которой сформулировал М.Б. Барклай де Толли. Вторая версия предшествовала первой и предопределила появление версии Толя. В целом историография Бородинского сражения является ярким примером того, как информация, заложенная в исторических источниках, перерабатывается в историографические исследования. Особенность значительной части источников о Бородинской битве заключается в том, что их авторы изначально ставили перед собой конкретные задачи цельного представления рассматриваемых событий. Точки зрения участников битвы и их современников продуцировали по-

следующие представления о ней. Однако концептуальные элементы источников не связаны принципами научного видения, а разобщены обстоятельствами создания документа. Анализ источников и первых историографических работ о Бородинской битве свидетельствует о том, что представления их создателей «зависели от времени описания ими событий (накануне или непосредственно после сражения, до или после оставления Москвы, по завершении войны), от разного – в силу служебного положения или местонахождения в битве – видения поля сражения, времени и протяженности фаз сражения, их связи между собою» (1, с. 345–346).

Интерпретация событий зависела от взаимоотношений в среде военачальников, а также личных интересов автора, например, стремления представить свои намерения и действия в выгодном свете. У создателей первых трактовок Бородинского сражения не было необходимости обращаться ко всей первичной документации; к ней обращались частично лишь в случае необходимости доказать собственную правоту. Изучение эволюции отечественной историографии Бородинской битвы показало, что привлечение русских и иностранных источников в XIX и XX вв. не решало проблемы опровержения необъективных исторических версий, которые «продолжали жить своей жизнью» (1, с. 347). Даже в фундаментальных исследованиях проблема показаний источников отходила на второй план по отношению к доказываемым историками версиям. Кроме того, Л.Л. Ивченко выявила в схожих источниках несовпадения в описаниях событий. Выяснилось, что «даже источники, хронологически расположенные близко друг к другу и исходящие от одного и того же лица, содержат различия в информации об одном и том же явлении, возникающие под воздействием быстро меняющихся обстоятельств» (1, с. 347–348). По мнению автора, «именно эти несовпадения в описаниях позволяют историку корректировать представления об изменении намерений военачальников в соответствии с результатами их реализации» (1, с. 348).

Реконструировав историю Бородинского сражения, автор утверждает, что при системном подходе к источникам «решения русского командования выглядят более взвешенными и продуманными, а действия войск – более осмысленными, профессиональными и результативными, чем это было представлено в великой легенде, у основания которой стояли К.Ф. Толь и М.Б. Барклай де Толли» (1, с. 351).

Книга «Повседневная жизнь русского офицера эпохи 1812 года» (2), написанная на основе не публиковавшихся архивных материа-

лов (РГВИА), опубликованных официальных документов, мемуаров и писем, посвящена бытовой стороне жизни представителей самого почетного во время Отечественной войны ремесла в России – офицеров. Работа состоит из введения, 20 глав («Солдатами рождаются!», «Образование», «Вера и верность», «Государь и армия», «Чин и орден», «“Полки лихие...”», «Парады и смотры», «Дни мира», «Перед войной», «Поход», «“В дымном поле, на биваке...”», «Сражения», «Болезни и раны», «Слуга царю», «Дружба», «Любовь», «Война и мода», «Юмор в военной среде», «Наполеон глазами офицеров русской армии», «“Обзор с казачьего седла”»), заключительного слова и библиографии.

Во времена Екатерины II сформировалось старшее и среднее поколения офицерского корпуса эпохи 1812 года. В тот период благородное сословие получило возможность распоряжаться судьбами своих сыновей, а «покорность перед суровой царской волей уступала место таким понятиям, как дворянская честь и офицерский долг» (там же). Во время Отечественной войны офицерский корпус более чем на 90% состоял из потомственных дворян. Возвышенные суждения о чести отодвигали на второй план другой мотив к выбору воинского ремесла – материальный. Известно, что большая часть «детей Марса» принадлежала к дворянским семьям скромного достатка, поэтому офицерское жалование нередко являлось главным источником к существованию военного и его семьи. В качестве примера малоимущих офицеров Л.Л. Ивченко приводит четверых братьев Петровых, «отец которых был твердо уверен в том, что единственной, достойной дворянина судьбой является служба в армии» (2, с. 39).

Уровень знаний большинства офицеров эпохи 1812 года определялся формулировкой «читать и писать умеет» (2, с. 41). С одной стороны, на рубеже XVIII–XIX вв. безграмотность в офицерской среде себя полностью изжила, с другой – половина русских офицеров эпохи Наполеоновских войн была малограмотной. Последнее объясняется тем, что «для многих потомственных дворян элементарная грамотность была тем рубежом образования, которого они достигали, героически преодолевая материальные затруднения» (2, с. 41–42).

Для героев 1812 года была характерна «бытовая религиозность». Они жили в твердой уверенности, что «все человеческие усилия бесполезны в тех делах, на которые нет Божьего соизволения» (2, с. 79). На войне много случайностей, поэтому, отправляясь в бой, защитники Отечества веряли себя Провидению. Автор от-

мечает, что при большинстве православных в русской армии служило немалое количество католиков-эмигрантов и значительное число офицеров-лютеран (М.Б. Барклай де Толли, К.Ф. Багговут, И.Р. Дрейлинг и др.). Все они, несмотря на различия в вероисповедании, «сражались за торжество веры против безверия» (2, с. 93).

Основу мировоззрения русского офицера составляла непоколебимая уверенность в «богоугодности» царской власти. Он видел в императоре не только главу государства или «отца нации», но и помазанника Божьего, чье право располагать жизнями военных «определялось не “мирскими установлениями”, а Промыслом свыше» (2, с. 97). Дворянин, избравший военную карьеру, присягал на верность государю и становился частью Российской Императорской армии, поэтому в письмах, дневниках и мемуарах того времени словосочетание «военная служба» часто заменяется «царской службой» или «государевой службой» (2, с. 98).

На рубеже XVIII–XIX столетий в российском обществе огромную роль играли чин и родословная, имела место погоня за чинами. Чины отцов не распространялись на детей, которые должны были выслуживать их самостоятельно. Поэтому родители записывали своих сыновей в полки «с пеленок». Тот, кто поступал на военную службу по совершеннолетию, начинал ее в чине, который обеспечивался протекцией влиятельных людей. А те, кто и не думал по-настоящему служить, сразу выходили в отставку с чином поручика. В отсутствие же чина дворянин не имел права занимать какие-либо должности. Значимым выражением служебного успеха были и награды. Почетом пользовались ордена Святого Владимира (особенно 4-й степени «с бантом»), Святой Анны, Святого Андрея Первозванного, Георгиевские кресты. Да и денежные поощрения «никогда не были лишними для “детей Марса”...» (2, с. 162).

Важную роль в мировосприятии офицеров играло чувство верности своим полкам. Именно в период бесконечных войн сложилось осознание «полкового братства как кровной связи на жизнь и на смерть», оформился «особый корпоративный дух, во все времена отличавший армию от всех других сообществ» (2, с. 164). Кроме полков, имевших давние традиции и сформированных еще во времена Петра I (Преображенского и Семеновского), существовали также лейб-гвардии Измайловский полк, образованный при Анне Иоанновне, и два «молодых» полка – лейб-гвардии Финляндский (1806) и Литовский (1811).

Неотъемлемой частью повседневной жизни русского офицера были парады, войсковые смотры и учения, которые, по утвержде-

нию автора, играли в его судьбе «роль не меньшую, чем участие в боевых действиях» (2, с. 202). Император Александр I и его брат, великий князь Константин Павлович, увлекались парадной стороной войны, которую в офицерских кругах именовали «шагистикой», «фрунтоманией», «наукой складывания плаща». Незнание всех этих тонкостей воинского ремесла «могло неблагоприятно сказаться на карьере любого из “детей Марса”» (2, с. 203).

К весне 1812 г. стала остро ощущаться близость военного столкновения между Россией и Францией. В это время офицеры всех родов войск уже завершили необходимые приготовления к походу. Лучше всех к трудностям войны были готовы артиллеристы. Те места, где располагались русские армии, жили бурной жизнью. При армии в городе Вильно пребывали император и его августейший брат, что наполняло жизнь провинции впечатлениями придворного быта. 12 июня 1812 г. состоялся бал для виленского светского общества, который многими был расценен как «прощальный привет мирной жизни» (2, с. 299).

В ночь с 12 на 13 июня Великая армия Наполеона переправилась через Неман и вторглась в пределы России. Общая численность российских армий, принявших на себя главный удар противника, достигала 220 000. Самой сильной считалась 1-я Западная армия генерала от инфантерии М.Б. Барклая де Толли (120 000), прикрывавшая Петербургское направление. Александр I изначально рассчитывал на союзническую помощь Австрии и Пруссии, которые в конечном итоге присоединились к Франции. Поэтому Россия оказалась без поддержки с флангов и отказалась от упреждающих действий в Польше. А русским офицерам пришлось многое пережить. Вопреки их ожиданиям, в начале войны русской армии пришлось отступать в глубь страны, ибо только это «позволяло русскому командованию спасти и объединить наши разрозненные силы» (2, с. 303). Отношение к планам высшего военного руководства в офицерской среде было в основном негативным, отдельные офицеры их просто не понимали. Настроения менялись по мере того, как кампания приближалась к победоносному концу. Уже спустя полгода после начала боевых действий, 12 декабря 1812 г., М.И. Кутузов устроил в Вильно бал по случаю дня рождения Александра I, на который были приглашены все офицеры гвардии – воины-победители.

В кампанию 1812 года, когда русским войскам приходилось совершать длительные и изнуряющие переходы, желанным пристанищем для изможденных воинов был бивак, т.е. расположение

войск под открытым небом. Навыки бивачной жизни приобретались в мирное время. Автор пишет, что с этой целью «в апреле гвардейцы покидали свои столичные казармы и до сентября отправлялись в пригороды Петербурга: Петергоф, Стрельну, Царское Село, Павловск» (2, с. 357).

Большое место в жизни офицера, воспитанного на русской романтической классике, занимали дружба и любовь. Князь П.И. Багратион, к примеру, считал дружбу обязательной составляющей своего ремесла и даже напоминал об этом подчиненным в одном из приказов (2, с. 513). Что же касается любви, то для военных чувства иногда играли трагическую роль. Так, например, молодого офицера князя Б. довела до «гробовой доски» бездушная артистка Ашебруннер, а 14-летний подпоручик Костромского ополчения застрелился из-за неудачной попытки присвоить себе орден Святого Владимира 4-й степени, чтобы произвести впечатление на возлюбленную (2, с. 552–553). Но известны и такие случаи, когда юношеские привязанности перерастали в сильные и постоянные чувства и романтические отношения заканчивались браком, как это было с Н.Н. Муравьевым и И.С. Жиркевичем. Другие офицеры сознательно «возводили преграды на пути своих чувств, предпочитая не связывать себя семейными узами в военную страду и “почитая долг перед Отечеством важнее долга супружеского”» (2, с. 556).

В эпоху 1812 года было распространено военное франтовство. В XVIII–XIX вв. происходили перемены в русском военном костюме, связанные с общими направлениями военной моды. Тон в щегольстве среди офицеров задавал Александр I. Интересно, что во время Отечественной войны фасон русского мундира был полностью заимствован у «французов, победивших российскую армию под Аустерлицем и Фридландом» (2, с. 582).

В военной среде существовал свой юмор. Яркий пример любителя юмора – М.И. Кутузов, который был «веселонравен, шутив, даже при самых затруднительных обстоятельствах» (2, с. 595). Шутки «батального жанра» остались в письмах, дневниках, мемуарах участников сражений. Исторические анекдоты из жизни «детей Марса» попали даже на страницы «Записных книжек» П.А. Вяземского, а А.С. Пушкин заносил их в «Table-talk» (2, с. 612).

У офицеров русской армии сложилось свое, несколько противоречивое, представление о Наполеоне I. Так, генерал Н.Н. Раевский в начале Отечественной войны писал о «превосходстве гения и славы Наполеона» (2, с. 617). Положительное отношение к фран-

цузам было характерно и для его двоюродного брата А.П. Ермолова. Оба они принадлежали к старшему поколению военных, занимавших высшие командные должности. У «екатерининского орла» Кутузова и его соратников помоложе, напротив, не было ни чрезмерного преклонения перед гением Наполеона, ни страха. Они чувствовали себя соперниками Наполеона, но в то же время не сомневались в военных дарованиях французского императора, следуя суворовской традиции «признавать воинские способности своего противника» (2, с. 617).

Интересны также дорожные впечатления русских офицеров, для многих из которых заграничные походы были единственной возможностью отправиться в странствие по Европе. С большим любопытством наблюдали они за обычаями и нравами других народов. В 1813 г. русские офицеры выступили в походы по Европе в качестве победителей Наполеона. В прежних войнах с Францией они будто бы не замечали зарубежных достопримечательностей, так как должны были в первую очередь отстоять славу и честь русского оружия. Теперь же, одержав победу, русские охотно делились своими впечатлениями. Многие офицеры вели дорожные журналы, дневники или отправляли на родину письма, содержавшие описания иностранных достопримечательностей. Самым ярким впечатлением русских военных была победная весна 1814 г. в Париже. Они с первого дня своего пребывания во французской столице обратили внимание на «картинные галереи, собрания древностей, библиотеки, мастерские знаменитых художников» (2, с. 651).

В заключительной части книги Л.Л. Ивченко пишет о том, что после завершения войны в Европе «для русских офицеров незаметно наступила пора жить воспоминаниями» (2, с. 659). Портрет героя Отечественной войны 1812 года таков: Средний возраст победителей – 25–32 года; среди них было немало генералов в возрасте около 30 лет. Они многое видели, слышали и пережили. Невольники чести, они верили в Бога и государя. Большинство из них имели почетные награды, в том числе ордена Святого Владимира 4-й степени, Святой Анны 3-й и введенной в Париже 4-й степени, Святого Георгия 4-й степени, прусский орден «За достоинство». С таким жизненным багажом и успехами офицеры впервые за долгие годы вернулись в собственные дома. Автор приводит слова генерал-майора Н.Д. Дурново, выразившего отношение военного к возвращению домой: «Надо сказать правду: война – прекрасная штука, когда с нее вернешься» (2, с. 662).

О.В. Бабенко

Лапина И.Ю.

**ЗЕМСКОЕ ОПОЛЧЕНИЕ РОССИИ 1812–1814 ГОДОВ. –
СПБ.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного
архитектурно-строительного ун-та, 2007. – 387 с.
(Реферат)**

В монографии И.Ю. Лапиной (д-р ист. наук, профессор кафедры истории Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета), рассматриваются процесс формирования и боевая деятельность русского земского ополчения со времени его создания в июле 1812 г. и до ликвидации в 1814 г., после завершения заграничных походов русской армии. Предметом исследования являются причины и предпосылки создания, особенности комплектования земского ополчения и его роль в борьбе с французами. Показан вклад различных губерний в формирование «внутренней воинской силы». Создание ополчения рассматривается как проявление патриотизма всех слоев русского общества.

Земское ополчение 1812 года формировалось по опыту создания народной милиции в 1806 г., когда были выработаны основные методы и определены формы комплектования ополчения. Стимулами к созданию земского ополчения стали отступление русских Западных армий в июле 1812 г. и острая нехватка резервов. В это время Александр I подписал два манифеста – «Первопрестольной столице нашей Москве» и «Манифест с объявлением о вшествии неприятеля в пределы России и о всеобщем противу него ополчении», уповая в них на помощь в формировании «внутренней воинской силы» со стороны следующих категорий населения: городских обществ, именитых граждан, купечества, мещанства, казенных крестьян и свободных хлебопашцев (с. 72). Император, таким образом, сумел воспользоваться патриотическим порывом

народа, что позволило ему подготовить для армии дополнительные резервы.

Третий июльский манифест Александра I – «Об организации округов ополчения» – определял порядок и основные принципы формирования ополчения, подчеркивая его временный характер. Манифест ограничил число губерний, в которых должно было формироваться земское войско: 16 центральных губерний делились на три округа. Автор называет несколько причин этого решения. Сказались и ограниченные размеры театра военных действий, и нехватка оружия для ратников. Отрыв чрезмерного количества крестьян от сельскохозяйственных работ был экономически нецелесообразен и мог вызвать недовольство помещиков. Кроме того, правительство просто боялось вооружать большое число крестьян. По этой же причине главнокомандующий М.И. Кутузов, пишет Лапина, относился к ополчению только как к резерву, «которым можно было “при случае воспользоваться”» (с. 225).

Согласно манифестам Александра I, обязанность по организации ополчения возлагалась на дворян, которые также становились в нем офицерами по рекомендации губернского земского собрания или уважаемых лиц, а комплектовалось ополчение из помещичьих крестьян по решению их владельцев. Удельным и государственным крестьянам поступить в ополчение было сложно. Финансирование ополчений полностью ложилось на плечи дворянства и купечества губерний. Опасаясь разорения, некоторые дворяне скрывали наиболее работоспособных из крепостных. Другие покупали крестьян с семьями, чтобы отправлять их в ополчение вместо своих собственных: семьи при этом оказывались залогом их возвращения. В ополчении участвовали и городские сословия, мещане и цеховые. Существовали ограничения по вступлению в ополчение для ремесленников и мещан, которые были обязаны предварительно «уплатить все подати и на время пребывания в ополчении находиться на собственном иждивении» (с. 124). Лапина подчеркивает тот факт, что набор ратников не был добровольным. Существовала система очередности записи в ополчение, основанная на «учете рабочей силы каждой семьи»; недостаток в ратниках восполнялся привлечением «очередников» и лиц, в чем-либо провинившихся «перед обществом» (с. 116).

По подсчетам Лапиной, губернии, в которых предполагалось организовать ополчения, могли выставить 200 000 ратников. Согласно отдельным распоряжениям ополчения также формировались в Полтавской и Черниговской губерниях. Правительство рас-

смаatrивало ополчение как иррегулярное войско, однако за счет пожертвований оно содержалось только первые три месяца, после чего входило в состав армии, полностью переходя на обеспечение военного министерства. Предполагалось, что после войны крестьяне вернутся «в “первобытное” свое состояние», однако в крестьянской среде того времени была распространена вера в получение свободы после окончания военных действий.

Лапина особо отмечает ополчения Московской и Смоленской губерний, в создании которых ведущая роль принадлежала местному дворянству. В Смоленской губернии формирование ополчения было инициировано четырьмя братьями Лесли, которые, узнав о приближении врага к границам губернии, объявили губернскому предводителю о своей готовности набрать 20 000 бойцов, пожертвовать на нужды ополчения собственное имущество и лично принять участие в боевых действиях. Ратники Смоленского ополчения, сформированного после получения согласия и благословения Александра I, приняли участие в Смоленском и Бородинском сражениях. Обнародованный в связи с созданием ополчения в древней столице «Доклад о составе Московской военной силы» стал основополагающим документом для организации ополчений во всех округах. Исключительным явлением было Санкт-Петербургское ополчение, в комплектовании которого принял участие сам Кутузов, в целях укрепления боевой мощи включивший в его состав старослужащих солдат и армейских офицеров, а также позаботившийся о вооружении ратников. Ополчение было направлено на усиление корпуса П.Х. Витгенштейна, в котором оно считалось самостоятельным родом войск.

Большое внимание в реферируемой книге уделено вопросу о пожертвованиях на нужды ополчения от представителей различных сословий русского общества и царской семьи. Всего, по данным Лапиной, в российских губерниях было собрано «около 10 миллионов рублей добровольных пожертвований» (с. 74). В Москве большие пожертвования на ополчение делались купцами, ремесленниками, мещанами. Отмечается решение Александра I и великой княгини Екатерины Павловны о создании ополчений из крестьян принадлежавших им волостей. Патриотические чувства населения подогревались сообщениями о поступивших пожертвованиях на нужды ополчения, которые публиковала пресса; Лапина особенно выделяет активность петербургской газеты «Северная почта».

Автор отмечает необъективность как советских, так и современных исследователей в оценке земского ополчения. Сове-

менные историки, по ее словам, рассматривают противостояние наполеоновских войск и ополчения как борьбу «новой прогрессивной Европы против феодального деспотизма» (с. 6). Советские историки неправомерно подчеркивали «народность» войны 1812 года, противопоставляя патриотический порыв народа действиям «реакционного» дворянства, преследовавшего корыстные интересы. На самом же деле, пишет Лапина, дворяне, ставшие офицерами ополчений, не получали жалования в первые три месяца (до перехода ополчения под эгиду военного министерства), а служили «по особой доверенности государя императора и из усердия к отечеству» (с. 10).

Роль некоторых ополчений оказалась в силу складывавшихся обстоятельств более значительной, чем первоначально предполагал Кутузов. Так, например, после Бородинской битвы «фактически перестало существовать» Московское ополчение, ратники которого пополнили ряды армии (с. 240). После смерти главнокомандующего ополчения активно привлекались к осаде крепостей в период заграничных походов. По мнению автора, формирование ополчений в российских губерниях свидетельствовало о превращении войны из политического спора «двух императоров» в войну «народа с иноземными захватчиками» (с. 95). Ее исход решали резервы, и в этом отношении армия Наполеона, вступив в глубь России, была обречена.

Вопрос о создании ополчения имел не только военное, но и политическое значение, считает Лапина. В высших военных кругах велико было опасение бунта и внутренних беспорядков вследствие вооружения большого количества крепостных. Однако, лишенное иных резервов, правительство было вынуждено прибегнуть к формированию земского ополчения, распространив на него в целях контроля действие военно-полевых судов.

Судьба ополченцев оказалась трагичной. Многие из них погибли, причем большинство не в боях, а от болезней и скудного питания. Ратники, пишет Лапина, выполняли в основном черновую работу – строили бастионы, копали рвы, возводили палисады, переносили тяжелые грузы, а в атаку шли практически безоружные.

В заключении автор отмечает, что, несмотря на вклад, внесенный ополченцами в разгром Великой армии, их подвиг и патриотический порыв не были оценены ни Александром I, ни дворянством, присвоившим себе основные заслуги в защите отечества, руководствуясь представлением о крестьянах-ратниках как своей собственности. Вместе с тем, помимо несомненных военных

подвигов некоторых ополчений, их участие в войне с Наполеоном имело также большое моральное значение как для русской армии, так и для самих ратников. Ополченцы, заключает Лапина, развили в себе чувство национальной гордости и самосознания и принесли из покоренной Европы «веру в освобождение от крепостной зависимости» (с. 364).

Т.К. Сазонова

Белоусов С.В.

**ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ВОЙНА 1812 ГОДА (ПО МАТЕРИАЛАМ СРЕДНЕГО
ПОВОЛЖЬЯ). – ПЕНЗА: ПГПУ, 2007. – 260 с.**

(Реферат)

Монография, состоящая из введения, трех глав и заключения, посвящена проблеме влияния Отечественной войны 1812 г. на провинциальное общество Среднего Поволжья (Симбирской, Пензенской и Саратовской губерний). В центре внимания автора находятся такие вопросы, как восприятие в провинции событий Отечественной войны, влияние войны на положение различных сословий, определение материального вклада различных слоев населения в победу над наполеоновской армией, взаимодействие общества и власти, формирование ополчения, определение уровня социальной напряженности в регионе. Проблема рассматривается на примере Среднего Поволжья – по словам С.В. Белоусова, типичной российской провинции, преобладающую часть населения которой составляли крестьяне. Доля городского и неподатных (дворянство и духовенство) сословий в структуре населения была незначительной. В губерниях Среднего Поволжья преобладало мелкопоместное и беспоместное дворянство. Количество крупных вотчинников было небольшим. Мещане, цеховые и купечество в основном сосредотачивались в губернских городах и крупных торговых центрах. В уездных городах преобладали различные категории крестьянства.

Характеризуя настроения в провинции в предшествовавшие войне годы, автор отмечает, что после заключения Тильзитского мира многие осознавали неизбежность новой войны. Заключение Тильзитского договора было воспринято российским обществом крайне негативно. «Дворянство рассматривало его как националь-

ное унижение. Купечество, традиционно связанное торговыми отношениями с Англией, выражало недовольство присоединением России к континентальной блокаде. Тильзитский договор не устранил противоречий между Россией и Францией... Все это прекрасно понимали как в обеих столицах, так и в провинции, о чем свидетельствуют различные мемуарные источники и частная переписка... в которых находили отражение слухи о предстоящей войне» (с. 50).

Для провинциального дворянства и части городского населения не остались незамеченными перемещение русских войск ближе к западным границам накануне войны и проведение рекрутского набора, против обыкновения, в марте 1812 г. Автор приводит свидетельство пензенского чиновника И.И. Мешкова, писавшего, что «с наступлением 1812 г. в губернии “распространились слухи о предстоящей войне с Францией, что видно было и по движениям войск; а набор, открытый в марте, не оставил уже ни малейшего сомнения”» (с. 51). Рекруты, набиравшиеся в марте 1812 г., должны были поступить в полки, которые формировались на основании высочайшего указа от 13 мая 1812 г. В императорском рескрипте говорилось о формировании 12 новых полков: восьми пехотных (по два во Владимире, Костроме, Рязани и Тамбове) и четырех егерских (по два в Ярославле и Воронеже). Рекруты из Симбирской губернии (1618 человек) должны были направляться в Рязань, из Саратовской (1511 человек) – в Воронеж. Из Пензенской губернии 877 человек поступали в Тамбов, а еще 500 человек – в Воронеж. «Из-за недостатка строевых офицеров губернаторам предлагалось приглашать во вновь формируемые полки для занятия вакансий отставных штаб- и обер-офицеров, “имеющих силу и способность продолжать службу и известных в кругу дворянства по доброму их поведению, притом отставленных не за поручные поступки”. К высочайшему указу прикладывалось расписание, в котором указывалось, на какие губернии возлагалась обязанность снабжать обмундированием и обозом вновь формируемые полки. Причем губернские дворянские общества должны были поставить в полки обмундирование и амуницию, а “градские жители” собрать деньги для организации полкового обоза с подъемными лошадьми и упряжью» (с. 52–53).

Несмотря на все эти приготовления, для большинства населения известие о вторжении войск Наполеона в Россию оказалось неожиданным. Из-за значительного удаления средневожских губерний от театра военных действий и обеих столиц новости дохо-

дили с опозданием в 2–3 недели. Так, о начале войны в Пензе стало известно лишь 1 июля, т.е. спустя 18 дней. Известия из действующей армии поступали в провинцию как по официальным (газеты, бюллетени, переписка правительственных учреждений с местными органами власти), так и по неофициальным каналам. Недостаток официальной информации повлек за собой появление среди населения ложных слухов. Местные власти стремились не допустить их распространения и одновременно следили за тем, что говорят в народе о войне.

Важнейшими этапами в изменении общественного сознания стали Бородинское сражение и оставление русскими войсками Москвы. Битва при Бородино воспринималась современниками как победа русской армии, и ожидалось, что вскоре неприятель начнет свое отступление. Поэтому последовавшее за этим событием неожиданное известие о сдаче Москвы и ее сожжении на первых порах вызвало настоящий шок и оцепенение среди всего населения и повсеместно, даже далеко от Москвы, привело к росту панических настроений. Сдача и пожар Москвы стали унижением национального самолюбия и в то же время возбудили жажду мщения и рост патриотизма. «Сражение под Тарутиным, уход Наполеона из Москвы изменили общественное мнение. Каждое новое известие из действующей армии о победах русских войск при Малоярославце, Вязьме, Красном, о бегстве остатков наполеоновской армии из России воспринималось в обществе с ликованием» (с. 60).

С 1813 г. жизнь в Поволжье постепенно начала возвращаться в нормальное довоенное русло. «О войне напоминали разве что раненые офицеры, бывшие здесь на излечении, и военнопленные армии Наполеона. Да опасения за судьбу своих близких, находившихся в действующей армии, тревожили местное население» (с. 61).

Заграничные походы русской армии были встречены в провинции с пониманием. Война за освобождение Европы от французского владычества была популярна в русском обществе, которое, по словам С.В. Белоусова, связывало с ней надежды на окончательную победу и крушение державы Наполеона.

Характеризуя материальный вклад жителей Поволжья в победу над врагом, автор отмечает, что окладные сборы и добровольные пожертвования населения Симбирской, Пензенской и Саратовской губерний в годы войны составили более 5 млн. руб. Материальная помощь, оказанная населением поволжских губерний, выражалась в различных формах: формирование ополчения (в Симбирской и Пензенской губерниях), денежные сборы на ор-

ганизацию вновь формируемых полков (во всех губерниях) и подвижного магазина (в Пензенской губернии), приобретение и отправка в действующую армию волов и фур (во всех губерниях), покупка строевых лошадей (в Саратовской губернии), добровольные пожертвования в пользу разоренных войной, «во вспомогательную кассу российских инвалидов», в Женское патриотическое общество и т.д.

Отношение различных категорий провинциального общества к войне было весьма противоречивым. Значительная часть дворян в военные годы руководствовались идеей служения Отечеству и ощущали свою особую миссию в защите России от иностранных захватчиков. Многие поволжские дворяне храбро сражались против наполеоновских войск в составе регулярных частей русской армии; другие по первому зову сразу же вступали в ряды ополчения. Однако, по словам автора, были и такие, кто во время всеобщего бедствия думал лишь о личной выгоде. «В Поволжских губерниях некоторые дворяне отказывались выполнять разовые поручения по сопровождению рекрутских партий и строевых лошадей к действующей армии и военнопленных в глубь страны, ссылаясь на болезни, старость или иные причины. В ополчение помещики пытались сбывать в первую очередь неугодных им крестьян, а также крепостных со значительными физическими недостатками. При расчете сумм, необходимых для формирования ополчения, некоторые дворяне проявляли болезненную подозрительность, что они заплатят больше, нежели чем дворяне соседнего уезда или губернии. Большую часть окладных сборов помещики стремились переложить на своих крестьян» (с. 74).

Основной задачей духовенства являлось «вознесение молитв об отражении общей опасности и одолении и истреблении врага, о восстановлении благословенной тишины и спокойствия в недрах Отечества». Через служителей церкви шло и формирование общественного мнения, направленное на идеологическое обоснование справедливости войны России с наполеоновской Францией. В соответствии с положениями, изложенными в воззвании Святейшего Синода, приходские священники в своих проповедях «говорили о справедливом и священном характере войны, которая велась для защиты Отечества и православной веры, отмечали особую миссию России, которой предназначено Богом остановить завоевания Наполеона и освободить Европу от его господства» (с. 77). Духовенство принимало активное участие в пожертвованиях на ополчение и оказании материальной помощи лицам, вышедшим из мест, за-

нятых неприятелем. В то же время священно- и церковнослужители не изъявили особого желания вступить в ряды ополчения. Так, в Нижегородской губернии «все “добровольцы” из числа церковников, прибывшие на пункты приема ратников с сопроводительными письмами от епископа Нижегородского и Арзамасского Моисея о том, что они все идут в ополчение “по желанию”, как оказалось, присылались по приказанию преосвященного “не с меньшим принуждением, чем помещичьи крестьяне”» (с. 78). Призыв правительства о призрении беженцев, обращенный к монастырям и церквям, по словам С.В. Белоусова, также не дал ожидаемого эффекта.

Представители купечества в своих действиях руководствовались как чувством патриотизма, так и корыстью. На войну они смотрели, с одной стороны, как на источник возможных разорений, особенно в губерниях, близких к театру военных действий и затронутых войной, с другой – как на источник быстрого обогащения. «Русские купцы действительно внесли на защиту Отечества крупные суммы денег... Пензенское и симбирское купечество принимали активное участие в сборе средств на ополчение. В Симбирской губернии купцы 1-й гильдии постановили собрать на ополчение по 1000 руб., купцы 2-й гильдии постановили пожертвовать 3% с оборота за 2 месяца, купцы 3-й гильдии – 2% с оборота в течение 4-х месяцев. Кроме того, некоторые купцы вносили средства в Комитет пожертвований для ополчения и частным порядком» (с. 81–82). Однако, жертвуя средства на различные нужды, купечество стремилось извлечь из создавшейся ситуации и определенную экономическую выгоду. Этому, в частности, способствовало то, что в обществе было признаком «патриотического тона покупать только русские товары и только в русских лавках», в то время как иноземным товарам и купцам объявлялся «патриотический бойкот». Русское купечество использовало этот общий патриотический подъем для собственного обогащения, повсеместно взвинчивая цены на различные товары и продовольствие.

Автор отмечает, что если купечество, являясь привилегированным слоем городского населения, было освобождено от подушного налога, вместо которого платило особый процент с объявленного капитала, и могло откупаться от рекрутской повинности, то мещане и цеховые обязаны были нести различные денежные и натуральные повинности. Несмотря на это, многие из них вносили свои небольшие сбережения в качестве добровольных пожертвований «в пользу потерпевших от неприятеля разорение» и «во вспомогательную кассу инвалидов».

Основная тяжесть выполнения натуральных повинностей и уплаты окладных сборов в эпоху войны 1812 года, по словам автора монографии, легла на различные категории крестьянства. Формирование ополчения, поставка рекрутов, выполнение постоянной и подводной повинностей, организация для армии подвижных магазинов и приобретение волов и фур – таков неполный перечень тех повинностей, которые должны были нести крестьяне в условиях военного времени. Вместе с тем, несмотря на ухудшение своего положения, крестьяне приняли активное участие в добровольных пожертвованиях на нужды армии, ополчения, беженцев, инвалидов.

В то же время во время войны в Поволжье получило свое дальнейшее развитие крестьянское движение. Причины роста крестьянских выступлений С.В. Белоусов усматривает прежде всего в усилении эксплуатации податных сословий, происходившей под влиянием Наполеоновских войн. Для крестьянского движения в этот период были характерны различные методы борьбы, проявлявшиеся как в пассивной, так и активной формах. Крестьяне применяли все те виды социального протеста, которые использовались ими и ранее: подача прошений о вольности, побеги, отказ от выполнения помещичьих работ, самовольная запашка помещичьих земель, порубка леса, самовольный вывоз с полей помещичьего хлеба и сена, порча господского сельскохозяйственного и иного инвентаря, поджоги поместий, избиение и убийство помещиков, членов их семей и представителей помещичьей администрации. «Нередко выступления крестьян, начавшись легально, в частности, с подачи прошений о вольности, затем перерастали в отказ от выполнения различных повинностей в пользу помещиков и даже в неповиновение местным властям» (с. 90).

Вместе с тем, в крестьянском движении гораздо большее место стали занимать методы борьбы, вытекавшие из реалий военного времени, – прежде всего, членовредительство, побеги и неповиновение властям с целью избежать рекрутства или отдачи в ополчение. Целый ряд выступлений был связан с попыткой крестьян освободиться от крепостной зависимости. Это явилось следствием как надежды многих крестьян на то, что после победы над Наполеоном им будет дарована свобода, так и распространившихся в Поволжье слухов о том, что свободу крестьянам должен предоставить сам Наполеон. Идеи свободы среди крестьянского населения особенно усилились после окончания заграничных походов и возвращения домой ратников ополчения.

В силу указанных причин губернские власти вынуждены были держать наготове значительные воинские отряды, которые могли быть направлены на подавление крестьянских выступлений, что, без сомнения, отвлекало вооруженные силы, необходимые для борьбы с наполеоновской армией.

Характеризуя участие жителей Поволжья в народном ополчении, автор отмечает, что «общегосударственное ополчение — довольно редкое событие в истории русского централизованного государства. ...При существовании регулярной армии созыв ополчения есть механизм чрезвычайный, который задействуется только в критические периоды, когда стоит вопрос выживания государственности. Сам факт созыва ополчения верховной властью говорит о том, что государство в данной исторической ситуации без общества, без народа, уже не способно отразить угрозу» (с. 127).

По мнению С.В. Белоусова, ополчение ни в коей мере не подменяло регулярной армии, а дополняло ее. Ополчение и армия составляли своеобразную систему с определенным разделением функций. Армия несла основную тяжесть ведения боевых действий с войсками Наполеона, а ополченцы действовали на флангах, блокировали города и крепости, где находились французские гарнизоны, боролись с небольшими вражескими отрядами и т.д. «Ополчение, таким образом, “спасало” регулярную армию от чрезмерного распыления сил и позволяло концентрировать войска на важнейших участках. Кроме того, ополчение служило и своеобразным резервом для армии» (с. 128).

При формировании ополчений большая свобода действий предоставлялась губернским дворянским собраниям, от решений которых зависели нормы набора ратников и правила их приема, снабжение ополчения продовольствием, обмундированием и вооружением.

Большой проблемой при формировании ополчения III округа, в который вошли поволжские губернии, стала нехватка офицерских кадров. Сословный характер замещения офицерских должностей предполагал наличие в ополчающихся губерниях большого числа дворян. На деле же их количество оказалось явно недостаточным. Власти предпринимали меры по привлечению в ополчение гражданских чиновников, неслужащих дворян и дворян из «внеополчающихся» губерний, но их деятельность в этом направлении не дала ожидаемого результата. В итоге отсутствие должного количества офицеров негативно повлияло на сроки и ход формирования ополчения III округа.

Ополчение формировалось исключительно за счет крепостных крестьян. При этом, по словам автора, «помещики и крестьянские общины в первую очередь стремились сбыть в ополчение тех крестьян, которые не имели семьи, дома, крепкого хозяйства, не платили подати, являлись “пьяницами”, “мотами”, “ворами”, что предопределило маргинальный характер ополчения. Большинство крестьян не проявляло большого желания вступать в ополчение в силу удаленности поволжских губерний от театра военных действий и особенности крестьянского менталитета и, по возможности, стремилось откупиться от военной службы» (с. 228). Снаряжение и обмундирование ратников ополчения были полностью возложены на дворянское сословие, что приводило к усилению эксплуатации крепостного крестьянства, так как помещики стремились переложить на него основные затраты. При формировании ополчения самой сложной проблемой являлось его обеспечение огнестрельным оружием, недостаток в котором ощущался даже в регулярной армии. Большие сложности возникли и с военной подготовкой ратников. Их обучение сводилось к получению минимальных знаний и навыков по военному делу, что негативно отражалось на боевых качествах ополчения и его боеспособности.

С середины сентября 1813 по январь 1814 г. в состав первого и резервного ополчений в Симбирской и Пензенской губерниях поступило около 27 000 человек. Сбор ратников потребовал от военных, губернских и уездных властей большого напряжения сил, тем более что значительная часть гражданских чиновников поступили офицерами в ополчение. В создавшейся ситуации деятельность местных властей и специально созданных органов для формирования ополчения оказалась вполне эффективной. Несмотря на возникшие трудности, за короткий срок ополчение не только было сформировано, но и отправлено в поход.

Автор отмечает, что война наложила отпечаток на отношение провинциального общества к иностранцам. Война 1812 года породила среди населения не только патриотизм, но и вызвала рост галлофобии, которая усиливалась по мере продвижения армии Наполеона в глубь России. Ненависть к французам распространялась вообще на всех иностранцев, проживавших в стране, которых обвиняли в симпатиях и пристрастиях к Наполеону. По циркулярному предписанию Министерства внутренних дел губернаторам тех губерний, которые находились недалеко от театра военных действий, надлежало оставлять в губернии иностранцев, бывших лояльными российским властям. Остальных же предпи-

сывалось отправлять за границу или в глубь России. Поволжье стало одним из тех регионов, куда направлялись те иностранцы, благонадежность которых была поставлена под сомнение.

С конца лета 1812 г. заметным явлением провинциальной жизни Среднего Поволжья становится приток большого количества беженцев. «Правительство пыталось урегулировать ситуацию с их положением. Однако указания из С.-Петербурга были далеки от реалий провинциальной жизни. Положение беженцев в Поволжье оказывалось в прямой зависимости от их материального благосостояния и социального статуса, а их размещение и содержание целиком ложилось на плечи губернских властей и местного населения» (с. 225).

Важным фактором провинциальной жизни во время войны стало размещение на жительство в поволжских губерниях военнопленных армии Наполеона. Их препровождение, размещение и содержание регламентировались нормативными документами, основополагающим из которых стало циркулярное предписание Главнокомандующего в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинова от 29 августа 1812 г. В 1812–1814 гг. Поволжье стало важным транзитным центром, через который следовали партии военнопленных в соседние губернии, например Вятскую, Оренбургскую и ряд других. В то же время в Саратовской, Пензенской и Симбирской губерниях были размещены на жительство не менее 7500 пленных (большая часть – в Саратовской губернии). Местные власти не только должны были решать все вопросы, связанные с их проживанием и содержанием, но и урегулировать возможные конфликты между ними и местным населением, что в условиях военного времени, когда наблюдалась явная нехватка полицейских чиновников и солдат гарнизонных батальонов и инвалидных команд, создавало большие проблемы.

Автор отмечает, что «несмотря на подчас крайне противоречивое поведение отдельных представителей различных сословий, чувство патриотизма было характерно для всего населения России, и война 1812 г. справедливо отложилась в памяти потомков как “Отечественная”» (с. 227).

С.В. Беспалов

Эшби Р.

**НАПОЛЕОН ПРОТИВ ПРЕВОСХОДЯЩИХ СИЛ
КОАЛИЦИИ: ИМПЕРАТОР И ЗАЩИТНИКИ
ФРАНЦИИ В 1814 г.
(Реферат)**

Ashby R.

Napoleon against great odds: The emperor and the defenders of France,
1814. – Santa Barbara (Denver); Oxford: Praeger,
2010. – [XIV], 231 p.

Монография профессора университета Восточного Иллинойса (Чарльстон, США) Ральфа Эшби, состоящая из 14 глав, посвящена причинам поражения Франции в кампании 1814 года. В центре внимания автора – вопрос о том, почему Наполеон оказался не в состоянии мобилизовать необходимое для противостояния грозному противнику количество солдат.

В конце 1813 г. Франция столкнулась с угрозой неизбежного вторжения на свою территорию колоссальных вражеских сил. 300-тысячное русско-пруско-австрийское войско стояло на Рейне. Более чем 100-тысячная англо-испано-португальская армия продвигалась в Пиренеях. Многочисленные войска собирались практически по всей Европе, чтобы напасть на Францию. В то же время после неудачной кампании Наполеона 1813 г. в Германии у него оставалось меньше 80 000 солдат для того, чтобы держать оборону на Рейне.

Наполеоновский план защиты Франции в 1814 г. исходил из того, что мобилизационные ресурсы составляют 936 000 человек. Фактически, как известно, ему удалось рекрутировать в действующую армию лишь около 120 000 новобранцев. Провал мобилизации, очевидно ставший одной из важнейших причин поражения

Франции в 1814 г., по словам Р. Эшби, трактуется большинством историков как свидетельство того, что Франция оказалась «физически и нравственно исчерпана» к 1814 г., а император не только растерял свой политический капитал после катастрофы 1812 г. в России и поражения в Германии в 1813 г., но и оказался не в состоянии адекватно оценить ситуацию и ресурсы, которыми он располагает. Однако, по мнению автора монографии, окончательное поражение Франции в кампании 1814 года лишь ретроспективно представляется легко объяснимым и абсолютно неизбежным. Р. Эшби считает необходимым переосмыслить целый ряд вопросов: действительно ли около 800 000 французов были дезертирами либо уклонялись от призыва; в самом ли деле Франция в 1814 г. пала потому, что к тому времени осталось немного французов, готовых и бывших в состоянии защищать свою страну; действительно ли большинство французов к тому времени не желали сражаться за Францию именно потому, что ей правил Наполеон и разочарование в императоре вместе с усталостью от бесконечных войн перевешивало в них патриотические чувства, вызванные иностранным вторжением?

Ситуация, в которой оказалась Франция к 1814 г., по мнению Эшби, принципиально отличалась к худшему даже от того состояния, в котором она пребывала после катастрофы 1812 г. Причины поражения Наполеона в России, по мнению автора, были двойственными. С одной стороны, ему так и не удалось одержать решающую победу на поле битвы, с другой – ему не удалось решить проблему тылового обеспечения Великой армии и поддержания в должном состоянии ее коммуникаций. Результатом стали потеря 570 000 солдат и более 200 000 лошадей, падение престижа Франции и лично императора, кризис «имперской морали», а также создание альянса России, Пруссии и Австрии.

Однако так беспокоившие Наполеона внутривнутриполитические последствия Русской кампании, ради предотвращения которых он поспешно вернулся во Францию в конце 1812 г., оказались, по мнению Р. Эшби, не столь драматическими, как того можно было бы опасаться. «Тяжёлые военные потери Франции полностью изменили стратегическую ситуацию в Европе. Однако внутривнутриполитические позиции Наполеона оставались на удивление прочными. Кроме того, система военного управления Империи была такова, что даже вслед за российским бедствием Наполеон смог мобилизовать значительные силы, чтобы продолжить кампанию в Германии в 1813 г.» (с. 14). Таким образом, в начале 1813 г. значитель-

ную часть потенциала Великой армии удалось восстановить. Но у этого успеха Наполеона, который Р. Эшби называет «подвигом организации», была и обратная сторона: принятые императором меры в значительной степени (но не полностью) исчерпали потенциальные военные ресурсы Франции. Это дало о себе знать после того, как в кампании 1813 г., которую Наполеон провел «пусть и не блестяще, но по большей части вполне компетентно» (с. 17), он, тем не менее, потерпел поражение; переломным моментом стало крупнейшее за всю эпоху Наполеоновских войн сражение под Лейпцигом 16–19 октября, получившее название «Битвы народов». Великой армии образца 1813 г. был нанесен непоправимый урон, и Наполеон вынужден был спешно покинуть Германию, – по словам автора, эту поспешность императору следовало проявить ранее ради того, чтобы избежать рокового сражения.

Вернувшись во Францию с 80-тысячным войском, Наполеон оказался перед необходимостью создавать новую армию – на сей раз для того, чтобы защитить непосредственно Францию. И, если бы войска коалиции отложили вторжение до весны, они, возможно, столкнулись бы с 400-тысячным французским войском. Однако император смог мобилизовать и вооружить лишь 120 000 солдат; у Наполеона не оказалось времени для того, чтобы должным образом вооружить и подготовить еще 80 000 новобранцев, которых удалось мобилизовать, и тем более для того, чтобы призвать на военную службу еще 100 000 человек, что было вполне реально, полагает Эшби.

Союзники разрушили планы Наполеона по организации обороны Франции прежде всего тем, что не стали откладывать свое вторжение до весны 1814 г. Хотя у такой позиции было немало сторонников, Император Александр I и фельдмаршал Блюхер – самые последовательные сторонники агрессивной стратегии на протяжении всей кампании – навязали свою волю остальным политическим лидерам и военачальникам коалиции. Р. Эшби полагает, что агрессивность Александра I и Блюхера не базировалась на какой-либо просчитанной долгосрочной стратегии; в основе ее было желание отомстить Наполеону и любой ценой нанести ему скорейшее поражение. Но именно такая линия в итоге принесла победу войскам союзных держав.

Когда силы коалиции приступили к форсированию Рейна в 1813 г., они нанесли удар прежде всего не по французской армии, а по имперской бюрократии, полагает Р. Эшби. Основной проблемой, с которой столкнулся Наполеон, было вовсе не отсутствие

политической поддержки (Р. Эшби полагает, что даже сам Наполеон недооценивал уровень своей поддержки в обществе) – подавляющее большинство населения, особенно крестьянство, по мнению автора, продолжало поддерживать императора, – а нехватка времени для организации отпора вражеским силам. Хотя само вторжение не было полностью неожиданным, произошло оно прежде, чем завертелись колеса административной машины. Кавалеристы союзнических сил, особенно казаки, сеяли панику даже быстрее, чем они продвигались (практически не встречая сопротивления) по сельским районам Франции. Дезорганизация французской бюрократии сделала невозможным, в частности, проведение масштабной мобилизации. Соответственно, полагает Эшби, нельзя утверждать, что французы массово уклонялись от призыва на военную службу: невозможно определить, кто из них реально отказался идти на военную службу, а до кого просто не успело дойти соответствующее предписание. Кроме того, в условиях административного хаоса, в который погружалась Франция, в число потенциальных новобранцев нередко зачислялись люди, фактически непригодные к военной службе.

Этот паралич имперской бюрократии в значительной степени объясняет низкое число призывников, которых удалось мобилизовать в начале 1814 г.; однако, по мнению Р. Эшби, это не объясняет недостаток добровольцев. Его причиной автор монографии считает то, что привычка к повиновению власти, насаждавшаяся Наполеоном и помогавшая ему управлять страной на протяжении многих лет, не оставляла места для проявления подлинного патриотического энтузиазма в тот момент, когда он мог бы оказаться спасительным. Французские монархи, полагает Эшби, на протяжении долгого времени шли по пути бюрократизации и всё большей централизации государственного управления. Наполеон продолжил эту линию и сделал в этом плане больше, чем кто-либо из его предшественников. Но именно эта сверхцентралистская и забюрократизированная система стала препятствием, не позволившим французскому народу бороться за независимость своей страны в условиях иностранного вторжения, – препятствием не моральным («тирания» Наполеона не уничтожала патриотизм), а институциональным. Впрочем, это обстоятельство само по себе не кажется автору монографии решающим фактором поражения Франции.

Таким образом, отмечает Р. Эшби, французская армия в 1814 г. оказалась сравнительно малочисленной. Однако и в таком виде она представляла собой достаточно мощную силу, способную

наносить поражения превосходящим силам противника. Победы в сражениях были не только возможны — они фактически имели место несколько раз, в частности, 10–14 февраля 1814 г. Неудовлетворенный локальными успехами, император даже с небольшой армией 1814 г. безуспешно стремился одержать ошеломляющую победу в сражении, которая, деморализовав по меньшей мере одну из противостоявших Франции союзных держав, вынудила бы ее согласиться прекратить войну на условиях Наполеона, положив тем самым начало распаду коалиции; кроме того, подобная победа должна была укрепить лояльность французов своему правителю. «Возможно, при более терпеливом и тонком маневрировании войсками Наполеон добился бы и больших результатов... но он действительно одерживал победы. Однако он оказался не в состоянии использовать эти победы как аргумент в переговорах с противниками. Условия, выдвигавшиеся Наполеоном, являлись нереалистичными... Неспособный достигнуть соглашения не только с союзниками, но и с реальностью, он потратил впустую драгоценные плоды своих с трудом завоеванных побед» (с. 182).

Наполеон изначально пытался позиционировать себя как «законного» монарха, при этом недвусмысленно заявляя, что его законность произошла от людей. Наследие Революции (так же как и благосостояние французов), согласно его собственной формулировке, находилось в его руках, в его власти, и в то же время его сохранение он считал своей обязанностью. В критической ситуации 1814 г., по мнению Р. Эшби, Наполеон не сумел проявить себя ни как революционер, обращающийся непосредственно к нации, а не делающий ставку на бюрократию, ни как законный монарх, обязанный при сложившихся обстоятельствах стремиться к заключению разумного мира. Неудивительно, что он «провалился между двумя стульями», резюмирует автор.

С.В. Беспалов

Робертс Э.
ВАТЕРЛОО 18 ИЮНЯ 1815:
БИТВА ЗА СОВРЕМЕННУЮ ЕВРОПУ
(Реферат)

Roberts A.

Waterloo June 18, 1815: The battle for modern Europe. –
N.Y.; L., etc.: Harper Collins, 2005. – 136 p.

Реферируемая работа британского историка Эндрю Робертса о битве при Ватерлоо опубликована в серии «Создание истории», в которой каждая из небольших книг посвящена событию или событиям, надолго определившим дальнейший ход истории.

Сражение при Ватерлоо не только означало конец политической карьеры Наполеона, прошедшего со своей армией, как пишет автор, через пески Египта, луга Пруссии, деревни Австрии и снега России, – эта битва подвела итог и целой исторической эпохе, всему «долгому» XVIII столетию. Она открыла и новую страницу в истории, хотя сама, в сущности, была явлением этого прошедшего века.

Автор считает, что «кампания» Ватерлоо (так назван и первый раздел книги) началась, в сущности, в понедельник 12 июня, когда Наполеон уехал из Парижа, чтобы через три дня вместе с армией (124 000 человек) пересечь бельгийскую границу. До этого он был во Франции в течение трех месяцев после своего побега с Эльбы 1 марта 1815 г. Сам побег автор считает ошибкой императора. Зная, что такой шаг приведет к неизбежному вторжению союзников во Францию, он тем не менее решился на это. Его собственная судьба всегда была для него важнее, чем тысячи судеб его соотечественников. Но тогда Наполеон надеялся, что вернет себе трон без войны. Когда же европейские монархи, в том числе и на Венском конгрессе, осудили его «новое пришествие» и Людо-

вик XVIII сбежал из Парижа (18 марта), а Наполеон на следующий день вошел во дворец Тюильри, то всем стало ясно: император, чтобы сохранить власть, должен будет победить войска коалиции. Но время было не на его стороне.

Стратегия Наполеона была продиктована тем, что армии его противников не могли достичь границ Франции одновременно; он рассчитывал одолеть их одну за другой. Хотя в распоряжении коалиции имелось в общей сложности более 700 000 солдат и офицеров, Брюссель прикрывала только часть этих сил – 116-тысячная прусская армия Блюхера и 112-тысячная английская армия под командованием Веллингтона. Кроме того, Наполеон надеялся, что союзники будут испытывать трудности с тыловым обеспечением, которые усугубятся политическими разногласиями, проявившимися на Венском конгрессе.

Поскольку Франция была истощена войнами, непрерывно продолжавшимися с 1792 г., Наполеон понимал, что только быстрая победа может обеспечить ему поддержку большинства французов. К 15 июня 1815 г. он имел довольно сильную, хорошо укомплектованную армию, однако из-за того, что несколько бывших маршалов отказались служить в ней, солдаты нередко с подозрением относились к офицерам. Слышались разговоры об измене.

Но и у Веллингтона, чья армия вместе с войсками Блюхера прикрывала Брюссель, не было полной уверенности в лояльности собственных частей, особенно в отношении бельгийских и голландских контингентов, составлявших четверть его сил, и немецких, составлявших еще треть. Армия Блюхера более чем наполовину состояла из сил ландвера. Кроме того, еще недавно, в начале июня, 14 тыс. взбунтовавшихся саксонцев были выведены из ее состава.

Веллингтон и Блюхер дважды встречались в мае, чтобы договориться об оборонительной стратегии, если они подвергнутся нападению наполеоновских войск до подхода главных сил союзников. Веллингтон был весьма недоволен действиями сил коалиции в 1814 г., когда они терпели одно поражение за другим из-за недостаточной координации действий отдельных армий.

Британские историки в XIX в. стремились скрыть тот факт, что стремительный марш Наполеона с целью взять Шарлеруа и продвинуться к Брюсселю застал Веллингтона и Блюхера врасплох. Наполеон приказал маршалу Нею овладеть Катр-Бра – стратегически важным дорожным узлом, открывавшим путь на Брюссель, – а сам направился к Линьи с намерением разбить войска Блюхера. Цель этого опасного маневра, разделившего французские

войска на две части, состояла в том, чтобы уничтожить неприятельские армии поодиночке, что соответствовало общему стратегическому замыслу императора.

Веллингтон предполагал, что Наполеон двинется на Брюссель через Монс, а не Шарлеруа. Он мог жаловаться на свой неопытный штаб, но и у Наполеона был новый начальник штаба, заменивший много лет эффективно руководившего им маршала Бертье, отказавшегося участвовать в новой войне. Веллингтон компенсировал свое упущение, стремясь как можно быстрее сконцентрировать свою армию у Катр-Бра.

В 8 часов в пятницу 16 июня Наполеон направился на правый фланг своих сил; здесь ему противостояла прусская армия Блюхера. Полагая, что Ней относительно легко достигнет успеха у Катр-Бра, император писал маршалу, чтобы он направил ему подкрепления для борьбы с пруссаками. Он подчеркивал, что Ней не должен допускать никакого промедления: «Судьба Франции в Ваших руках». Однако Ней медлил, и к тому времени, когда его войска попытались взять Катр-Бра, силы Веллингтона, в основном британцы, уже начали прибывать туда, совершив 30-мильный марш.

Веллингтон в 11 часов совещался с Блюхером на ветряной мельнице, с которой открывался вид на поле боя у Линьи. Блюхер не воспользовался его рекомендацией спрятать войска и артиллерию за холмами. Он ответил, что его солдаты предпочитают видеть врага, и оставил их на склонах холмов, обращенных к армии Наполеона. Веллингтон был уверен, что такая диспозиция пруссаков будет дорого им стоить. Между тем Ней – ветеран 70 сражений – действовал у Катр-Бра не вполне эффективно. Возможно, это было последствием того стресса, который он испытывал, начиная с изнурительной Русской кампании 1812 года, когда он командовал арьергардом отступавшей французской армии. К 1815 г. маршал стал весьма непредсказуемым. Он и при Катр-Бра начал атаку с запозданием и без энтузиазма. Веллингтон тогда еще не прибыл на поле боя, и Ней видел расположение войск противника.

Две битвы происходили в Катр-Бра и Линьи одновременно, на расстоянии 7 миль одна от другой. Наполеон приказал генералу д'Эрлону, который шел со своим 1-м корпусом на помощь Нею, повернуть к Линьи, где шло ожесточенное сражение с армией Блюхера. В результате д'Эрлон не прибыл вовремя ни в Линьи, ни в Катр-Бра. К концу дня положение противоборствующих сторон у Катр-Бра было, в сущности, таким же, как и перед атакой Нея. Но в бою уже погибло 9000 солдат.

Сражение при Линьи, несмотря на отсутствие войск д'Эрлона, закончилось победой французов. Были убиты и ранены 16 000 пруссаков, 8000 дезертировали. Но армия не отступила на восток, в сторону Пруссии. Вместо этого решением начальника штаба Блюхера, в отсутствие самого командующего (его не могли найти), войска отошли на север, к Вавру, что давало им возможность наладить контакт с армией Веллингтона и соединиться с ней. Это решение Веллингтон впоследствии, едва ли преувеличивая, назвал «решающим моментом столетия».

Англичане использовали день 17 июня, чтобы занять выгодные оборонительные позиции, в то время как французы полагали, что они «зализывают раны». Наполеон послал в Париж реляцию о победе в битве при Линьи, которая появилась в прессе, и победа была отпразднована в столице.

Для Наполеона, известного своими высказываниями о том, что в военное время нельзя терять ни минуты, его собственная, хотя и относительная, бездеятельность 17 июня, как считает автор, почти необъяснима. Он потратил этот день на диктовку писем, на осмотр поля боя. Тогда же он нарушил другой свой принцип – не распылять своих сил: он послал маршала Груши преследовать пруссаков с 30 тыс. кавалерии и пехоты при 96 орудиях, – большая сила, в которой он будет отчаянно нуждаться на следующий день при Ватерлоо. Сам Груши, человек весьма инертный, считал, что вдохновение во время войны может быть только у главнокомандующего, а лейтенанты должны лишь исполнять приказы. И он буквально исполнял приказы Наполеона, стараясь настичь пруссаков и не дать им соединиться с армией Веллингтона.

Кроме того, Наполеон и Ней упустили имевшуюся возможность атаковать англичан при их отходе из Катр-Бра. Французская армия следовала за Веллингтоном, пытаясь дать ему сражение до того, как армия Блюхера перегруппируется и соединится с ним. Наполеон имел большие силы, чем Веллингтон или Блюхер по отдельности, но не больше, чем они располагали бы вместе.

Перед рассветом 18 июня Веллингтон получил сообщение Блюхера, что утром на помощь ему он пошлет не только корпус Бюлова (не принимавший участия в битве при Линьи), но и фактически всю армию, оставив лишь корпус, обороняющий Вавр от войск Груши. Послание Блюхера обрадовало Веллингтона и радикально изменило его представление о предстоящем сражении. Теперь он подумывал о том, чтобы разгромить Наполеона неожиданным ударом во фланг свежими силами.

Между тем Наполеон был пока в неведении, что пруссаки менее чем за 48 часов смогли из отступающего войска опять стать, благодаря усилиям своего командующего, дисциплинированной армией, готовой вновь сразиться с французами. А Груши, несмотря на наличие у него больших сил, всё никак не мог войти в соприкосновение с арьберггардом пруссаков. Веллингтон, зная о том, что его левый фланг будет защищать прусская армия, усиливал свой правый фланг и центр.

После потерь в Линьи и в Катр-Бра (17 500 человек) и отделения войск Груши (30 000 человек) французская армия насчитывала 53 400 пехотинцев, 15 600 кавалеристов, 6500 артиллеристов, обслуживавших 246 пушек, что наряду с 2000 технического персонала и санитаров составляло всего 77 500 человек. У Веллингтона было 53 800 пехотинцев, 13 350 кавалеристов, 5000 артиллеристов, обслуживавших 157 орудий, и 1000 человек технического персонала; всего 73 150 человек. Прусские войска, способные оказать помощь Веллингтону, насчитывали 49 000 человек.

Утром 18 июня всем было ясно, что в этот день произойдет сражение, которое по своему масштабу будет стоять в одном ряду с битвами при Маренго, Фридланде, Аустерлице, Бородине, Лейпциге. Накануне Ватерлоо Наполеон был настроен весьма оптимистично, считая предстоящее сражение чем-то вроде «пикника». Ход самой битвы автор, в соответствии с историографической традицией, условно делит на пять этапов (фаз), и соответственно самый большой раздел в книге («Сражение») включает пять подразделов.

Автор пишет, что Веллингтон выбрал хорошую позицию для боя. Он всегда был силен в военной топографии и сделал так, чтобы укрыть пехоту от артиллерийского огня, а у Наполеона уже перед битвой намечались проблемы. Когда его младший брат Жером Бонапарт сообщил, что пруссаки скоро придут на помощь Веллингтону, Наполеон не придавал этой информации никакого значения. Важную роль сыграл и другой факт. Ливень, обрушившийся на Ватерлоо и превративший землю в месиво, мог затруднить и быструю дислокацию войск, и их наступление и значительно затруднить работу артиллерии.

Наполеон делал ошибки. Вместо того чтобы приказать Груши немедленно возвратиться и соединиться с главными силами армии, он в 10 часов 17 июня приказал ему двигаться на Вавр, преследуя пруссаков.

Размеры поля сражения при Ватерлоо (три мили на полторы) сильно ограничивали возможные варианты тактики. Позиция Вел-

лингтона фактически исключала крупные фланговые обходы как с востока (фермы Паплот, Ла-Э-Сент и др.), так и с запада. Поэтому Наполеону пришлось прибегнуть к наступлению с фронта. Со времени Бородинской битвы, стоившей французам ужасающих потерь, император свыкся с тем, что это – неизбежная цена лобовых атак. Его план сводился к тому, чтобы сокрушить центр обороны Веллингтона, рассеять его армию и открыть себе путь на Брюссель.

Никто не знает точного времени, когда началось сражение при Ватерлоо. Первой его фазой стало наступление французской армии у замка Угумон – бомбардировка и атака корпуса Рейля. 2600 солдат, защищавших замок, приковали к себе значительные силы французов (12 700 человек). Схватка за Угумон продолжалась больше 8 часов.

Автор отмечает, что искусство ведения войны в наполеоновскую эру зависело прежде всего от эффективного взаимодействия кавалерии, пехоты и артиллерии. При Ватерлоо ни Наполеон, ни его генералы не сумели его организовать. Зато это удалось Веллингтону. Наполеон надеялся, что получасовой огонь французской артиллерии ослабит центр и левый фланг англичан настолько, что корпус д'Эрлона сумеет пробить брешь в обороне противника. Во второй фазе сражения и была предпринята эта попытка. К 13:30 Наполеон знал точно, что к Веллингтону начинает прибывать помощь – пруссаки Бюлова. И в это время император послал в атаку корпус д'Эрлона, насчитывавший 16 000 человек. Им предстояло пересечь неровную местность приблизительно в 1300 ярдов. Наступление велось колоннами, кавалерия защищала фланги, но осложнения возникли в центре наступающих.

Часть историков считают, что наступление колоннами уже тогда было устаревшей тактикой и надо было применять развертывание в линию. Впоследствии Веллингтон сказал, что Наполеон совсем не маневрировал, наступая по-старому – колоннами.

Вначале, однако, корпус д'Эрлона имел успех и, несмотря на потери, достиг гребня холма, который обороняли солдаты Веллингтона. Если бы ему удалось здесь закрепиться, он, возможно, сумел бы выполнить свою задачу. Но французская конница, защищавшая левый фланг д'Эрлона, была атакована британской кавалерией, а его пехоту контратаковали в центре. Не выдержав натиска, французы побежали. Д'Эрлон потерял четверть состава своего корпуса, в том числе 2000 человек пленными. Новые атаки французской кавалерии уже не смогли переломить ситуацию.

Борьба за Угумон и Ла-Э-Сент продолжалась, но нигде Наполеону не удавалось взять верх над противником.

Тем временем части прусской армии все прибывали. Некоторые из генералов Груши советовали ему бросить преследование пруссаков и немедленно повернуть на звук канонады – помочь Наполеону. Однако боязнь Груши нарушить письменный и уже явно устаревший приказ императора заставила его продолжить марш в прежнем направлении. К тому моменту, когда он получил приказ Наполеона идти на соединение с главными силами армии, его войска уже втянулись в бой у Вавра.

В 16:30 французы, зная о меняющемся балансе сил в связи с возрастающей численностью пруссаков, еще имели возможность отступить и ждать возвращения Груши. Наполеон, возможно, сумел бы таким образом продлить на некоторое время свое пребывание на троне. Но он был игрок – часто испытывал судьбу, и ему удавалось выходить из безнадежного, казалось бы, положения.

Третья фаза знаменовалась атакой французской конницы. Ошибка Нея заключалась в том, что 10 000 всадников (вся кавалерия Наполеона, кроме гвардейской) с 40 орудиями конной артиллерии наступали на узком фронте в 1100 ярдов против 13 000 пехотинцев, построенных в каре, прикрытых кавалерией (7000 человек) и поддерживаемых огнем 75 орудий. Пересечённая местность затрудняла наступление французов. Пехота Веллингтона стояла твердо. Между 16 и 18 часами волна французской конницы откатилась. Потери ее были огромны. Несколько генералов было убито. Выжившие в атаке были предельно измотаны. В 18:30 наступление окончательно прекратилось. Еще до этого, в 17:30, две бригады Бюлова ударили по войскам генерала Любау у Фишермона. Два других прусских корпуса, Пирха и Цитена, пришли на помощь Веллингтону, и он наконец увидел перспективу победы.

В четвертой фазе сражения успех больше сопутствовал французам. Им удалось взять Ла-Э-Сент, отбросить войска Бюлова от Планшуа и несколько ослабить центр неприятельской позиции. В пятой фазе Наполеон попытался переломить ход сражения, бросив в бой свою гвардию. Гвардейцев вел Ней. Под ним было убито пять лошадей. Благодаря четкому взаимодействию пехоты и артиллерии англичанам удалось отбить атаку, а внезапная контратака британской пехоты заставила французов в беспорядке отступить. Веллингтон снял шляпу и подал ею сигнал к общему наступлению.

В 20 часов среди французов началась паника. Раздались крики «Гвардия бежит!» и «Спасайся, кто может!». Такого еще никогда

не было во французской армии. Это означало, что сражение проиграно. Армия разваливалась на глазах Наполеона, который еще пытался спасти ситуацию в Ла-Э-Сенте, но и там потерпел фиаско. В сопровождении небольшой охраны он вернулся в Париж, а еще через месяц сдался англичанам и был доставлен вначале в Плимут, а затем на остров Св. Елены, где и находился почти шесть лет до самой смерти в мае 1821 г.

В заключении Э. Робертс делает акцент на ошибках противоборствующих сторон и историческом значении битвы при Ватерлоо. Он полагает, что по сравнению с некоторыми промахами Веллингтона ошибки, допущенные Наполеоном и его генералами, много серьезнее. Но описание сражения при Ватерлоо не должно напоминать «каталог ошибок с обеих сторон». Робертс напоминает, что к началу боя французы обладали численным превосходством над противником. Они одержали победы в столкновениях с войсками Веллингтона и Блюхера двумя днями ранее. Французская армия была гомогенной национальной силой. Боевой дух ее солдат был высоким, потому что они верили своему командующему. Результат сражения, таким образом, ни в коей мере не был предопределенным.

В.М. Шевырин

Кинг Д.

БИТВА ДИПЛОМАТОВ, ИЛИ ВЕНА, 1814 / Пер. с англ.

Лобанова И.В. – М.: АСТ: Апрель, 2010. – 477 с.

(Реферат)

В книге Д. Кинга, состоящей из 33 глав, анализируются причины созыва конгресса, проходившего в Вене с сентября 1814 по июнь 1815 г., причины его проведения, значимость для формирования послевоенной системы международных отношений. Большое внимание уделяется тому, что происходило за кулисами Венского конгресса – проявлениям тайного и явного соперничества, интригам и закулисным сговорам.

Революционные и Наполеоновские войны, пишет автор, породили множество сложных проблем в Европе. Союзники полагали заняться ими после победы и заключения Парижского мирного договора 30 мая 1814 г. Они рассчитывали на то, что великодушные условия мира помогут новому королю Людовику XVIII утвердиться на троне и интегрировать страну в мировое сообщество. Победители не подвергли Францию неизбежным в таких случаях наказаниям, не потребовали контрибуции, не оккупировали страну и не наложили ограничений на ее вооруженные силы (с. 16).

Статьей XXXII Парижского договора предусматривался созыв «общего конгресса» с участием уполномоченных представителей всех стран, участвовавших в войне с обеих сторон. Однако в секретном приложении к договору право организовать конгресс и установить процедуры его проведения было предоставлено странам «Большой четверки», в которую вошли уполномоченные Австрии, Великобритании, Пруссии и России.

Главы 216 больших и малых государств начали съезжаться на мирную конференцию в Вену уже летом 1814 г. Им предстояло разрешить множество проблем относительно послевоенного уст-

ройства Европы. Формально приглашения на конгресс не рассылались, о нем было объявлено в газетах. Помимо официальных делегаций, на конгресс приехало множество самостийных представителей и просто любителей поразвлечься со своими идеями и проектами. Это первое крупное международное миротворческое мероприятие, как подчеркивает автор, отличалось не только масштабностью проблем, но и взрывоопасным составом делегаций. Достичь мирного согласия оказалось не менее сложным, чем нанести поражение Наполеону. После победы разногласия проявились с новой силой, «дополненной жаждой мести» (с. 23).

Австрию представлял искушенный в дипломатии князь Меттерних, который слыл «самым выдающимся дипломатом современной истории», не слишком разборчивым в выборе средств для достижения своей цели (с. 27). Россия, по мнению автора, дала конгрессу светскую звезду первой величины – царя Александра I. Он считался интеллектуалом, но отличался импульсивностью. Поведение его было всегда загадочно и непредсказуемо. Однако никто не мог игнорировать потери России и то, что она имела право требовать компенсации за нанесенный Наполеоном ущерб (с. 15). Особенно капризной, полагает автор, была делегация Пруссии, бывшей тогда слишком сильной, чтобы отнести ее к разряду малых государств, но недостаточно сильной, чтобы считать ее великой державой. Пруссия требовала возмещения потерь, понесенных страной в результате «урезания» ее территории французскими интервентами (с. 15).

Несмотря на то что Британия всё еще находилась в состоянии войны с США, Лондон отдавал предпочтение конференции в Вене. То, что Англия была единственной державой, от начала до конца противостоявшей Наполеону, делало британскую делегацию весьма влиятельной на переговорах в Вене. Возглавлявший ее лорд Роберт Каслри, которого автор считает отцом-основателем современного британского Форин-офиса, энергично отстаивал интересы страны. В недавней союзнице Британии – Российской империи – Каслри видел новый потенциальный источник угрозы (с. 47).

Побежденную Францию, пишет Д. Кинг, представлял «гений и циник», князь Шарль Морис де Талейран-Перигор. Его коллег в Вене тревожила близость Талейрана с Наполеоном, поскольку не кто иной, как Талейран, помог Наполеону захватить власть во время переворота в 1799 г. Однако тот же Талейран способствовал падению Наполеона и возвращению Бурбонов (с. 37).

Начало официальной работы конгресса долго откладывалось, а на первой же пятичасовой секретной встрече «четверки» 15 сентября Меттерних выступил с предложением о том, что принимать решения будет только «Большая четверка». Прусские и русские посланники полностью с ним согласились, лорд Каслри отнесся к рассуждениям Меттерниха скептически. Четыре державы учредили «центральный комитет» (или «управляющий комитет»), который должен был взять под контроль весь процесс – от выработки повестки дня до принятия окончательных решений (с. 63). Таким образом, Венский конгресс, считает автор, проводился в узком кругу лиц за закрытыми дверями, а в истории дипломатии впервые появилось понятие «великой державы», наделенной особыми привилегиями.

Участникам встреч долго не удавалось договориться практически ни по одному вопросу. Руководители делегаций пререкались по малейшему поводу: кто должен первым войти или выйти из комнаты, подписать документ; кто и с кем должен сидеть за ужином. В результате немало дел на конгрессе застопорилось, в частности, так и не состоялась формальная церемония открытия. Всем было ясно, что назрела необходимость выработать определенные нормы дипломатических процедур, однако не существовало даже общих подходов к решению этой задачи. Для того чтобы разобраться в этих и других вопросах, были созданы предложенные Талейраном многочисленные специальные комитеты и комиссии (с. 178).

Лорд Каслри предлагал коллегам включить Францию в состав участников дискуссий или хотя бы информировать посольство о принятых решениях, вскоре к его мнению присоединился и Меттерних (с. 72). Талейран, выступая против превращения конгресса в закрытый клуб избранных «верховных арбитров» Европы, делал упор на то, что наполеоновскую идеологию узурпации власти и принятия единоличных решений следует исключить из международной практики. Таким образом, Талейран со всей решимостью отстаивал интересы малых государств. Министр иностранных дел страны, которая еще недавно проглатывала одну малую нацию за другой, чудесным образом трансформировался в их защитника (с. 105).

Однако Венский конгресс прославился не только как самая изощренная «битва дипломатов», в которой сошлись лучшие политические умы тогдашней Европы. Несмотря на то, что Австрия, пострадавшая от войны, финансово и экономически была несостоятельна, император Франц был доволен тем, что ему выпала честь выступать в роли устроителя конгресса. Заботясь о досуге своих сиятельных гостей, император учредил специальный «фестиваль-

ный комитет», и делегаты в предвкушении длительного мира предались самым грандиозным в истории нескончаемым празднествам.

Предполагалось, что переговоры займут три-четыре недели. Поднаторевшие в дискуссиях дипломаты рассчитывали на шесть недель, которые, однако, растянулись на девять месяцев. Неделями дипломаты жонглировали цифрами, и, естественно, статистические выкладки одной стороны отвергались другой.

Среди многих проблем переустройства Европы резкие расхождения между союзниками выявились прежде всего по польско-саксонскому вопросу. Русские дипломаты ставили своей целью присоединить к России почти все польские земли, предлагая компенсировать потерю Пруссией части Польши передачей ей Саксонии. Этот план встретил противодействие Великобритании, опасавшейся дальнейшего роста могущества России, а также Австрии, стремившейся помешать укреплению позиций как России, так и своей соперницы Пруссии.

1814 год заканчивался, а конгресс, как выразился посланник Ватикана кардинал Консальви, делал «один шаг вперед и два шага назад». И после трех месяцев совещаний и переговоров миротворцы были разделены на две противостоящие команды: Россия и Пруссия на одной стороне, Австрия и Британия – на другой.

Талейран мертвой хваткой держался за принципы международного права и справедливости, Меттерних предпочитал компромиссы и сделки (с. 203). Поскольку проблема Саксонии стала общеевропейской, британцы и австрийцы решили прислушаться к уговорам Талейрана и узнать мнения других государств (с. 212). Тем более что в венских салонах и миссиях много говорили о наглом захвате Саксонии пруссаками и квалифицировали его не иначе, как попрание международного права.

Исключительно важным для ускорения переговорного процесса, уверен автор, стало такое международное обстоятельство, как прекращение войны в Америке. Теперь Великобритания могла сосредоточить свое внимание только на Европе. Каслри раздражало наглое поведение Пруссии и России, и он решил принять предложение Талейрана о британо-франко-австрийском альянсе. Меттерних также был убежден в том, что настала пора обуздать амбиции Александра I. К этому времени Талейран получил полное право войти в управляющий комитет «Большой четверки», центральный орган руководства Венским конгрессом. За три с половиной месяца, прожитые в Вене, он вывел униженную и побежденную Францию в высшую лигу великих держав. Трехсторонние переговоры ве-

лись втайне, соглашение готовилось в спешке, и его подписали 3 января 1815 г. (с. 213).

К этому времени царь начал сомневаться в разумности безоговорочной поддержки Пруссии. К тому же Александр подозревал, что между Британией, Австрией и Францией заключена какая-то сделка. Заставляло задуматься и то, что, поддерживая прусские территориальные претензии, он реально ничего не получает взамен. Более того, этот «союзник» может втянуть Россию в ненужную войну из-за Саксонии. Александр I даже изъявил готовность обсуждать проблему Польши, от чего прежде недвусмысленно отказывался (с. 214).

Февраль оказался плодотворным месяцем, и хотя балы не прекращались, но, как отмечают очевидцы, все вдруг погрузилось в работу. В результате великие державы пришли к согласию относительно создания Польского королевства. Новое Польское королевство получалось намного меньше, чем это виделось русскому царю. Тем не менее, по Конституции, Польша «навсегда придавалась» России, а ее королем становился Александр I. Компромисс многим пришелся не по душе, особенно польским патриотам.

К февралю великие державы более или менее определились и с решением саксонской проблемы. Несмотря на протесты Пруссии, Саксонское королевство сохранялось (с. 241). Однако к Пруссии перешли значительные территории, ее население увеличивалось до обещанных 10 миллионов. Хотя ее делегация и многие «патриоты» в самой Пруссии были разочарованы тем, что получили лишь малую часть того, на что рассчитывали, пруссакам достались территории, позволившие им совершить головокружительный экономический взлет и сыграть ведущую роль в воссоединении Германии. Ни лорд Каслри, ни его коллеги-миротворцы даже не догадывались, какой подарок они преподнесли пруссакам (с. 348). Похоронив вековое соперничество Бурбонов и Габсбургов, конгресс втянул Пруссию в Рейнскую область и посеял зерна новых раздоров, чреватых для Европы военным противоборством (с. 245).

Между тем в Вену поступало все больше информации, свидетельствующей о политической нестабильности во Франции. Король Людовик XVIII, пробыв на троне всего шесть месяцев, стал крайне непопулярен, и французы ненавидели его правительство точно так же, как и режим, существовавший накануне революции. Все это усложняло жизнь Талейрану. Он представлял короля, терявшего контроль над страной, в которой зрели заговоры, волнения и беспорядки (с. 194).

Внезапно «счастливая вольная жизнь» миротворцев кончилась. Бонапарт сбежал, и никто не знал, куда направился «самый грозный после Чингисхана полководец». Формально Венский конгресс не признавал власть Наполеона, однако среди посланников были и его явные доброжелатели, особенно те, кто затаил недовольство деятельностью конгресса. Очевидно, полагает автор, своеобразное удовлетворение от успехов Наполеона испытывали пруссаки. Они не боялись войны: напротив, война помогла бы стереть Францию с лица земли или разделить ее на мелкие государства, а территории на востоке, вроде Эльзаса и Лотарингии, присоединить к Германии. Наполеон мог надеяться и на то, что Австрия подпишет мир и признает его правителем Франции, поскольку у него и жена, и сын – Габсбурги. Некоторые делегаты действительно подозревали Меттерниха в тайных замыслах признать Наполеона правителем Франции. Наполеон рассчитывал заманить на свою сторону и Талейрана, обещая простить его (с. 279), но Талейран проигнорировал это предложение.

Русский царь по-прежнему сожалел о том, что когда-то согласился вернуть Бурбонов на трон. К тому же Наполеон послал царю копию секретного договора между Британией, Австрией и Францией. Александр I уже давно догадывался о существовании подобного тайного сговора, но предпочел сдерживать гнев и, учитывая ситуацию, не стал ссориться по этому поводу с союзниками (с. 286).

Весной всё внимание участников конгресса было сконцентрировано на подготовке к войне. Миротворцы обсуждали назначение командующих, дислокацию войск, возможности расширения альянса, общую стратегию борьбы с Наполеоном. Нависшая угроза новой войны сблизила участников конгресса. Для всех было очевидно, что союзники должны собрать огромную силу и нанести сокрушительный удар, «нахлынув во Францию со всех сторон». После недавней войны немногие страны располагали достаточными ресурсами для новой крупномасштабной военной кампании (с. 277). Все рассчитывали на финансовую помощь Лондона. Однако Британия немало потратилась на французского короля и вряд ли, по мнению автора, могла бросить его на произвол судьбы. Кроме того, как считали английские дипломаты, Людовик гарантировал Лондону более дружественную Францию и более стабильный мир.

Пока все эти вопросы дебатировались в парламенте, газетах и клубах по всей стране, герцог Веллингтон заявил о полной поддержке Британией войны против Наполеона. Это было рискованное решение даже в условиях относительной самостоятельности и

свободы действий британского внешнеполитического ведомства. Как бы то ни было, герцог Веллингтон проявил твердость и фактически обязал Британию участвовать в войне (с. 284). Успехи Наполеона не радовали Талейрана. Ему вовсе не хотелось новой оккупации Франции, и он прилагал все усилия, чтобы союзники видели своим врагом не Францию, а персонально Бонапарта (с. 262).

Лидеры конгресса задумали подготовить общий договор, который бы инкорпорировал все решения, принятые на конференции. Это должно было усилить впечатление единства и согласия. Потенциальному агрессору будет труднее иметь дело с блоком держав, чем с отдельными странами или группами стран. К тому же уполномоченные делегаты считали, что договор в любом случае будет полезен для будущего Европы.

Итоговый документ Венского конгресса – «Заключительный акт», состоящий из 121 статьи и приложений, – был подписан 9 июня 1815 г., за несколько дней до поражения Наполеона при Ватерлоо и его отречения. Это была церемония, пишет автор, более или менее похожая на реальную конференцию. Но и тогда это не был в полном смысле конгресс: далеко не всем делегатам было позволено участвовать в подписании документа. Подписывали его только представители «комитета восьми», остальные должны были «присоединяться к нему по отдельности». Это решение раздражало и оскорбляло тех, кого снова лишали права голоса (с. 300).

После Ватерлоо Британия настояла на своем решении – во второй раз Людовик XVIII вернулся с британской армией. Это было сделано оперативно, никто из его соперников даже не успел выдвинуть претензии на власть. Людовик получил корону, но пока еще не имел реальной власти, поскольку в столице царил хаос.

Французов и, конечно, Талейрана, пишет автор, встревожило поведение великих держав после Ватерлоо. Если вернувшийся из Лондона лорд Каслри вместе с герцогом Веллингтоном не хотели навязывать Франции мстительных условий мира, которые не способствовали бы стабильности в Европе (с. 326), то Пруссия придерживалась другого мнения. Командующий ее армией Блюхер называл Францию «преступной страной», заслуживающей наказания. Некоторые прусские генералы, вдохновившись неожиданно скорой победой, требовали расчленить Францию. На пути в Париж пруссаки вели себя как разбойники с большой дороги, и, оказавшись в столице, прусские войска повели себя так же. Русский самодержец был настроен иначе и сделал всё возможное, чтобы сис-

тема отношений, созданная Венским конгрессом, была дополнена провозглашением в сентябре 1815 г. Священного союза.

Александр I надеялся, что Священный союз станет венцом миротворческой деятельности этого года. Но его инициативу затмил другой договор, подписанный в Париже в ноябре 1815 г. теми же тремя державами и Великобританией. Союз четырех держав поставил целью крепить сплоченность и могущество военного альянса, сокрушившего Наполеона, и поддерживать мир и стабильность в Европе (с. 334). Четверной союз создал прецедент институционального международного мирного урегулирования. Любой военный конфликт признавался недопустимым без коллективного согласия великих держав. Это было, по мнению автора, одно из самых значительных достижений послевоенных мирных переговоров.

Однако, подчеркивает автор, не следует забывать, что Венский конгресс подвергался беспощадной критике, особенно за празднества и склоки, отвлекавшие миротворцев и мешавшие переговорам. Тайная дипломатия венских миротворцев создавала обстановку подозрительности и недоверия. Закрытые совещания вызывали недовольство, многие государства оказались в роли пассивных наблюдателей. Перекраивая Европу, конгресс совершенно не обращал внимания на подлинные интересы народов, посеяв зерна недовольства и новых революций и войн в будущем (с. 343). Не только лорду Каслри пришлось сожалеть о том, что Венский конгресс не уделил должного внимания взаимоотношениям между Россией и Турцией по поводу Балкан, Черного моря и Восточного Средиземноморья, что в будущем способствовало Крымской войне (с. 345).

Однако праздному стилю Венского конгресса, считает автор, можно найти и оправдание. Если бы конгресс закончился раньше и союзники разъехались по домам, им было бы намного сложнее координировать свои действия против Бонапарта (с. 342).

В целом же, подводит итог автор, если даже Венский конгресс не был единственным фактором поддержания длительного мира, то, по крайней мере, он сыграл в этом главную роль. Миротворцы создали систему коллективной безопасности. Впервые появился международный форум, где могли встречаться лидеры государств, обсуждать и устранять разногласия и проблемы. Регулярные встречи прекратились в 1822 г., но практика консультаций для разрешения конфликтов по примеру конгресса продолжалась почти столетие. Венский конгресс породил дух международного сотрудничества, послуживший примером для последующих конференций (с. 348).

В.С. Коновалов

Майер К.Й.
СОЛДАТЫ НАПОЛЕОНА:
ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ВЕЛИКОЙ АРМИИ
(Реферат)

Mayer K.J.

Napoleons Soldaten: Alltag in der Grande Armée. – Darmstadt:
Primus Verlag, 2008. – 145 S.: Ill.

Книга германского историка Карла Й. Майера (специалист по истории Бюртемберга, военной истории, истории международных отношений в 1920–1930-е годы) посвящена повседневной жизни военнослужащих Великой армии Наполеона. Как отмечается во вводной главе, эта тематика до сих пор не привлекала интереса исследователей. В своей работе Майер опирается на дошедшие до нас воспоминания, дневники и письма немногочисленных ветеранов Наполеоновских войн, решивших донести свой опыт до потомков. Солдатские мемуары не предназначались для публикации, обычно они были адресованы членам семьи или друзьям. Источники такого рода, представляющие собой попытку осмысления описываемых событий «снизу», содержат немало любопытных подробностей.

Наиболее активно в монографии используются воспоминания трех солдат: Якоба Вальтера, Якоба Рёрига и Якоба Клауса. Вальтер был родом из Швабии, по профессии каменщик, участвовал в войнах 1806 и 1809 гг. В январе 1812 г. снова был призван в армию, воевал в России, в декабре сумел вернуться на родину. Рёриг, школьный учитель из Пфальца, был призван в марте 1812 г. Участвовал не только в Русском походе, но и в боевых действиях в 1813 г. против войск Шестой коалиции, защищал Париж в 1814 г. Его земляк Клаус воевал в Испании, в апреле 1812 г. был тяжело

ранен, в декабре после выздоровления признан негодным к военной службе и демобилизован из армии.

Кроме воспоминаний этих трех авторов Майер использует и некоторые другие источники. «Мемуары, дневники и письма простых солдат, – отмечает он, – позволяют воспроизвести и понять их повседневность в те годы: марши, бивуаки, расквартирование, голод, мародерство и грабежи, изношенную одежду, переживание боя, ранения или болезни, плена, но также тоску по родине и мотивацию к тому, чтобы продолжать сражаться дальше невзирая на все нагрузки и лишения; часы досуга, отношение к офицерам и гражданскому населению, возвращение домой и жизнь после войны» (с. 12).

В эпоху революционных войн во французской армии была выработана новая тактика, на смену линейной тактике пришло сочетание колонн и рассыпного строя. Парадоксальным образом эти инновации были связаны с низкой боевой подготовкой первых революционных батальонов. «Необходимость, – отмечает автор, – превратилась в добродетель» (с. 14). И всё же подлинным новшеством стали сами солдаты. Наёмные войска европейских монархий впервые столкнулись с армией, комплектовавшейся из вооруженных граждан на основе всеобщей воинской повинности. Бойцы Французской республики воевали за идею, что обусловило совершенно иной уровень мотивации. В начале XIX в., когда республика сменилась диктатурой Наполеона, эта армия перешла от оборонительных войн к завоевательным.

Всеобщая воинская повинность была введена в 1793 г.; в дальнейшем в законодательство вносились уточнения. Число людей, подлежащих призыву, варьировалось из года в год в зависимости от обстановки. За уклонение от службы и дезертирство предусматривалась система наказаний, вплоть до смертной казни за дезертирство в военное время. Наказанию (например, в виде постоянной повинности) могли подвергаться и семьи уклонистов и дезертиров. Вновь призванные солдаты, опять же в зависимости от ситуации, могли провести довольно много времени в учебных частях, но могли и отправиться на войну после короткой десятидневной начальной подготовки.

В силу определенных особенностей наполеоновской армии между бойцами во взводах и ротах обычно не складывались прочные товарищеские отношения. Как офицеры, так и солдаты ассоциировали себя скорее со своим полком, который воспринимался как большая семья и расставание с которым переживалось особенно

тяжело. В полку более прочные отношения существовали чаще между земляками, нежели между солдатами, служившими в одном подразделении. Если в армиях европейских монархий офицерами обычно были дворяне, которые требовали от солдат строгого и безусловного подчинения, то во Франции после революции этот барьер был разрушен – грамотный солдат имел вполне реальные шансы стать офицером; это делало возможным критическое отношение к действиям собственного начальства. Видимо, по той же причине в немецких частях Великой армии было меньше случаев неповиновения, чем в собственно французских.

В эпоху революционных войн французские солдаты считали, что сражаются за свободу, равенство и братство, против тирании, против врагов республики. При Наполеоне Франция, по выражению автора, «экспортировала пограничные столбы и королей, а не идеи» (с. 31); в этих условиях основу мотивации солдат составил патриотизм: они воевали за могущество своей страны. Кроме того, при Наполеоне была создана неплохая система поощрения отличившихся военнослужащих. Так, орден Почётного легиона для многих солдат был более желанной наградой, нежели денежные премии или продвижение по службе. Важную роль в системе воинских традиций наполеоновской армии играло знамя полка. Вновь сформированные полки получали знамя только после первого боя, позором считалось отдать знамя врагу (впрочем, фигуру орла, венчающую древко, солдаты обычно называли непочтительно «кукушкой»). Большое значение имел и авторитет самого Наполеона как императора и выдающегося полководца. Майер, однако, отмечает, что этот фактор преувеличивать не следует. Миф о преклонении солдат перед Наполеоном сформировался в основном под влиянием мемуаров, где образ императора-полубога возник как результат ретроспективного осмысления описываемых событий. В солдатских письмах Наполеон почти не упоминается; на полях сражений клич «Да здравствует император!» тоже звучал не часто. «Солдаты, – отмечает историк, – мечтали о мире и возвращении домой, а не о сражениях, походах и бивуаках» (с. 37).

Немаловажной причиной военных успехов Наполеона была исключительная подвижность его армии. Французские солдаты того времени пользовались репутацией наиболее выносливых на марше. Если цель похода была ясна, бойцы с готовностью переносили даже самые тяжелые нагрузки. Однако обратной стороной медали являлись регулярные перебои с подвозом продовольствия. В XVIII в. воюющие армии снабжались со складов на тыловых

базах; если армия слишком сильно удалялась от базы, на оккупированной территории создавалась новая база. Это позволяло гарантировать стабильное снабжение (что было немаловажно для поддержания дисциплины в наемной армии) и уберечь мирное население от грабежей. В эпоху революционных войн Франция отказалась от этой системы, заменив ее реквизициями продовольствия у местного населения. Такие же методы снабжения применялись и при Наполеоне. Это значительно повысило мобильность войск, но эффективность реквизиций сильно зависела от страны, на территории которой велись боевые действия. Даже в Центральной Европе регулярно возникали трудности со снабжением, нередкими были случаи смерти от голода, жажды или истощения. Во время подготовки к Русскому походу 1812 года Наполеон, не отказываясь полностью от реквизиций, восстановил и прежнюю систему тыловых баз, но, несмотря на предпринятые усилия, возможности его интендантской службы оказались недостаточными для снабжения Великой армии в России; как следствие, армию поразили сильнейший голод, ставший одной из причин ее катастрофы.

Когда снабжение оказывалось недостаточным, солдатам нередко удавалось купить еду у местного населения или у соседей из другой части. Как следует из источников, у военнослужащих Великой армии обычно имелись при себе деньги – не только полученные в виде жалования, но и «трофейные». Иногда они позволяли хоть что-то приобрести даже в совершенно разоренной местности.

Вооруженные силы революционной Франции унаследовали неудобное обмундирование королевской армии. Со временем оно менялось, становилось более функциональным и практичным. Этот процесс продолжился и при Наполеоне. Униформа сильно различалась в зависимости от рода войск, чина и должности, что делало ее исключительно пестрой и разнообразной. В походе, правда, солдаты обычно носили шинели, и войска выглядели менее красочно.

Несмотря на неизбежные на войне трудности, люди старались по мере сил заботиться о гигиене, поддерживать одежду в более или менее исправном и опрятном состоянии. На лагере обычно делали туалеты; во временном бивуаке нужду приходилось справлять, где придется. Особенно мучительными в этом отношении были дни боев, когда солдаты часами оставались в строю без возможности отлучиться.

Лагерь устраивали в периоды затишья; в бытовом отношении он представлял собой нечто среднее между бивуаком и посто-

янным расквартированием. От использования палаток французы отказались еще в период революционных войн, поскольку их транспортировка сильно перегружала тыловые службы. Войска на лагере размещались в деревянных или соломенных бараках; рота занимала шесть барачков, не считая отдельных барачков для офицеров и кухни. Бараки ставили ровными рядами, между ними получались своеобразные «улицы». Во время длительных стоянок бойцы, как могли, пытались облагородить свой быт, украшали бараки, организовывали праздники, например, в день рождения Наполеона.

В мирное время войска размещались в казармах или на постое у местного населения. Сами солдаты предпочитали именно второй способ расквартирования, поскольку казармы обычно были довольно плохо оборудованы, людям часто приходилось ночевать по двое на одной койке, и к тому же в казарме они оставались под постоянным контролем начальства. В солдатских воспоминаниях можно найти немало рассказов о жизни на постое. Отношения с гражданским населением складывались по-разному. Бывали и такие случаи, когда проживание в одной квартире с грубым, нередко подвыпившим и притом вооруженным солдатом превращалось для хозяев в настоящий ад, что признают и сами мемуаристы.

В перерывах между войнами и учениями военнoслужашим приходилось как-то организовывать свой досуг. Кафе в городах и лагерях обычно были дороговаты для солдат и предназначались в основном для офицеров; нижние чины выбирали заведения попроще. Как офицеры, так и солдаты с азартом играли в карты. Офицеры увлекались также бильярдом. Ещё одним развлечением, популярным в их среде, была охота, в том числе без разрешения владельца леса. Во многих частях организовывалась художественная самодеятельность.

Как и в предшествующие войны, армию сопровождали многочисленные маркитантки; довольно часто это были жены солдат или жительницы поселений, разрушенных во время боев. Известны случаи, когда они, рискуя жизнью, выносили раненых с поля сражения. Проституцией маркитантки не занимались.

Частым явлением среди солдат была тоска по дому. Лучшим «лекарством» от нее являлись, конечно, письма с новостями от родных и близких. В то же время известно, что многие бойцы воспринимали свою военную службу и участие в бесконечных войнах как приключение и возможность увидеть дальние страны, где они никогда бы не побывали, если бы не оказались в армии. Помимо всего прочего это был немаловажный мотивирующий фактор.

Собственно боевые действия в солдатских воспоминаниях почти не описываются. Тому есть две причины. Во-первых, в войнах наполеоновской эпохи сражения происходили не так уж часто, и в повседневной жизни большинства военнослужащих настоящий бой был скорее исключением. Во-вторых, с точки зрения простого солдата, имевшего возможность наблюдать только то, что происходило непосредственно вокруг него, бой обычно воспринимался как бессмысленный хаос. В тех же случаях, когда в мемуарах все-таки содержится хоть какая-то информация об участии их автора в сражениях, речь чаще всего идет об отдельных наиболее запоминающихся происшествиях, таких как «собственное ранение, гибель друга, взрыв зарядного ящика, обрушение моста» (с. 93). Описывая поведение новобранцев в первом бою (в том числе и свое собственное крещение огнем), мемуаристы отмечали не только естественный в такой ситуации страх, но и психологический барьер, связанный с моральным запретом на убийство. Авторы, пережившие опыт поражения и бегства, тоже нередко приводили свои впечатления в воспоминаниях.

Чаще, впрочем, мемуаристы писали о героизме и подвигах. Для отличившихся в бою солдат и офицеров существовала система наград и поощрений: от денежных премий до учрежденного в 1802 г. ордена Почётного легиона; за годы правления Наполеона им были награждены 34 000 военнослужащих и 1500 гражданских. Получить орден было престижно, причем для солдат имело значение не только уважение сослуживцев, но и впечатление, которое они могли произвести у себя на родине после возвращения с войны. Правда, отмечает Майер, при чтении воспоминаний следует учитывать, что «мечта о подвигах и славе часто так и оставалась только мечтой, поскольку лишь немногие были готовы идти на риск, связанный с ее осуществлением» (с. 107).

Хотя французские солдаты в большинстве своем хорошо понимали разницу между оправданным и чрезмерным насилием, обычаи войны нарушались достаточно часто. Особенно жестокими (с обеих сторон) были войны в Испании и в России, где французы столкнулись с мощным партизанским движением.

Санитарная служба французской армии функционировала довольно эффективно, особенно по сравнению с предшествующей эпохой. В каждом полку имелся свой врач, в каждой дивизии, корпусе, армии – свой госпиталь. Согласно имеющейся статистике, до 80% от общего числа потерь были вызваны пулевыми ранениями, на долю артиллерии приходилось лишь 15% убитых и раненых, на

долю кавалерии – около 5%. Существовавшие представления об убойной силе артиллерии были, таким образом, весьма преувеличены; в действительности ее огонь производил прежде всего морально-психологический эффект. Штыковые ранения были редкостью, поскольку чистый штыковой бой на практике почти не применялся. Как следует из проанализированных автором источников, полевые хирурги начала XIX в. были отнюдь не беспомощны и во многих случаях вполне успешно справлялись даже с крайне тяжелыми ранениями. В солдатских воспоминаниях осталось немало описаний того, каким кошмаром могло обернуться для раненого пребывание в лазарете; эти описания соответствуют действительности, но подобные случаи были все же скорее исключением.

Наибольшую долю среди пациентов в госпиталях составляли, однако, не раненые, а больные, поскольку о природе инфекционных заболеваний в то время было известно совсем немного. Уход за больными нередко был хуже, чем уход за ранеными, «последние, по крайней мере, были не заразными для санитаров» (с. 124). Ввиду высокой заболеваемости в войсках пытались принимать меры по профилактике инфекций.

В плену с 1792 по 1814 г. побывали тысячи французских военнослужащих. Обычай, требующий гуманного обращения с пленниками, сложился еще в предшествующий период; во многом это было обусловлено заботой европейских монархов о собственных солдатах, оказавшихся в руках врага. В эпоху революционных войн положение военнопленных резко ухудшилось. Для французов неприятельские солдаты, особенно английские, были защитниками тирании, тогда как к самим французам их противники относились как к убийцам короля и носителям опасных политических идей. При Наполеоне и Франция, и другие европейские державы вернулись к прежним обычаям. Тем не менее в разных странах отношение к французским военнопленным было неодинаковым. Меньше всего повезло тем солдатам, которые воевали в Испании и России. На Иберийском полуострове многолетняя партизанская война привела к эскалации насилия с обеих сторон, и на французский террор против местного населения испанцы отвечали в том числе и расправами над пленниками, причем наибольшей жестокостью отличались даже не герильясы, а мирные жители. Русские крестьяне и мещане часто тоже убивали пленных, казаки поступали так довольно редко.

Великобритания в 1803–1814 гг. непрерывно находилась в состоянии войны с Францией, поэтому французским солдатам, по-

павшим в руки англичан, пришлось особенно долго дожидаться освобождения. Всего через британский плен прошли 120 000 человек. 10 000 из них погибли, 18 000 человек, по большей части больных, удалось обменять. Остальные вернулись домой только после падения наполеоновской империи. Содержались они в основном вполне сносно, но сам факт многолетнего заключения в английской плавучей тюрьме был, конечно, «пыткой телесной и душевной» (с. 132).

Немало солдат, оказавшихся в плену, умерли не от ран, болезни или голода, а от депрессии, вызванной лишением свободы как таковым. Описания этой депрессии и тоски по родине содержатся в воспоминаниях многих французских военнослужащих, прошедших плен.

После поражения Наполеона в 1814 г. его солдаты наконец вернулись домой и вынуждены были вспоминать свои прежние профессии и налаживать мирную жизнь. Многие из них воспринимали это как долгожданное счастливое избавление. В то же время в последующие годы многие ветераны Наполеоновских войн, особенно офицеры, кавалеры ордена Почётного легиона, бывшие бойцы Старой гвардии вспоминали военные годы с ностальгией.

М.М. Минц

ЖЕНСКИЕ ЛИЦА НАПОЛЕОНОВСКИХ БИТВ **(Сводный реферат)**

1. Хейгеман К. «Героические девы» и «воинственные амазонки»: Вооруженные женщины, гендерный порядок и немецкая общественность в период Наполеоновских войн.

Hagemann K. «Heroic virgins» and «bellicose amazons»: Armed women, the gender order and the German public during and after the anti-Napoleonic wars // *European history quarterly*. – L., 2007. – Vol. 37, N 4. – P. 507–527. – [Электронный ресурс]. – Mode of access: <http://ehq.sagepub.com/content/37/4/507> (Дата посещения: 15.12.2011.)

2. Тоун Дж.Л. Опасная амазонка: Агустина Сарагосская и Испанская революционная война 1808–1814 гг.

Tone J.L. A dangerous amazon: Agustina Zaragoza and the Spanish revolutionary war 1808–1814 // *European history quarterly*. – L., 2007. – Vol. 37, N 4. – P. 548–561. – [Электронный ресурс]. – Mode of access: <http://ehq.sagepub.com/content/37/4/548> (Дата посещения: 15.12.2011.)

3. Каменир В. После отважной службы в российской кавалерии Надежда Дурова стала писателем.

Kamenir V. Nadezhda Durova served gallantly in the Russian cavalry – then embarked on a literary career // *Military history*. – Leeburg, 2004. – Vol. 21. – P. 24, 78. – (2 p.)

В 2007 г. журнал «*European history quarterly*» опубликовал несколько статей на тему «Гендер, нация, война в период Французской революции 1789 г. и Наполеоновских войн». Реферируются статьи, рассказывающие о роли женщин в армии, их участии в сражениях, отношениях с однополчанами. Авторы показывают, как по-разному общество реагировало на то, что женщины сражаются наравне с мужчинами, как складывались их судьбы в мирное время.

Статья профессора истории Карен Хейгеман из университета Северной Каролины (США) посвящена женщинам, воевавшим в прусской армии (1). В марте 1813 г., пишет автор, король Пруссии Фридрих Вильгельм III вступил в коалицию с русским царем в борьбе против Наполеона. В своем воззвании монарх объявил эту войну «народной и священной войной всего прусского народа» (1, с. 508). Патриотический и религиозный настрой активно поддерживался различными пропагандистскими средствами: антифранцузскими карикатурами, сатирическими фарсами, патриотическими песнями и поэмами, рекламными листками и журнальными публикациями.

В годы Французской революции и антинаполеоновских войн в Европе женщины массово участвовали в боевых действиях, пишет К. Хейгеман. По сведениям историков, во французской армии сражалось примерно 80 женщин. Прусские женщины также пытались вступить в армию, но, как правило, их обман раскрывался при медицинских осмотрах. Тем не менее, как показывают документы, в период с 1806 по 1815 г. в прусской армии сражались 22 женщины, выдающие себя за мужчин и одетые в мужскую военную форму. Однако, как считает К. Хейгеман, на самом деле их было больше, но это невозможно точно проверить.

«Героические девы», как называли их в Пруссии, столкнулись с неоднозначным отношением: некоторые признавали женский патриотизм, другие же ставили под сомнение их личную добродетельность. В целом же общественность резко отрицательно относилась к так называемым «амазонкам», которые открыто требовали сугубо мужского права носить оружие и сражаться, пишет К. Хейгеман. Поскольку во время Французской революции впервые в новой истории женщины массово участвовали в сражениях, спустя 22 года в монархической Пруссии женщины-воины ассоциировались в коллективной памяти именно с революцией. «В антифранцузской риторике “амазонки” определялись как один из ярких символов насилия и опасного радикализма якобинцев, экстремистов, пытавшихся опрокинуть “естественный порядок”» (1, с. 509). Тем не менее, продолжает К. Хейгеман, в Пруссии в 1813 г. женщины тоже пытались создать «корпуса амазонок», но в отличие от француженок у них не было политических претензий.

Значительное число женщин в армии в годы Французской революции и Наполеоновских войн можно, по мнению автора, объяснить рядом причин. Всеобщая мобилизация в большинстве стран была относительно простой, большое количество призывни-

ков означало, что медицинские осмотры будут поверхностными или формальными. К тому же политические лидеры характеризовали эти войны как «народные», т.е. призывали к массовой защите национальных и патриотических интересов.

Большинство женщин, сражавшихся в Прусской армии против Наполеона, были в возрасте между 18 и 25 годами, так же как и волонтеры-мужчины. В основном это женщины из бедных слоев, дочери солдат, фермеров, ремесленников. Большую известность получила Элеонора Прохаска, дочь бедного сержанта из Потсдама. Ей было 28 лет, когда под именем Августа Ренца она вступила в самый известный волонтерский корпус барона фон Лютцова. Волонтеры говорили о себе как о «братстве» молодых немцев, принявших решение сражаться за освобождение своей родины.

После смерти Элеоноры в октябре 1813 г. популярная газета «*Berlinische Nachrichten*» опубликовала ее письма к младшему брату, в котором девушка не только объясняет, почему она решила пойти на войну, но и рассказывает о повседневной жизни в корпусе. Тайна Элеоноры была раскрыта после ранения, оказавшегося смертельным. Похоронили ее с воинскими почестями.

Первое время Э. Прохаску называли «германской Жанной д'Арк». Уже в декабре 1813 г. в государственной газете для солдат «*Preußische Feldzeitung*» была опубликована анонимная поэма, прославляющая «германскую деву». Впоследствии ей были посвящены стихотворения, газетные публикации, драмы, музыку к одной из них написал Л. ван Бетховен. В этих произведениях прославлялись ее боевой дух и мужество. Это должно было подтолкнуть солдат к героическим деяниям, замечает К. Хейгеман. Элеонора Прохаска – единственная женщина-воин, удостоенная воинского мемориала. В 1865 г. недалеко от места последней битвы в Данненберге на деньги прусского государства был возведен памятник, позже с помощью меценатов был воздвигнут памятник в ее родном Потсдаме.

Однако, замечает К. Хейгеман, подавляющее большинство женщин, сражавшихся наравне с мужчинами, не удостоились таких почестей или были просто забыты. Например, Мария Вердер сражалась в гусарском полку. Другая женщина-воин – Фредерика Крюгер, дочь макленбургского фермера, в 19 лет вступила в Кольбергский пехотный полк под именем Августа Любека. Она выдавала себя за портного, но однополчане вскоре раскрыли ее тайну и доложили командиру. Девушка так настойчиво требовала оставить ее в армии, что командир разрешил.

Хотя Фредерика была удостоена высокого звания сержанта, награждена Железным крестом – «первой наградой, принятой в начале войны, за воинский героизм, независимо от социального статуса и ранга» (1, с. 517–518), ее послевоенная жизнь была не простой. Примечательно, что сам прусский король послал поздравления по случаю ее бракосочетания, в котором были слова, что «теперь она может забыть, что она сержант, повиноваться мужу и всегда помнить слова Священного Писания: “Муж есть глава жены”» (цит. по: 1, с. 518). Таким образом, существующий гендерный порядок был восстановлен, подчеркивает автор. И все же в родном Мекленбурге Фредерика никогда так и не была принята как «достойная женщина».

Анна Люринг – дочь плотника из Бремена – сражалась в волонтерском корпусе фон Лютцова с октября 1813 по март 1814 г. под именем студента Эдварда Краузе. Ее истинный пол вскоре был раскрыт, но благодаря поддержке однополчан Анна прошла с ними первую кампанию. Но ее послевоенная жизнь сложилась неудачно. В столице Пруссии девушку встретили с почетом, пресса восхваляла ее как «молодую героиню». Но в родном Бремене Анна столкнулась с подозрениями и недоверием. Анне «пришлось отвести обвинения в том, что она руководствовалась нечестными и недостойными мотивами. Казалось, что эти пришедшие с войны женщины несут угрозу существующему гендерному порядку, поэтому жители Бремена и подобных городов защищали его, очерняя добродетель и честь женщин-солдат» (1, с. 519).

После того как закончилась война за независимость, германское общество стало еще более прохладно относиться к «героическим девам». Газеты, журналы, биографии, романы и другие публикации были в основном посвящены героическим деяниям мужчин. Общественность пыталась блокировать свою память, подчеркивает К. Хейгеман. Если о женщинах-воинах и упоминали, то зачастую негативно, недружелюбно, ставя под сомнение их «женскую честь». Только в «Allgemeine deutsche Frauen-Zeitung», единственном значимом женском журнале того времени, были опубликованы две статьи о «героических девах».

Статья Дж. Тоуна, профессора истории из Технологического института Джорджии (США), рассказывает о судьбе героини испанской борьбы за независимость (2). На примере ее жизни показаны особенности гендерных отношений в тот период, а также гибкость аристократических и патриархальных социальных отношений в Испании, а точнее, в области Арагон.

Агустина родилась в 1786 г. в Барселоне, в 17 лет вышла замуж за 24-летнего лейтенанта Хуана Рока. Испания в 1808 г. хотя и была сателлитом Франции, фактически находилась в состоянии гражданской войны. Король Испании Фердинанд VII был заключен Наполеоном в тюрьму, значительная часть испанской армии, ряд политических лидеров поддерживали французов, но были и те, кто боролся за независимость страны. Среди них был и муж Агустины, сражавшийся на стороне инсургентов в Каталонии. Агустина вместе с 4-летним сыном перебралась в Сарагосу. Революционная хунта под предводительством Жозе Палафокса контролировала город, и когда французы подошли к Сарагосе 15 июня, жителям раздали оружие. Раз за разом французские войска пытались взять город, но встречали сопротивление всех жителей, даже женщин и стариков. Агустина, как и другие женщины, подносила солдатам еду и воду, боеприпасы.

2 июля 1808 г. сложная ситуация возникла у ворот Портило: взрыв снаряда причинил серьезные разрушения и убил артиллеристов. Увидев это, Агустина взяла фитиль, перебралась через убитых и раненых и стала стрелять из пушки в наступающих французов. В тот день захватчикам пришлось отступить. Ещё восемь месяцев они не могли взять город. Командир испанцев Ж. Палафокс, прибыв к воротам Портило, немедленно возвел Агустину в чин солдата артиллерии. Позже он наградил молодую женщину медалью «За защиту Сарагосы» и медалью «За доблесть и патриотизм».

Агустина служила в революционной армии до февраля 1809 г., когда французы взяли Сарагосу. К тому времени из защитников почти никого не осталось в живых, в городе разразилась эпидемия тифа. Войдя в город, французы схватили Агустину, вместе с маленьким сыном отправили в Наварру. Ребенок умер в дороге, а Агустине удалось сбежать. Агустина стала знаменитостью, продолжает Дж. Тоун. Она встречалась с поэтом Дж. Байроном, который посвятил героине несколько строф в поэме «Чайльд-Гарольд». Позже Ф. Гойя запечатлел ее подвиг в офорте серии «Бедствия войны». Агустина еще несколько лет прослужила в армии и принимала участие в битве при Тортосе и в битве при Витторио в 1813 г.

Агустина Сарагосская не была единственной женщиной, вставшей на защиту Испании, пишет Дж. Тоун. Женщины принимали участие во всех драматических битвах, в защите Жироны и в битве за Мадрид. «В осадных и оккупационных войнах, когда линия фронта пролегла через дворцы, дома и церкви, у женщин были возможности сражаться, и женщины Испании использовали свой

шанс» (2, с. 553). Дж. Тоун подчеркивает, что война с Наполеоном объединила страну, на ее защиту встали женщины всех слоев населения: от герцогинь до простолюдинок. «Агустина стала иконой национального объединения, каталонкой, сражавшейся за Испанию» (2, там же). Память Агустины до сих пор почитаема в Испании.

Война Испании с Францией была революционной, пишет Дж. Тоун, потому что она разрушила старые классовые отношения, усилила национальную идентичность, нанесла удар по могуществу Церкви. Изменились и гендерные отношения: женщины стали позиционировать себя как патриотов и даже как граждан. Но женская воинственность приравнивалась к маскулинности, и после окончания войны «их “мужская” деятельность выглядела неподходящей и даже угрожающей» (2, с. 557).

После войны уделом женщины опять стала только домашняя сфера, мужские и женские миры снова были разделены. Но Агустина Сарагосская, женщина-воин, не захотела мириться с существующим порядком и возвращаться к прежней домашней жизни. Вместе с мужем она осталась служить в армии. В 1824 г. Хуан Рока умер, довольно быстро Агустина вышла второй раз замуж за молодого врача из Валенсии, вскоре у них родилась дочь. Но этот брак был недолгим и распался по политическим мотивам. Покинув мужа, Агустина вместе с дочерью переселилась в гарнизон в испанской Северной Африке, где продолжила военную службу. Даже выйдя в отставку, Агустина продолжала носить мундир и медали. Агустина Сарагосская умерла в Северной Африке в 72 года. Впоследствии ее останки перезахоронили вместе с останками двух женщин-воинов в церкви Сарагосы. «Здесь она и покоится, светская святая...» (2, с. 559).

По мнению Дж. Тоуна, пример жизни Агустины показывает, что война, особенно оккупационная, позволяет проявиться женскому патриотизму. Поэтому для специалистов по гендерным исследованиям стоит обратиться к изучению этой темы, особенно в том, что касается изменения гендерных норм.

Авторитетный журнал «Military history» публикует небольшую биографическую статью, посвященную одной из самых известных русских женщин-воинов, первой в русской армии женщине-офицеру, кавалерист-девице (как ее назвал А.С. Пушкин) – Надежде Андреевне Дуровой.

Надежда Дурова родилась 17 сентября 1783 г. Ее мать – красавица, дочь богатейшего малороссийского помещика, вышла замуж за гусара Андрея Дурова вопреки воле родителей. Молодая

женщина страстно желала сына и была чрезвычайно разочарована рождением дочери, относилась к ней неприязненно. В. Каменир приводит известный факт: однажды, в дороге, мать выбросила маленькую Надю из окна кареты, потому что она громко плакала. Окровавленного ребенка подобрал отец. С того момента мать практически перестала заниматься дочерью, ее воспитателем стал дядька-солдат, что, конечно, сказалось на характере и манерах девочки, больше напоминающей резвого мальчика.

Две противоположные силы влияли на жизнь ребенка, пишет В. Каменир, – требовательная, суровая мать и мягкий, всё понимающий и любящий отец. Надя не проявляла ни таланта, ни интереса к традиционным женским занятиям, этому она предпочитала верховую езду.

В 18 лет Надежда Дурова вышла замуж за молодого секретаря суда – В. Чернова и родила сына Ивана. В мемуарах Н. Дурова детально описала свою жизнь, но о замужестве и рождении ребенка она не упомянула. Вскоре она покинула мужа и сына и вернулась в дом к отцу. Согласно ее воспоминаниям, уже в 16 лет она сбежала из дома и, выдавая себя за мужчину, завербовалась в проходящий полк. Другие источники указывают, что уже после замужества и рождения ребенка Надежда влюбилась в казачьего офицера и последовала за ним.

Надежда Дурова под именем Александра Соколова вступила в Польский уланский полк и получила боевое крещение в битве при Гуттштадте в мае 1807 г., хотя уланы и не участвовали непосредственно в битве, а ограничивались короткими боевыми вылазками. Каждый эскадрон, пишет В. Каменир, стремительно атаковал и быстро возвращался обратно, на смену ему приходил другой. Надежда была столь неопытна или столь возбуждена битвой, что участвовала в нападениях с каждым эскадроном до тех пор, пока один из офицеров не заметил ее и не отправил в родной полк.

Вскоре Надежда написала письмо отцу и попросила прощения за бегство из дома. Андрей Дуров стал предпринимать меры, чтобы вернуть дочь домой. В то же время в войсках пошли слухи о женщине-кавалеристе, вскоре они дошли до императора. Во время аудиенции в Санкт-Петербурге Александр I наградил Надежду Дурову орденом Святого Георгия и разрешил ей служить в армии, в чине корнета. Дурова выбрала Мариупольский гусарский полк, где служило много представителей аристократии. Царь выдал молодому корнету щедрое денежное пособие и предложил взять но-

вую фамилию – Александров. Кроме царя только несколько высокопоставленных чиновников знали подоплеку этой истории.

Во время войны 1812 г. Надежда Дурова сражалась в Бородинской битве, она участвовала в кампаниях 1812–1814 гг. В 1816 г. в чине капитана Надежда Дурова покинула армию и поселилась в родовом имении. Она продолжала носить мужскую одежду и требовала, чтобы к ней обращались как к мужчине. В эти годы Надежда начала писать, кроме мемуаров она написала несколько новелл и рассказов. Ее личность и литературный талант высоко оценил А.С. Пушкин. Он помог ей с публикациями в журнале «Современник». Надежда Андреевна Дурова прожила остаток жизни в Елабуге и умерла в 1866 г. в возрасте 83 лет. Ее похоронили в мужской одежде и с полными воинскими почестями.

Ю.В. Дунаева

О.В. Большакова

**1812 ГОД И РУССКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ
САМОСОЗНАНИЕ: АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
(Научно-аналитический обзор)**

Отечественная война 1812 года всегда занимала особое место в истории России и в исторической памяти, в которой победа над Наполеоном изначально ассоциировалась с общенациональным патриотическим подъемом, с международным могуществом России. «Миф 1812 года» начал складываться в общественном сознании фактически сразу же после начала войны и с течением времени претерпевал неизбежные изменения. В нем официальные установки причудливо переплелись с народными представлениями, художественные образы, воплотившиеся в живописи, скульптуре, баллетристике и драматических произведениях, — с воспоминаниями участников военных действий и выводами исследователей — историков и литературоведов.

Изучение войны 1812 года стимулировалось такими событиями, как публикация журнального варианта романа Л.Н. Толстого «Война и мир» в 1866–1869 гг., 100-летний, а затем 150-летний ее юбилей. К этому времени историческая память обогатилась новыми образами: вторжение немецких войск в июне 1941 г. вызвало тогда прямые ассоциации с вторжением Наполеона и стимулировало интерес к народной войне и патриотизму. Под этим углом зрения была склонна рассматривать Отечественную войну 1812 года советская историография, которая, как отмечается в статье британской исследовательницы Дж. Хартли, была несвободна от многих искажений, вызванных применением классового подхода. В ней умалялась роль дворянства, подчеркивался народный характер войны и, соответственно, всё внимание уделялось крестьянству. В постсоветское время наблюдается возвращение к оценкам, кото-

рые можно найти в семитомном юбилейном издании 1912 г. «Отечественная война и русское общество» (3, с. 182).

Западная историография неизменно уделяла определенное внимание изучению войны 1812 года, причем не только в русле военной истории. Патриотизм русского общества рассматривался в работах, посвященных истории культуры (см.: 1, 10). С усилением интереса к национализму и формированию национальных идентичностей борьба с Наполеоном стала анализироваться с точки зрения ее вклада в развитие русского национального самосознания, который, однако, оценивался не слишком высоко. Как пишет Дж. Хартли, западные историки обычно датируют возникновение современных форм национализма в России лишь концом XIX в., а крестьянское сопротивление во время войны с Наполеоном трактуют как «ксенофобское», а не националистическое. Тем не менее большинство из них признавали, что события 1812 года явились важным этапом на пути развития национализма в Российской империи (3, с. 181).

В настоящее время, когда многие западные, в первую очередь американские, историки не склонны рассматривать Россию как аутсайдера и включают ее в «семью европейских наций», эти трактовки выглядят несколько устаревшими. По мнению Стивена Норриса, молодого американского историка, национальная идентичность строится «шаг за шагом», и наиболее важными шагами в данном случае следует признать войны. Фактически, считает он, в Европе именно Наполеоновские войны (а для России особенно 1812 год) стали моментом формирования национальной идентичности (7, с. 6–7).

Предложенный Норрисом угол зрения находится в русле современной зарубежной историографии Западной Европы, сосредоточившей свое внимание на войнах и исторической памяти. По мнению редакторов-составителей сборника «Память о войне: Революционные и Наполеоновские войны в культуре Европы Нового времени» (2), период 1792–1815 гг. оставил самый глубокий след в жизни народов не только Европы, но и Азии и Нового Света. Военная экспансия Франции привела к тому, что были мобилизованы неисчислимые материальные ресурсы и поставлены под ружье миллионы людей. Война и политика слились воедино, и в ходе массовых военных конфликтов претерпели глубокие изменения самовосприятие народов Европы и их восприятие «Другого». Причины заключались в том, что в войнах 1792–1815 гг. идеология играла гораздо более значительную роль, нежели в династических

и колониальных войнах прошлого. Как указывается во введении к сборнику, в этот период она приобрела такие противоположные формы, как проповедовавшаяся революционерами во Франции идеология гражданственности, вскоре «поглощенная новым воинствующим национализмом», и глубочайший консерватизм монархической Европы. Наблюдался в этот период и подъем патриотической идеологии в странах, вступивших в войну с Наполеоном за свое освобождение: в Пруссии, Испании, Португалии и России. Сильный патриотический антифранцузский элемент присутствовал и в Великобритании (2, с. 8).

XIX век стал, по всеобщему признанию, «веком национализма». Для всех государств и народов, участвовавших в Наполеоновских войнах, пережитые катаклизмы явились определяющим моментом национальной истории. В эпоху романтизма начала XIX в. складывались национальные мифы: восстание 2 мая 1808 г. в Мадриде, восстание в Тироле в 1809 г., народное сопротивление и сожжение Москвы в 1812 г., «Битва народов» при Лейпциге в 1813 г. Во всех европейских странах, в которых велась борьба против Наполеона, войны в интересах правителей и династий трансформировались в исторической памяти в «освободительные», а грабежи партизанских лидеров – в «народные войны», пишут редакторы-составители сборника «Память о войне...» (2, с. 10). В то же время следует признать и реальный «либертарианский» потенциал этих войн. Так, Норвегия до сих пор празднует день своей первой Конституции 1814 года, которая принесла ей независимость от Дании; Финляндия в результате Русско-шведской войны выделилась в великое княжество под протекторатом России и также получила конституцию; конституция Швейцарии выросла «на обломках Гельветической республики 1798–1803 гг.». Во всех нарративах, в том числе и во Франции, главным действующим лицом объявлялся «народ», причем самым мощным по эмоциональному воздействию стал «образ русского крестьянина, сжигающего свою столицу в попытке отразить натиск Великой армии». Это было, по словам авторов сборника, «героическое жертвоприношение», и нет ничего удивительного, что московский пожар стал одним из самых сильных образов в истории европейских войн с Наполеоном (2, с. 11). Другие образы этих войн также утвердились в исторической памяти народов Европы, причем первостепенное место среди них занимает противоречивый образ французского императора (о России см.: 12).

Изучение наследия Наполеоновских войн в том, что касается формирования европейской идентичности Нового времени, развивается за рубежом достаточно активно, однако русистике пока не удается идти в ногу с современной историографией Западной Европы. Британский историк О. Файджес трактует наследие Отечественной войны 1812 года вполне традиционно, с точки зрения возникновения последующего революционного движения в России. Фраза Никиты Муравьева «Мы были дети 1812 года» является для него ключевой в построении большой главы о декабристах, которая отсылает нас также к трудам Ю.М. Лотмана. Файджес пишет об «открытии» народа образованным обществом, которое произошло в 1812 г. Он указывает, что именно в сражениях молодые либерально настроенные дворяне осознали, что крепостной крестьянин – такой же патриот, как и дворянин, что Россия должна гордиться героизмом простых солдат, который принес ей победу над Наполеоном, и все надежды следует связывать с этими «будущими ее гражданами» (1, с. 72). Сходные оценки дает в своей работе о формировании русской национальной идентичности немецкий историк Хубертус Ян, работающий в Кембридже (5, с. 58–59).

Возникшее чувство единения с простым народом привело к предпочтению всего русского и ношению русского платья. Заграничные походы сделали для их участников очевидной российскую отсталость, а вернувшись в 1815 г. домой, многие ветераны начали испытывать чувство отчуждения от общества и от поколения «отцов». Файджес присоединяется к общепризнанному мнению, что война 1812 года явила собой водораздел в истории русской культуры. И хотя попытки внедрить русский язык в обиход аристократии предпринимались и ранее, только на волне патриотического подъема дворянство начало отказываться от французского языка и французского «образа мыслей» (1, с. 101).

Американский историк Ричард Стайтс оценивает патриотическую галлофобию начала XIX в. более серьезно, называя ее «культурной прелюдией к войне 1812 года». В то же время всплеск военного патриотизма 1812 года Стайтс считает кратковременным и поверхностным, несопоставимым по своему уровню с идеологией официальной народности или «народолюбием» славянофилов. Он сводился в основном к предпочтению всего русского и отказу от французских товаров и не проник глубоко в народную толщу. Перед лицом наполеоновского нашествия многие дворяне испытали своего рода кризис идентичности и начали отказываться от французского языка в обиходе и французских мод в пользу рус-

ских сарафанов. Однако галлофобия 1812 года не привела к созданию какой-либо национальной общности, как это произошло во Франции во времена революции под влиянием войн и в немалой степени – новых революционных ритуалов и празднеств. Не возникло и массового народного патриотизма, поскольку крестьяне, утверждает Стайтс, боролись в первую очередь за выживание (10, с. 192–193).

С оценками Стайтса в отношении влияния войны с Наполеоном на формирование русского национального самосознания солидарна Дж. Хартли (3, 4). Она полагает, что антифранцузские патриотические настроения в обществе в этот момент носили скорее традиционный, чем националистический характер. Размышляя о крестьянском патриотизме, Хартли указывает на главную проблему, с которой сталкиваются социальные историки, – скудость письменных источников. Однако, насколько можно судить по ряду немногочисленных, но достаточно адекватных свидетельств о «народной войне», пишет британская исследовательница, крестьяне сражались, чтобы защитить свою землю, свое имущество и семьи. Мотивы более широкого плана включали в себя главным образом инстинктивную, ксенофобскую реакцию на вторжение чужеземцев-безбожников. Оснований же для того, чтобы делать выводы о патриотических настроениях крестьян в современном (модерном) смысле, источники не дают (3, с. 185).

При рассмотрении проблемы народного сопротивления Наполеону в России исследователи обычно сосредотачиваются на партизанской войне, однако считать казаков, игравших в этой войне ведущую роль, «русскими патриотами» вряд ли возможно, полагает Дж. Хартли, указывая на их особые идентичность и статус в Российской империи. Характерно, что в Западных губерниях местное население не считало их своими братьями, а сопротивление крестьянства мародерам-казакам вполне сопоставимо с сопротивлением наполеоновским войскам (3, с. 186).

Касаясь народного ополчения, которое для дореволюционных историков являлось примером дворянского патриотизма, Хартли отмечает, что для советской историографии значение имели лишь участвовавшие в нем крестьяне, в то время как дворян часто представляли настроенными антипатриотически. По мнению Хартли, нежелание многих представителей дворянства заниматься снаряжением и снабжением ополченцев объяснялось чаще всего скудостью материальных ресурсов «благородного сословия» в России. С этой точки зрения она рассматривает и мотивы, по которым представители обедневшего дворянства, духовенства и мещанства

шли в ополчение со времени его создания в 1806 г. Для многих это была возможность получить средства к существованию, сделать какую-то карьеру, перейти в регулярные части (3, с. 190).

Основной мотив работ Дж. Хартли – недостаточная изученность менталитета простых людей, в том числе рядовых солдат, что также объясняется отсутствием источников и адекватных методик для интерпретации имеющихся свидетельств. В частности, отмечает она, мы не располагаем сведениями об опыте простых солдат в сражениях, об их отношении к другим странам и народам в период европейских походов русской армии 1813–1814 гг. или в период оккупации Франции в 1815–1818 гг. Мы просто не знаем, что они думали, пишет Дж. Хартли (3, с. 191).

При изучении патриотизма простого солдата возникает больше вопросов, чем ответов. Современники – и русские, и французы – отмечали храбрость и стойкость русских солдат под огнем, но причины их стоицизма трактовались по-разному и пока не нашли удовлетворительного объяснения. Во всяком случае, в заграничных походах, в том числе во времена Суворова, русские войска проявили свои боевые качества (среди которых моральный дух занимал первостепенное место) в не меньшей, а иногда и в большей мере, чем при защите отечества. Нельзя объяснить особым патриотизмом и низкий уровень дезертирства из русской армии по сравнению с европейскими – здесь требуются более глубокие исследования (3, с. 192).

С уверенностью можно констатировать наличие в мировоззрении простого солдата сильного религиозного компонента, в котором идея православия тесно связывалась с защитой отечества. Религиозный элемент приобрел особое значение в период Наполеоновских войн, поскольку Наполеон был проклят Церковью еще в 1806 г. и считался в народе Антихристом. Священники, особенно на территориях, по которым проходили французские войска, возбуждали народные чувства против «безбожных захватчиков». Нет причин сомневаться в том, что простые солдаты воспринимали такой «религиозный патриотизм», но и его следует трактовать с большой осторожностью, поскольку в этот период в русской армии было уже довольно большое количество неправославных, пишет Хартли. Более того, гораздо заметнее, пишет она, была неприязнь к полякам, которые составляли немалую часть наполеоновской армии (3, с. 193–194).

Что касается возможностей изучения патриотизма офицерского корпуса, то здесь историки располагают большим количест-

вом документов. Тем не менее русская дореволюционная и советская историография по разным причинам избегали этой темы. Для дореволюционных историков «неудобным» оказывался тот факт, что многие герои 1812 года стали борцами против самодержавия. Советские историки, наоборот, посвятили много трудов изучению декабристского движения как предтечи большевизма, но рассматривали его обособленно от войны 1812 года, считает Дж. Хартли, ни разу не упоминая авторитетнейших трудов Ю. Лотмана (3, с. 195).

Патриотизм, безусловно, является одновременно локомотивом в формировании национальной идентичности и ее важной составной частью, его изучение вносит весомый вклад в углубление представлений о том, как вырабатывалось русское национальное самосознание. Тем не менее более широкий подход к вопросу национальной идентичности позволяет точнее определить место «грозы двенадцатого года» в истории русского национализма.

Национальное самосознание начало развиваться в среде российской элиты в послепетровскую эпоху, пишет американский историк Ш. Поллок (9). Это рудиментарное сознание чаще всего выражалось двумя способами: иногда как гордость завоеваниями и тем, что Россия правит многими народами, а иногда как беспокойство по поводу угрозы, которую иностранцы могут представлять русскому государству. Третья тенденция фокусировалась на отношении к суверену и отечеству, соединяя в себе традиционные воззрения правящей элиты с идеями гражданской нации. Для XVIII в. были характерны широкие дефиниции национальной принадлежности, но затем наметилась тенденция к более узкому ее пониманию, которое в качестве главных признаков национальности выделяло конфессиональную принадлежность и язык (9, с. 124).

После того как Французская революция сформировала современный национализм и вдребезги разбила старую систему международного миропорядка, проблема национальной идентичности для российской элиты приобрела особую остроту, пишет А. Мартин. В начале XIX в. «националистически настроенные писатели и чиновники способствовали формированию такого общественного климата, в котором абсолютная монархия, традиционная социальная иерархия, православная вера и “русскость” в обиходе и культуре рассматривались как самая суть национальной идентичности, антитезисом которой была послереволюционная Франция» (6, с. 148).

Царь и его окружение оставались при этом достаточно индифферентны к этим идеям, в их концепции имперской судьбы России не было сильного этнического компонента, отмечает Мар-

тин, подчеркивая ориентацию Александра I на Европу как во внешней политике (Священный союз был организован на космополитических, экуменических началах), так и во внутренней (конституции, дарованные Финляндии и Польше, отмена крепостного права в Прибалтике). Александр не любил Москвы и предпочитал вспоминать европейские кампании 1813–1814 гг., нежели войну 1812 года, где его роль была менее героической (6, с. 149–150).

Согласно традиционным представлениям, русское национальное самосознание являлось первоначально прерогативой образованной элиты и формировалось в процессе ее европеизации. Полемизируя с историками старшего поколения, Ш. Поллок предлагает в своей статье пример иной модели ассимиляции и русификации в многонациональной империи, который представлен в биографии П.И. Багратиона. Как пишет автор, Багратион сражался с турками и поляками при Екатерине II, с революционной Францией при Павле I, шведами, турками и наполеоновской Францией – при Александре I, так что он в буквальном смысле слова находился в авангарде территориальной экспансии Российской империи. Именно его прямое участие в «имперском проекте» способствовало возникновению у него «рудиментарного русского национального самосознания», в котором конфессиональные и этнолингвистические идентификации «питали чувство принадлежности к русскому народу», что позволило Багратиону считать себя не просто верно-подданным государя, но «чистым русским» (9, с. 123). По мнению Поллока, понимание того, что означает быть русским, выковывалось в институте, который являлся главным инструментом создания Российской империи, – в армии, которую он называет «колыбелью русской нации» (9, с. 118–119).

Во времена Багратиона, пишет автор, космополитический характер офицерского корпуса не отменял национального характера армии в целом. Рекрутированные из крепостных крестьян рядовые солдаты, в большинстве своем принадлежавшие к «великорусской нации», полностью утрачивали связь со своей деревней, и армия становилась для них «домом и отечеством». Их религиозное мировоззрение, в котором доминировали патерналистские образы и метафоры, хорошо увязывалось с концепцией отечества, включавшей в себя понятие личной преданности царю. По мнению автора, самосознание князя Багратиона имело гораздо больше общего с рядовыми солдатами, нежели с высокопоставленными офицерами. Он не получил формального образования, не знал иностранных языков, не читал книг, да и его манеры не отличались изыскан-

ностью. Таким образом, пример Багратиона не вписывается в традиционную концепцию русской армии, согласно которой между солдатской массой и офицерами лежала непреодолимая пропасть (9, с. 130–131).

Отец-командир в духе Суворова, Багратион полностью разделял его стратегическую концепцию, согласно которой отступление считалось предательством. Наиболее ярко это проявилось сразу после вторжения Наполеона в Россию. К этому времени Багратион уже прославился своей храбростью, после Аустерлицкого сражения его чествовали как национального героя. Он стал воплощением антифранцузских чувств в армии и предводителем «русской партии» при дворе. В статье подробно рассматривается его конфликт с Барклаем де Толли, которого Багратион критиковал с позиций «русского патриота». Столкновения развернулись вокруг стратегии русской армии в начавшейся войне: в соответствии с суворовской доктриной Багратион и его сторонники рассматривали отступление и выжидательную позицию Барклая как измену. Непопулярна эта стратегия была и в обществе. А поскольку сторонники оборонительной доктрины в большинстве своем являлись «демонстративно нерусскими», пишет автор, противоречия приняли форму борьбы патриотов с «иностранными» врагами, внешними и внутренними. Провозглашалось, что Барклай и его советники, не будучи православными, не могут верой и правдой служить русским интересам, и по мере отступления войск, хотя и санкционированного императором, эти настроения превратились в своего рода национальную паранойю (9, с. 134, 136).

Само присутствие иностранных войск на территории России оскорбляло национальные чувства, а сдача Смоленска, этого «первого истинно русского города», была воспринята как национальный позор. Вину за него возлагали на Барклая, которого упорно считали иностранцем, несмотря на его русское подданство и многолетнюю службу в русской армии. Для патриотов первостепенное значение имели такие вещи, как иностранное имя, предпочтение немецкого языка русскому и лютеранство командующего. В то же время, отмечает автор, далеко не все разделяли эту позицию. Поллок приводит пример более широкого видения проблемы национальной принадлежности у Н.И. Греча, которое, однако, считает устаревшим, свойственным XVIII в.

Замечая, что вопрос о своей принадлежности к русскому народу начал волновать Багратиона в годы войны 1812 года и его борьбы за власть с Барклаем, автор указывает на «ситуативное и

инструментальное» применение термина «русский». В то же время, заключает он, понимание Багратионом национальности предвосхищало «официальный национализм» Николая I, а также этнокультурный национализм, выдвинувшийся на первый план в Европе второй половины XIX в. (9, с. 142).

Что касается национальной самоидентификации населения Российской империи в целом, в которую, по общему признанию, Отечественная война 1812 года внесла фундаментальные качественные изменения, то здесь следует отметить наличие противоборствующих оценок. Историки единодушны в том, что антиклерикализм Наполеона и практика ограбления населения возбудили всеобщее возмущение против нашествия «двенадцати языков». Как пишет А. Мартин, Великая армия с ее панъевропейским составом и революционной идеологией – квинтэссенция западного агрессивного рационализма – вторглась в Россию, но была перемолота «первобытными силами русской жизни». Горящие города, народные мстители – крестьяне и казаки, огромные пространства империи и, наконец, безжалостный климат, – все эти проявления «стихийной русскости» укрепляли глубокое чувство национальной гордости и исключительности среди представителей образованного общества (6, с. 155). Население страны не понимало «революционные принципы Просвещения» наполеоновского режима, и отнюдь не симпатизировало им. Наполеоновское вторжение, по мнению Мартина, рассматривалось населением с точки зрения традиционной (домодерной) религии и идеологии, что вполне согласуется с оценками социальных историков Дж. Хартли и Р. Стайтса (6, с. 156; 3; 10).

Однако в последнее время в изучении национального самосознания простого народа был сделан определенный прорыв благодаря привлечению новых видов источников. Совсем недавно историки-русисты начали использовать визуальные материалы, прежде всего те, которые носят массовый характер, – такие как лубок, карикатуры, плакаты, вывески. В эпоху формирования потребительской культуры эти источники, по мнению Х. Яна, отражают идеи, мечты и представления самых широких слоев населения (5, с. 55).

На визуальных источниках основаны монография С. Норриса «Война образов» (7) о лубочных картинках и военной патриотической культуре в России, ведущей свое начало из 1812 года, и статья М. Пелцер «Крестьяне, казаки, “черный царь”» (8), посвященная русской антинаполеоновской карикатуре 1812–1814 гг. Оба автора сосредоточивают свое внимание на образном выражении понятия

русскости, которое несли в себе народные картинки и карикатуры. В то время как М. Пелцер подчеркивает иную, отличную от Запада изобразительную традицию, отразившуюся в карикатурах, С. Норрис склонен усматривать и находить параллели в работах русских художников – авторов наиболее известных лубков И. Теребенева, И. Иванова, А. Венецианова и, например, знаменитого британского карикатуриста И. Крукшенка. По мнению Норриса, русские художники не только заимствовали изобразительные приемы у своих британских собратьев, но и находились в русле общеевропейских тенденций эпохи национализма, когда наблюдался бурный рост в области создания «народных образов», призванных обеспечить формирующуюся национальную общность соответствующими символами и сюжетами (7, с. 7).

По словам Норриса, в 1812–1815 гг. лубок пережил настоящий бум и стал важным источником национальной идентичности в императорской России. Широко разошедшиеся по всей стране лубки времен Отечественной войны отражали, с одной стороны, хронику событий, с другой – формировали визуальный образ врага, отталкиваясь от которого артикулировались русские национальные черты: смелость, ум, честность, готовность к самопожертвованию. Все это составляло сущность некоего специфического «русского духа», который и явился, по общему признанию, залогом победы.

Одной из центральных тем лубочных карикатур первоначально являлся Наполеон, а после отступления из Москвы наиболее часто высмеивалась французская армия. Лубки 1812–1813 гг. изображали героизм русских солдат, крестьян и казаков. Они служили иллюстрацией к тому, что такое русскость, и были призваны показать военное, умственное и моральное превосходство над французами. К тому времени, когда французская армия была изгнана из России, центральное место в народных картинках начинает занимать император Александр I как организатор победы над врагом. Изображения и тексты под ними славят триумфатора, «освободителя Европы», и подчеркивают божественный характер его власти (7, с. 19–20, 25).

В лубках эпохи 1812–1815 гг. наряду с изображением народного героизма и смекалки формулируется такая важная особенность русской идентичности, как преданность «вере, царю и отечеству» и даже готовность бесстрашно погибнуть за эти идеалы. Именно православная вера, неразрывно связанная с патриотизмом, представляла собой то, что отличало русских от французов («басурманов») (7, с. 24).

Подчеркивая необыкновенный коммерческий успех лубков 1812–1815 гг., в которых выявлялись именно русские национальные черты (хотя Россия была в это время многонациональной империей), Норрис отмечает, что в последующих войнах темы, символы и мифы, выработанные в грозную пору борьбы с Наполеоном, возникали вновь и вновь. В целом же, полагает он, лубки содействовали утверждению господствующего и по сей день в русской культуре мифа о том, что победа русского народа над Наполеоном «доказала» культурное превосходство России над «хитрым врагом» (7, с. 13, 35).

Война 1812 года стала одной из ведущих тем первых русских исторических романов 1830-х годов, написанных в романтическом духе. Сам ход событий, стремительных и драматических, содержал в себе мощный мифологический потенциал, отмечает историк русской литературы Д. Унгуряну (11, с. 28). Центральным элементом популярных романов М.Н. Загоскина была русская нация, которая хотя и изменилась со Смутного времени, но сохранила свои основные элементы, фактически сводившиеся в его интерпретации к пресловутой триаде «православие, самодержавие, народность». Однако Загоскин выделял и другие черты русского характера – открытость, смекалку, удаль, молодечество.

Этапным событием для формирования «мифа 1812 года» стала публикация эпопеи Толстого «Война и мир». В романе историографические находки Толстого и его философские размышления слились в «квазинаучный анализ прошлого», который, по мнению Д. Унгуряну, обладает особой убедительностью (11, с. 120).

Литературоведы находят в «Войне и мире» Толстого многие элементы романтических повестей 1830-х годов, а его образ «русскости» содержит некоторые обертоны позднего славянофильства. Более того, как отмечает Д. Унгуряну, даже в триаде Толстого «простота, доброта и правда» можно обнаружить некую переключку с триадой Уварова. Его поглощенность всем «русским», неприкрытый патриотизм и подчеркнутая идентификация автора с одной из сражающихся сторон также обнаруживают близость с романтической традицией и романтическим националистическим дискурсом (11, с. 106).

Тем не менее именно реализм романа Толстого с его вниманием к мелким «прозаическим» деталям быта явился причиной нападок на него ветеранов войны 1812 года – людей эпохи романтизма, с иным пониманием патриотизма и законов его изображения в художественном произведении. Ветераны – в частности,

князь П.А. Вяземский, – обвиняли Толстого в искажении действительности, и главное – принижении истинного героизма эпохи Отечественной войны. Однако сопоставление их мемуаров с текстом романа показывает, что и сами участники войны в своих текстах сосредоточивались на бытовых деталях, а не на «высоком».

Полностью неприемлема для ветеранов-романтиков была философия истории Толстого, его презрение к так называемым «великим людям» и «героям». С их точки зрения, это делало историю бессмысленной, было равносильно отрицанию божественного провидения, которое действует через посредство великих людей (11, с. 116). Неприемлема для ветеранов – представителей старшего поколения – была и толстовская демифологизация истории, стремление «противоречить принятой точке зрения на 1812 год, бытующей в народной памяти». Фактически, если отойти от литературоведческих определений «конфликта между романтизмом и реализмом», это было «столкновение эпох, или культурных парадигм» (11, с. 109).

Однако со временем роман Толстого начали воспринимать как более авторитетный, чем какие-либо из свидетельств современников, которые казались тенденциозными, чрезмерно патристическими и слабыми в художественном отношении, пишет Д. Унгурану. Возражения ветеранов Отечественной войны также игнорировались по причине того, что их воспоминания могли быть искажены «мифом 1812 года». В своем стремлении демифологизировать историю Толстой парадоксально создал свой собственный миф 1812 года, который оказался настолько могущественным и привлекательным, что накрепко укоренился в русском национальном сознании (11, с. 124).

Историки-русисты указывают, что в России сложилось два противоборствующих мифа об Отечественной войне: для декабристов и Толстого это была народная война, время взросления русской нации, которая после триумфального вступления в Париж присоединилась к семье европейских народов. Для консерваторов, защитников статус-кво, война символизировала триумф самодержавного принципа, благодаря которому Россия спасла Европу от наполеоновского нашествия, и «Бог избрал Россию для устройства нового европейского миропорядка». Два этих образа (национального освобождения и имперского спасения) находились в постоянной борьбе между собой. На одной стороне был роман Толстого – настоящая народная драма, на другой – многочисленные монументы, включая храм Христа Спасителя, символизировавший мощь империи, а также знаменитая увертюра Чайковского «1812 год». Пяти-

десятилетие победы над Наполеоном совпало с празднованием 1000-летия России. Более того, Александр II перенес празднования в Новгороде с весны 1862 г. на 26 августа – день Бородинской битвы и его собственной коронации в 1856 г. Таким образом, три даты сливались воедино, что должно было представить самодержавие как национальный институт, освященный победой 1812 года и древний, как сама Россия (1, с. 137–139).

В том же духе, но несколько иначе трактуется наследие войны 1812 года в статье А. Мартина. Отечественная война, так же как и освободительная война 1813 года в Германии и война за независимость в Испании 1808–1814 гг., стала материалом для создания «двойственной патриотической легенды», пишет он. Либерально-националистическое прочтение войны нашло свое выражение в романе Толстого «Война и мир» и заняло видное место в культурно-историческом сознании. Однако не менее значительное место в наследии 1812 года занимали и отнюдь не либеральные аспекты, связанные с ощущением уязвимости, которое неизбежно возникает в условиях серьезных исторических катаклизмов. Война внесла немалый вклад в усиление ксенофобии и реакционного национализма (и в то, что можно назвать «параноидальным стилем в политике России»), вызвала откат к социальному консерватизму и привела к тому, что религиозность и милитаризм начали использоваться в качестве инструментов послевоенного государственного строительства (6, с. 146).

Преобладающей тенденцией послевоенного времени стал интерес к историческим корням и этнокультурным особенностям русского народа. Развивается националистическая концепция русской истории, в основу которой была положена борьба с польскими оккупантами в Смутное время. В результате представление о вековом единстве алтаря, трона и русского народа в 1830-е годы становится официальной идеологией. Несмотря на убежденность ряда представителей образованного общества в том, что победа над Наполеоном дала нации право на свободу, большинство принимало основные положения официальной националистической концепции, пишет Мартин. Ее главные черты – фиксация на московской истории и русской этничности, ощущение национальной уникальности, признание морального превосходства простого народа и значение, которое придавалось его духовной связи с режимом. Возможно, в связи с распространением образования и пропагандистской кампанией времен войны с Наполеоном эти взгляды получили распространение среди населения в целом (6, с. 150–151).

Обращаясь к характеристике российской политической культуры, Мартин отмечает, что присутствовавшие в ней националистический компонент и концепция политики как заговора были многократно усилены в ходе Наполеоновских войн и имели тенденцию к слиянию. Теории заговора коренились не только в российских реалиях. Влияние в данном случае, утверждает автор, шло с Запада, где распространилось убеждение в том, что начавшиеся в 1789 г. и не утихавшие в XIX в. революционные события и бунты являлись следствием заговора, имевшего своей целью уничтожение монархии, религии и существующего строя во всем мире (6, с. 152).

Русская версия этой теории сосредоточивалась на предателях, засевших на самом верху. Это могли быть социальные аутсайдеры, как М.М. Сперанский, или этнически нерусские, как остзейский немец Барклай де Толли или поляк А. Чарторыйский. После 1814 г., пишет автор, Александр I и его окружение были убеждены в существовании некоего подрывного «комитета», базировавшегося в Европе, в то время как его критики, в свою очередь, считали созданное императором Библейское общество частью англо-масонского заговора против русского православия. Парадоксально, отмечает Мартин, что в этих условиях не было предпринято никаких мер против реального заговора декабристов (6, с. 153).

Наполеоновская империя в Европе создала новую форму государства, в которой сочетались милитаристская элитарность и мобилизация народа, империалистический шовинизм и романтический миф о «карьере, открытой для таланта». Послевоенное общество в европейских странах должно было что-то делать с этим наследием, каким-то образом сохранить способность к интеграции, контролю и мобилизации нации, но при этом избавиться от его эгалитарных тенденций.

Религия явилась одним из инструментов стабилизации и важным структурирующим элементом послевоенного общества по всей Европе. Под сильным британским и немецким влиянием в России расширяется движение масонов, возникают кружки пиетистов и организуется Библейское общество. Во внешней политике эта идеология проявилась в создании Священного союза, во внутренней – в организации Министерства духовных дел и народного просвещения, призванного реформировать моральный уклад российского общества. Однако к середине 1820-х годов попытки выстроить культуру и политику России и Европы в духе библейского христианства провалились, и авторитет православной церкви в России был восстановлен. Более того, идеологическая связь между

режимом и православием после 1812 года лишь усилилась, пишет А. Мартин (6, с. 158–159).

Второй структурирующей русское общество силой являлся милитаризм, который ассоциировался с централизованным, иерархически организованным и эффективным правительством. Автор напоминает, что с 1790-х годов Россия почти перманентно находилась в состоянии войны, в условиях постоянной мобилизации народа. Кроме того, милитаризм со времен Павла I рассматривался в качестве воспитательного средства для противодействия революционной идеологии. В отличие от наполеоновского милитаризма, отдававшего предпочтение эгалитаризму как средству объединения и мобилизации нации для проведения империалистической внешней политики, его русское воплощение фокусировалось на символических элементах, внушающих уважение к иерархии. Предпочтение отдавалось муштре, военизации учебных заведений, включая церковные, в то время как боеготовность не повышалась (6, с. 159).

Однако опыт Наполеоновских войн разрушил традиционные социальные модели и, кроме того, вызвал повышенные ожидания. Так, крестьяне ожидали законного освобождения от крепостной зависимости после освобождения от Наполеона. Крестьянская война, начатая против Наполеона, могла, как и в Испании, нести в себе угрозу режиму. Другой параллелью с Испанией были тайные общества офицеров, стремившихся к радикальным политическим изменениям. Декабристы пытались своим способом прийти к разрешению кризисных явлений, вышедших на первый план в послевоенное время (6, с. 161).

В патриотизме декабристов, пишет Хартли, не приходится сомневаться, однако правительство не могло не считать его опасным для существующего социально-политического строя. Опыт войны 1812 года показал, что патриотизм может быть двояким. Он может быть полезен, когда речь идет о мобилизации человеческих и материальных ресурсов для борьбы с врагом, но может быть и опасен, когда ведет к выдвижению требований фундаментальных изменений в политическом и социальном строе в качестве «вознаграждения» за те жертвы, которые русский народ принес при освобождении Европы от тирании Наполеона. Патриотизм, таким образом, следует строго контролировать и жестко привязывать к консервативным ценностям – таким, как самодержавие и православие, а также к довольно неопределенному понятию «русскости». Именно такая форма патриотизма начала культивироваться в царствование Николая I. Однако в условиях, когда относитель-

ное число этнических русских в империи неуклонно сокращалось, такое определение национальной идеологии не могло долго быть стабильным основанием ни для русского патриотизма, ни для самого государства (3, с. 196). По мнению Дж. Хартли, созданный царским и советским правительствами образ «патриотической» войны имел гораздо больше влияния на русское общество, чем само наполеоновское вторжение.

Список литературы

1. *Figes O.* Natasha's dance: A cultural history of Russia. – N.Y.: Metropolitan Books, 2002. – XXXIV, 728 p.
2. *Forrest A., Francois E., Hagemann K.* Introduction // War memories: The Revolutionary and Napoleonic Wars in modern European culture / Ed. by Forrest A., Francois E., Hagemann K. – Houndmills, Basingstoke, Hampshire; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2012. – P. 1–37.
3. *Hartley J.* The patriotism of the Russian army in the 'patriotic' or 'fatherland' war of 1812 // Popular resistance in the French wars: patriots, partisans and land pirates / Ed. by Esdaile Ch. J. – Palgrave, Basingstoke, UK, 2005. – P. 181–200.
4. *Hartley J.* Russia and Napoleon: State, society and the nation // Collaboration and resistance in Napoleonic Europe: state formation in an age of upheaval, c. 1800–1815 / Ed. by Rowe M. – Palgrave Macmillan, Basingstoke, UK, 2003. – P. 186–202.
5. *Jahn H.F.* 'Us': Russians on Russianness // National identity in Russian culture: an introduction / Ed. by Simon Franklin S., Widdis E. – Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 2004. – P. 53–73.
6. *Martin A. M.* Russia and the legacy of 1812 // Cambridge history of Russia. – Vol. 2: Imperial Russia, 1689–1917 / Ed. by Lieven D. – Cambridge, 2006. – P. 145–161.
7. *Norris S.M.* A war of images: Russian popular prints, wartime culture, and national identity, 1812–1945. – DeKalb: Northern Illinois university press, 2006. – XIII, 277 p.
8. *Peltzer M.* Peasants, Cossacks, 'Black Tsar': Russian caricatures of Napoleon during the wars of 1812 to 1814 // War memories: The Revolutionary and Napoleonic Wars in modern European culture / Ed. by Forrest A., Francois E., Hagemann K. – Houndmills, Basingstoke, Hampshire; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2012. – P. 269–290.
9. *Pollock S.* 'As one Russian to another': Prince Petr Ivanovich Bagration's assimilation of Russian ways // Ab imperio. – Казань, 2010. – N 4. – P. 113–142.
10. *Stites R.* Serfdom, society, and the arts in imperial Russia: The pleasure and the power. – New Haven: Yale univ. press, 2005. – XIII, 586 p.
11. *Ungurianu D.* Plotting history: The Russian historical novel in the Imperial Age. – Madison: University of Wisconsin press, 2007. – XII, 335 p.
12. *Wesling M.W.* Napoleon in Russian cultural mythology. – N. Y.: P. Lang, 2001. – XVI, 196 p.

**НАПОЛЕОНОВСКИЕ ВОЙНЫ НА МЕНТАЛЬНЫХ КАРТАХ
ЕВРОПЫ: ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ
И ЛИТЕРАТУРНЫЕ МИФЫ = LES GUERRES
NAPOLEONIENNES SUR LES CARTES MENTALES DE
L'EUROPE: CONSCIENCE HISTORIQUE ET MYTHES
LITTERAIRES / Рос. гос. гуманит. ун-т и др.; Сост.:
Великая Н.М., Гальцова Е.Д. – М.: Ключ-С, 2011. – 639 с.
(Реферат)**

Сборник составлен по материалам международной конференции (сентябрь 2011 г., РГГУ, Москва), посвященной соотношению между научной историографией и исторической памятью наций, судьбам военного, политического, социального и культурного наследия Наполеона в странах Европы и в России. Конференция сосредоточила внимание на проблеме мифотворчества и интерпретации деятельности Наполеона, функционированию его образа в общественном сознании, литературе, искусстве, массовой культуре. Как отмечают составители сборника во введении, конференция объединила университетских преподавателей и академических ученых из России (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Уфа, Челябинск, Саратов, Элиста), Украины (Киев, Львов), Франции (Корте, Париж), Италии (Пиза, Неаполь). На конференции были представлены исследования, принадлежащие разным сферам гуманитарных наук – истории, социологии, философии, искусствоведению, политологии, филологии, – во многих из которых был успешно использован междисциплинарный подход.

Сборник включает пять больших подразделов. Первый объединяет материалы по тематике «наполеоноведение и мифотворчество». Здесь интерес представляет статья М.В. Губиной (д-р ист. наук, профессор ун-та Париж IV – Сорбонна), рассматривающая эволюцию взаимного восприятия противников по документам

личного происхождения русских и французских авторов. Исследуются как строго современные описываемым событиям источники – переписка и дневники, так и мемуары, созданные позднее. Первую группу источников автор называет «ранние тексты», вторую – «поздние тексты». Автор приходит к выводу, что разница в содержании «ранних» и «поздних» источников не является радикальной, а заключается в преобладании тех или иных описательных тем. «Однако происходит существенная смена акцентов в самопозиционировании каждой стороны по отношению к описываемому “другому”», – замечает она (с. 62).

«Ранние» тексты французов свидетельствуют о том, что непосредственно во время Русской кампании у них происходило переосмысление образа противника, тогда как их представление о самих себе подвергалось гораздо меньшей переработке. Размышления французов не шли далее переосмысления образа непобедимого и непогрешимого Наполеона. Напротив, у авторов мемуаров на первый план выходит забота о реконструкции правильного образа самих себя, образа их непосредственных начальников, образа Великой армии, Наполеона, тогда как образ противника вполне статичен.

Анализ русских источников убеждает автора в том, что эмоциональность переписки и дневников участников похода 1812 г. выдает не только работу мысли над образом «другого», но и более или менее осознанную постановку вопроса о справедливости собственных представлений о самих себе, или, скорее, о собственных иллюзиях по поводу Франции. И авторы «поздних» мемуаров акцентируют свое внимание на образе французов. В отличие от французов, которые были практически лишены возможности наблюдать русское общество, русские описывают не только французскую ментальную культуру, но и достижения французской государственности (гражданские свободы, гласность суда и т.д.). Автор констатирует, что русским пришлось подвергнуть сомнению собственную убежденность в том, что они, зная французский язык, литературу, искусство, могут претендовать на знание Франции. Реальная жизнь в реальной стране была далека от того идеала, который существовал в их воображении. Авторы «поздних» мемуаров «больше акцентируют внимание на образе французов, стараясь ...повлиять на изживание последних остатков иллюзий у своих современников» (с. 63). М.В. Губина также подчеркивает, что во французской традиции роль антропологического аспекта со временем затушевывается, и в поздних текстах на первый план выходят картины военной истории. В русских, как в «ранних», так

и в «поздних», источниках военные аспекты описываемых событий постоянно занимают второе место.

Жак-Оливье Будон (профессор ун-та Париж IV – Сорбонна, президент Наполеоновского ин-та, Франция) рассматривает кампанию 1812 г. по воспоминаниям французских солдат. Автор отмечает, что насчитывается более 150 текстов, написанных французскими солдатами и офицерами. Первые свидетельства появились вскоре после падения Наполеона и часто содержали существенную критику деятельности императора – его часто упрекают за Русскую кампанию. Особенно сильно данный мотив звучит в начале периода Реставрации. Однако большинство текстов сходятся в описании «выдающейся авантюры, трагической эпопеи, прекрасно отвечающей единству времени (шесть месяцев кампании), места (русские равнины) и действия (борьба за выживание)» (с. 10). Возвращение из России становится поводом «для ужасных сцен, поразивших умы, так как они показывали, до какой степени солдаты потеряли человеческий облик и превратились в определенном смысле в варваров» (с. 11). Наряду с этими ужасными картинками свидетели показывают армию ослабленную, но всё еще готовую к сопротивлению. Солдаты являются героями драмы не только потому, что они сумели выжить в испытаниях, подчеркивает автор, но потому, что они воплощают «окончательную победу цивилизации ценой значительных потерь» (там же).

А.А. Постникова (Уральский гос. пед. ун-т, Екатеринбург) показывает, что собой представляли события 1812 г. на реке Березине в исторической памяти Франции на протяжении XIX в. Так, в период Реставрации в общественном сознании Франции Березина ассоциировалась лишь с последней победой Великой армии в России. Общей была идея, что французский солдат одержал на Березине моральную победу. Падение династии Бурбонов разбудило в сознании французов память о Наполеоне как воплощении идеалов свободы, процветания и величия Франции. Апологетическим тоном наполняются сюжеты, связанные с событиями на Березине.

В период Июльской монархии в изображении Великой армии на Березине наблюдается отход от торжественного, героического стиля к более тонкой психологической картине. Образ «Березины» становится героической трагедией, легендой французской истории. После падения Июльской монархии «Березина» воскрешается на страницах мемуаров французских участников переправы как близкое всем, связанное с героизмом французских солдат событие.

В период Второй империи в связи с возрождением культа Наполеона «Березина» перевоплощается в символ гениальной военной операции, проведенной императором. В период, последовавший за поражением Франции в войне с Германией 1870–1871 гг., сражение на Березине утвердилось в сознании французов как бесспорная победа Великой армии. Сделанный французскими мемуаристами акцент на ослаблении армии способствовал возвышению ее героизма, самоотверженности и верности Наполеону. Окончательно утверждается образ «Березины» как моральной победы Великой армии. К началу XX в., констатирует автор, «Березина» окончательно стала достоянием исторической памяти французской нации. Образ событий, происходивших на берегах этой реки в 1812 г., теперь воспринимается и «как воплощение героизма, и как Великая победа Наполеона, и даже... как символ взаимного притяжения двух народов – французского и русского, которые, несмотря на все перипетии их совместной истории, никогда не утрачивали чувства уважения и восхищения по отношению друг к другу» (с. 72).

Близко по тематике к первому примыкает четвертый подраздел книги, рассматривающий образ Наполеона и его эпохи в исторической памяти наций. С.С. Секиринский (д-р ист. наук, профессор, Ин-т российской истории РАН, Москва) прослеживает бытование наполеоновского мифа в России в XIX и XX вв., обращая внимание на то, что востребованности наполеоновской легенды способствовала не только ее изначальная многофункциональность, отразившаяся с теми или иными преувеличениями разнообразие ролей, исполненных Бонапартом в политической жизни. Большое влияние оказал и комплекс факторов отечественного происхождения, а именно: склонность российского общества к персонификации власти, подчас скачкообразный и кризисный характер развития страны, укоренившаяся в образованном слое привычка оценивать политические перспективы России с оглядкой на историю Франции и др.

Автор отмечает, что распространению наполеоновского мифа в России «не помешало ни появление Наполеона III, эксплуатировавшего в своих целях наполеоновскую легенду, отчасти “снизившего” образ своего предшественника и снова существенно испортившего отношения между Францией и Россией, ни косвенно связанное с этим обстоятельством развенчание Наполеона как лжекумира Л. Толстым» (с. 165). Как видно из отечественных мемуаров и беллетристики, едва ли не в каждом поколении русских юношей XIX столетия миф о Наполеоне порождал эпигонов, в большинстве остававшихся совершенно безвестными.

Возникшее с началом реформ 1860-х годов ощущение сближения с Западом не могло не вызвать «параллельного роста нетерпеливых ожиданий или чрезмерных опасений относительно перспектив движения по этому пути» (с. 167). Многоликий образ Наполеона быстро входит в становящийся ассоциативным ряд: сначала как предмет для актуального историко-политического анализа (Б.Н. Чичерин) или художественного осмысления (Ф.М. Достоевский), а затем и для прямого подражания.

К концу XIX – началу XX в. актуализация наполеоновской темы в общеевропейском масштабе происходит под влиянием ницшеанской идеи сверхчеловека, а тесное взаимодействие национальных культур России и Франции дополняется их военно-политическим союзом, предопределившим известный параллелизм и в характере возрастающего интереса к Наполеону. Особую роль в судьбах наполеоновского мифа в России сыграли, подчеркивает автор, радикальные социально-политические трансформации, произошедшие в начале и в конце XX в. В обоих случаях по истечении недолгого периода политической эйфории образ Наполеона, разорившего пол-России, был востребован в своей главной ипостаси «спасителя», как символ нового государственного строительства. Разные версии наполеоновского мифа, воскресшего в противостоящих друг другу общественно-политических лагерях, лучше всего, с точки зрения автора, представляют две книги: «Наполеон» Д. Мережковского (1927), созданная в эмиграции и воплотившая нереализованные политические ожидания ее влиятельной части, и «Наполеон» Е. Тарле (1936), написанная в СССР по прямому заказу Сталина и его близкого окружения.

Но, отмечает автор, если политический контекст появления и метаморфоз «Наполеона» Тарле в 1930-х – начале 1940-х годов достаточно освещен в литературе, то этого нельзя сказать о следующей советской биографии Наполеона, подготовленной А.З. Манфредом на исходе 1960-х годов на волне начавшейся ресталинизации и воплотившей склад мысли интеллигентов-шестидесятников. «Наполеон Бонапарт Манфреда стал аллегорией судьбы режима – наследника революции, скатывающегося в “застой”».

Ситуация, в которой оказались страна и власть, вышедшие из периода кардинальных преобразований рубежа 1980–1990-х годов, снова привела к возвращению наполеоновского мифа в новообразованное пространство публичной политики. «Прямые апелляции к наполеоновской теме стали тогда уделом не самих публичных политиков – предполагаемых “Бонапартов”, а скорее способом их

исторической дешифровки по аналогии или, наоборот, навязывания общественному мнению таких аналогий с помощью СМИ» (с. 175).

Наполеон Бонапарт рассматривается Р.С. Черепановой (доцент Южно-Уральского гос. ун-та, Челябинск) как фигура русского национального самосознания. Столь глубокое попадание Наполеона в российскую культурную память, по мнению автора, стало возможным в немалой степени благодаря тому, что его вступление на историческую сцену совпало во времени с рождением русского национализма.

В.В. Лапин (д-р ист. наук, Санкт-Петербургский ин-т истории РАН) раскрывает механизм использования «юбилейных аргументов» в связи с празднованием столетия Отечественной войны 1812 г. в борьбе за кресла в IV Государственной думе. Автор отмечает, что особенностью политической и культурной жизни России начала XX столетия была острая актуализация исторических событий и активное использование «исторической» аргументации в политике по различным вопросам. Память о 1812 г. в сознании нации связывалась с апогеем могущества России на международной арене, с величайшим военным и нравственным подвигом. Кроме всего, на протяжении XIX столетия память о войнах с Наполеоном и особенно о кампании 1812 г. не угасала, а, наоборот, постоянно поддерживалась с помощью различных коммеморативных практик. Торжества 1912 г. стали своеобразным итогом формирования мифа об Отечественной войне. Элементы мифа «1812 года» стали широко использоваться всеми партиями и политическими группировками в борьбе за голоса избирателей. «Юбилейные» конструкты, закрепившиеся в историографии и коллективном историческом сознании, завоевывали лидирующие места в аргументации при дебатах практически по любым вопросам» (с. 159–260).

Наполеон в официальном политическом дискурсе нацистской Германии 1933–1945 гг. представлен в статье М.В. Дацишиной (доцент РГГУ, Москва). Автор отмечает, что германская политическая элита откровенно опасалась деморализующих и опасных параллелей и пыталась исключить их из организованного дискурса. Технология вытеснения темы Наполеона из официального политического дискурса нацистской Германии включала в себя идею превосходства Гитлера над Наполеоном. Использовались два тезиса в целях риторического разрыва параллели «Наполеон – Гитлер». Первый тезис: немецкая армия продолжала сражаться якобы в более сложных погодных условиях, чем армия Наполеона. Второй тезис: немецкая армия не отступала из России, как Наполеон, а

значит, не будет разбита. Предпринимались попытки замещения исторической параллели «Гитлер–Наполеон». Немецкая пропаганда внутри Германии была вынуждена проводить параллель между Германией и Италией, актуализировать сюжеты немецкой истории, связанные с периодом правления Фридриха Великого. Последним шагом стала декларация «Наполеон – это враг Германии».

Два раздела сборника посвящены отражению Наполеоновских войн в произведениях литературы и искусства и литературным мифам о Наполеоне и их интерпретации. Рассмотрены труды А. Дюма (В.Н. Земцов, профессор Уральского гос. пед. ун-та, Екатеринбург), Виктора Гюго (Стелла Колонна, ун-т Корсики им. Паскаля Паоли, г. Кортэ, Франция), Клода Симона (Кристоф Люци, Национальный центр научных исследований Франции), Игоря Северянина и Владимира Маяковского (Е.Д. Гальцова, д-р ф. наук, профессор РГГУ, Москва) и др.

В пятом разделе сборника анализируются национальные традиции историописания применительно к войнам Наполеона. В качестве примера приведем статью М.С. Федотовой «“Бородино” и “Севастополь”»: две баталии, один миф». Кампания 1812–1814 гг. и Севастопольская оборона 1854–1856 гг. хронологически отстают друг от друга более чем на 40 лет. Однако в сознании современников Николая I и Наполеона III эти события, приходит к выводу автор, имели больше сходств, а Крымская война воспринималась русским обществом сквозь призму военного опыта 1812 г. За основу мифа о войне 1812 г. было взято сражение при Бородине, актуализированное во время войны 1853–1856 гг. «Бородино» и «Севастополь» стали военными символами противостояния России и Запада. В газетной и журнальной публицистике, в историографии две войны оценивались неразрывно как результат многовекового противостояния, дихотомии «Россия – Запад». «Французские войска как “привычный” противник в пространстве мифа заметно выделялись на фоне союзной армии» (с. 416). Автор заключает, что сравнение этих двух войн крайне плодотворно и позволяет судить о неких параллелях в конструировании сюжетов, сформировавших единое пространство российского национального патриотического мифа.

И.Е. Эман

Стайтс Р.

**ДЕКАБРИСТЫ С ИСПАНСКИМ АКЦЕНТОМ
(Реферат)**

Stites R.

Decembrists with a Spanish accent // Kritika. – Bloomington,
2011. – Vol. 12, N 1. – P. 5–23.

Статья крупного американского историка, специалиста по истории и культуре России Ричарда Стайтса, опубликованная посмертно в журнале «Критика», представляет собой часть готовившейся им книги о волне революционных возмущений, прокатившихся по Европе в 1820-е годы. В центре внимания автора – движение декабристов, которое он рассматривает в общеевропейском контексте. Эти люди, пишет он о декабристах, формировались в годы Наполеоновских войн, были свидетелями революций и последовавших за ними репрессий и реставрации старых порядков, они наблюдали деятельность Священного союза и видели, как легко нарушали свои клятвы монархи, включая русского императора (с. 10).

Волна европейских революций поднялась в 1820 г. в Испании, когда полковник Риго возглавил военный мятеж за восстановление Конституции 1812 г. Конституция была провозглашена Кадисскими кортесами в ходе борьбы с наполеоновской оккупацией. Ее, так же как и кортесы, сразу же признал Александр I, находившийся в конфронтации с Наполеоном. Однако вернувшийся на трон в 1814 г. король Фердинанд VII довольно скоро арестовал многих лидеров кортесов и упразднил Конституцию. Многочисленные попытки восстановить ее были неудачными, и только восстание, поднятое полковником Риго в связи с решением короля отправить войска в Латинскую Америку на борьбу с инсургентами –

борцами за независимость испанских колоний, привело к успеху. После трех бурных лет (известных как «либеральное трехлетие». — *Репф.*) Фердинанд обратился за помощью к европейским державам — участницам Священного союза, и с благословения России, Пруссии и Австрии французский король Людовик XVIII направил свою армию в Испанию. Либеральный режим был подавлен, абсолютизм восстановлен, полковник Риего повешен (с. 6–7).

Автор особо отмечает, что сама форма восстания — зажигательная речь офицера перед солдатами и затем движение вооруженной колонны на столицу — была повторена вскоре и в других странах, получив испанское название «пронунсиаменто». Конституции, подобные испанской, были провозглашены в 1820–1821 гг. в Неаполитанском королевстве и Пьемонте. Эти восстания также были подавлены с благословения Священного союза, но уже австрийскими войсками. В Греции же, напротив, военный мятеж превратился в успешную войну за независимость (с. 6–8).

События на юге Европы привлекли внимание и в России, пишет Стайтс. Многие будущие декабристы, по сообщениям полицейских властей, не могли скрыть своего ликования по поводу успехов мятежников в Испании и Италии. Подавление же этих восстаний привело к разочарованию целого поколения в «капитулировавшем перед Меттернихом» вероломном императоре Александре I и значительно усилило радикальный элемент в планах декабристов. По признанию Павла Пестеля, именно события в Португалии, Испании и Италии сделали из него республиканца. Кондратий Рылеев писал о том, что тирания Наполеона была заменена тиранией европейской Реставрации. Он, как и другие декабристы, считал, что Европа может быть освобождена только революционной Россией. Опыт войны 1812 г. убеждал их, что революцию в России не получится подавить путем иностранного вторжения, как это произошло в Испании (с. 10–11).

Автор пишет, что именно испанская революция и ее уроки стали моделью для русских офицеров, которые отмечали благородство революционеров и их готовность умереть за свои идеалы. Испанская конституция чрезвычайно интересовала декабристов, ее копии были обнаружены в бумагах некоторых членов тайных обществ. Собственные проекты конституции двух декабристских организаций, хотя и опирались на испанский образец, а иногда и прямо заимствовали формулировки оттуда, довольно сильно различались между собой. Тем не менее влияние испанской конституции, утверждает Р. Стайтс, состояло главным образом в самом

факте ее существования, в том, что она ассоциировалась с героическим Кадисом и сопротивлением Наполеону, наконец, в том, что она сплотила революционеров и юридически закрепила новый строй (с. 15).

Если бы Священный союз не организовал интервенцию в Испанию с последующими репрессиями и казнями конституционалистов, со временем энтузиазм будущих декабристов наверняка бы уменьшился, считает Р. Стайтс. Но с развитием событий в данном направлении страсти разгорались все сильнее: вспоминались события десятилетней давности, когда в 1812–1813 гг. Александр I славил испанских партизан и Испанию, которая первой начала оказывать сопротивление Наполеону, создал из испанских военнопленных особое подразделение (*Alejandro Regiment*) и подписал договор, в котором признавал кортесы, короля и конституцию (там же).

Известия об аресте и последующей казни Риего привели в смятение многих офицеров, не только будущих декабристов. Они чувствовали симпатию к испанским борцам за свободу и презрение к предателю-монарху, который обрек своего спасителя на позорную казнь. Особенно поразил воображение тот факт, что героя-полковника перед тем, как повесить как преступника, возили на осле по улицам Мадрида. По Европе широко разошелся не вполне правдивый рассказ о том, что «друг народа» Риего был сначала отравлен, и только благодаря этому его удалось арестовать, что свидетельствовало о невероятном коварстве короля. Всё это подогревало интерес членов тайных обществ к вопросу о цареубийстве. Даже более умеренное Северное общество пришло к заключению, что если царь откажется принять конституцию или попытается предать ее, его следует убить. Руководство Южного общества также приняло решение не повторять ошибок испанцев (с. 17–18).

Еще одна, достаточно неожиданная отсылка к испанскому опыту содержится в планах Рыльева. Как известно, пишет Стайтс, остров Леон неподалеку от порта Кадис был первым убежищем кортесов, основной базой во время мятежа 1820 г. и последним оплотом сил конституционалистов в 1823 г. Этот факт вдохновил Рыльева сделать Кронштадт «русским Леоном», однако его идею не поддержали.

Хотя русские заговорщики, пишет Стайтс, сильно идеализировали испанское восстание и были склонны игнорировать его сложности, оно воспламенило в них революционную страсть и чувство солидарности. Декабристов привлекла «испанская формула»: быстрый и бескровный захват власти офицерами, либеральная

конституция, а также тактические приемы в привлечении на свою сторону людей из народа. Как испанцы и неаполитанцы, некоторые декабристы признавали потенциальную пользу использования религиозного языка для коммуникации с массами. Они обратились к жанру политического катехизиса, получившему широкое распространение в Европе с 1789 г.

«Православный катехизис» Муравьёва-Апостола, по мнению Стайтса, был вдохновлен испанским «Гражданским катехизисом» 1808 г., который появился в русском переводе в 1812 г. и был достаточно хорошо известен, как и другие испанские документы подобного типа. Различия между ними, тем не менее, существенны. Русский вариант, хотя и пропитан христианским благочестием, косвенно обвиняет церковь в поддержке царей, в то время как испанский превозносит католическую церковь и веру. Кроме того, русский автор порицает любую форму монархии, в то время как испанский торжественно заявляет о верности Фердинанду VII, поскольку врагом испанцев, замечает Стайтс, был узурпатор-иностранинец. В целом же оба документа, предназначенные для народа, используют теологические аргументы для гражданских целей.

По мнению Стайтса, если сама идея использования катехизиса для воодушевления войск и просочилась из сообщений о том, как народные массы и духовенство Испании сопротивлялись Наполеону, непосредственным импульсом для членов Южного общества стало чтение французского приключенческого романа Н.-А. Сальванди «Алонсо, или Испания», опубликованного в 1824 г. В нем имеется сцена, в которой чрезвычайно живо описывается, как деревенский священник читает крестьянам «национальный катехизис» и возбуждает в них чувство возмущения против тирана — Наполеона. Позднее Бестужев-Рюмин свидетельствовал о том, что этот роман вдохновил его на идею написания катехизиса совместно с Муравьёвым-Апостолом (с. 21).

Парадоксально, пишет Стайтс, что акция, в наибольшей степени напоминавшая западноевропейскую модель, имела место не на Сенатской площади (эпизод, обративший на себя всё внимание историков), а в украинской степи. Член Южного общества Сергей Муравьев-Апостол поднял там восстание после провала мятежа в столице и ареста Пестеля.

«Православный катехизис» был зачитан перед войсками на соборной площади г. Василькова 31 декабря 1825 г. Незадолго до этого Муравьёв-Апостол говорил своим друзьям о том, что Риго пересек страну с тремя сотнями солдат и восстановил конститу-

цию, и всё готово для того, чтобы с успехом повторить это предприятие. Увидев, что зачитанный священником катехизис, призывавший к свержению царя, не произвел желаемого впечатления на солдат, он призвал войска присягнуть великому князю Константину. Однако выступление Черниговского полка, начатое в духе испанца Риего, итальянца Пепе и грека Ипсиланти, через несколько дней закончилось разгромом. В отличие от последних, Муравьев-Апостол достиг столицы узником в кандалах. И так же, как это было в Испании, царь смягчил официальный приговор, отменив четвертование. Пятеро приговоренных к смерти были повешены.

Как известно, пишет автор, Греция после смерти Ипсиланти в конце концов, после войн и интервенции, обрела независимость. Неаполитанский либерализм превратился в Рисорджименто, что привело к объединению Италии; в Испании конституционные режимы сменялись республиканскими и диктаторскими вплоть до конца XX в. В России же «декабристы были возвеличены радикалами, и в советское время были возведены в ранг святых как предшественники большевистской революции» (с. 22).

Конечно, заключает Стайтс, декабристы не являлись активными членами международного братства, ставившего своей целью свержение абсолютизма во всей Европе (хотя некоторые из них надеялись это сделать после успешного переворота в России). В то же время «их солидарность с инсургентами Испании, Неаполя и Греции вписывается в картину возникающего революционного интернационализма, предвосхищая польских революционеров-романтиков, Мадзини, Бакунина, ранних панславистов и даже, в каком-то смысле, Троцкого и деятелей Коминтерна» (с. 23).

О.В. Большакова

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Сборник обзоров и рефератов

Оформление обложки И.А. Михеев
Художественный редактор Т.П. Солдатова
Технический редактор Н.И. Романова
Компьютерная верстка О.В. Егорова
Корректор О.В. Шамова

Гигиеническое заключение

№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 16/VII – 2012 г. Формат 60х84/16

Бум. офсетная № 1. Печать офсетная Свободная цена

Усл. печ. л. 10,75 Уч.-изд. л. 9,5

Тираж 300 экз. Заказ № 108

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий
Тел/Факс (499) 120-45-14**

E-mail: inion@bk.ru

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997

042(02)9